

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07919872 1

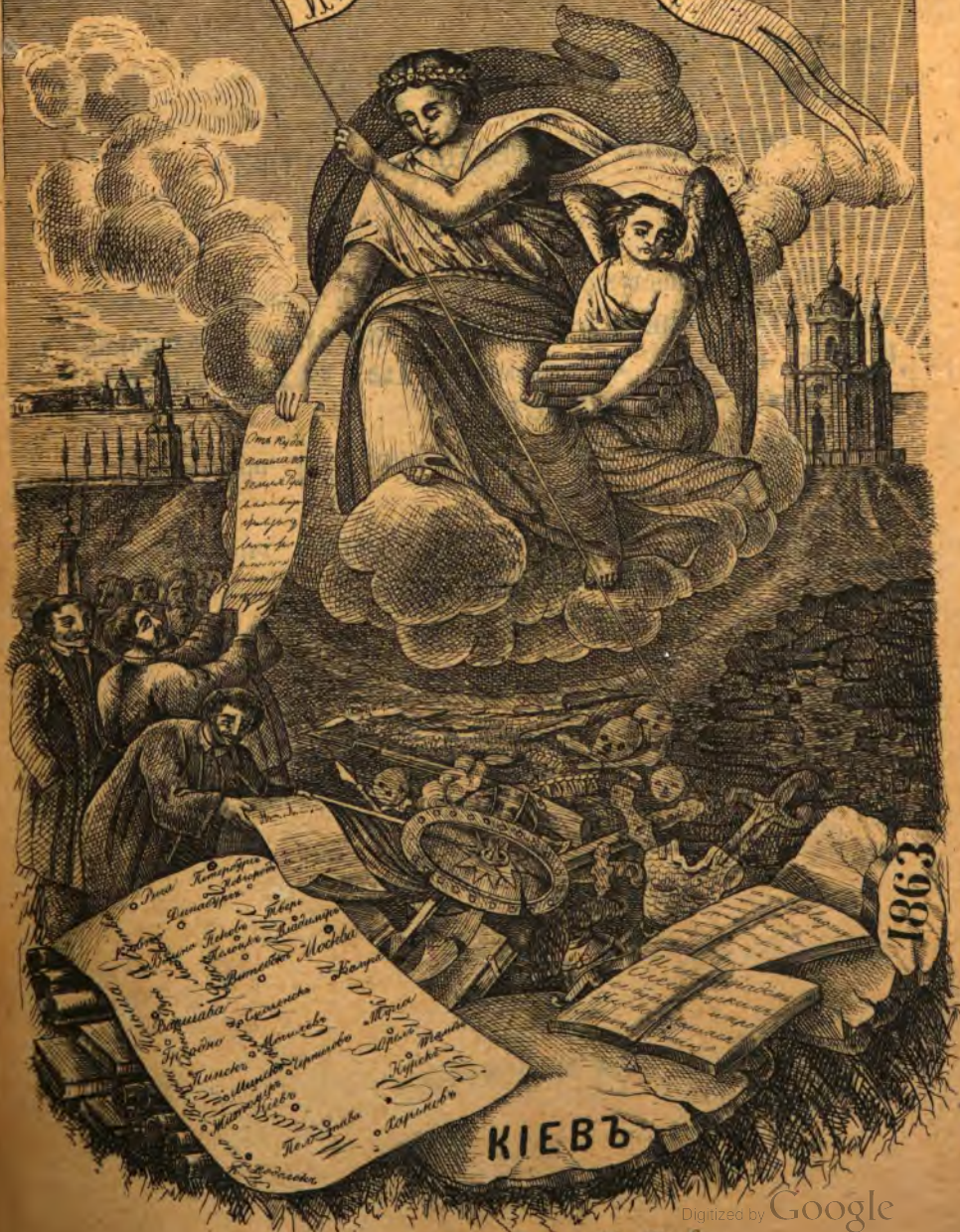

ВѢСТНИКЪ

ЧТО ЗАПАДНОЙ И ЗАПАДНОЙ РОССИИ
ИСТОРИЧЕСКАЯ ИСТИНА

1863

Printed in Russia.

КИЕВЪ

Лит. У. и К. Давыденко. Во Кибрѣ.

ОБЪЯВЛЕНИЕ ОТЪ РЕДАКЦІИ «ВѢСТНИКА».

На дняхъ поступила въ продажу въ редакціи, велико-
лѣпно отпечатанная въ три тона, на лучшей веленовой
бумагѣ, гравюра, изображающая **12 ВИДОВЪ**
ГОРОДА КІЕВА.

Цѣна гравюры 30 к. с. На пересылку прилагается за
одинъ фунтъ.

Подписчики «Вѣстника», при покупкѣ этой гравюры,
пользуются бесплатной пересылкой.

ВѢСТНИКЪ

ЮГО-ЗАПАДНОЙ и ЗАПАДНОЙ РОССИИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

К. Говорскимъ.

МАЙ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

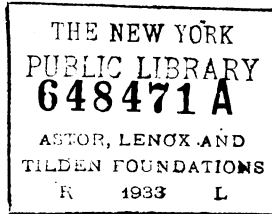
ТОМЪ IV.

КИЕВЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. И А. ДАВИДЕНКО.

1863.

Дозволено цензурой. Киевъ, 12 Юля 1863 года.

Цензоръ ~~Макушевскій~~.

ОБЪЯВЛЕНИЕ
О ПРОДОЛЖЕНИИ ЖУРНАЛА
ВЪСТНИКЪ
ЮГО-ЗАПАДНОЙ И ЗАПАДНОЙ РОССИИ.
ВЪ 1863/4 ГОДУ.

(Годъ начинается съ юна).

ВЪСТНИКЪ ЮГО-ЗАПАДНОЙ И ЗАПАДНОЙ РОССИИ приступаетъ къ началу втораго года своего существованія. Не намъ судить о томъ, какъ онъ рѣшилъ свою задачу. Пожелавъ въ бурную эпоху столкновенія двухъ народностей, въ периодъ великихъ и благодѣтельныхъ реформъ въ лицѣ отечества, въ самыя разсары либеральныхъ выражей, въ минуту равнодушія убѣжденій и проявленія разкордныхъ стремленій, въ такую кипущую, говоримъ, эпоху нашего слова и дѣла, — **ВЪСТНИКЪ**, весьма вѣтнѣливо, не могъ удовлетворить всѣмъ направленіямъ, угодиъ всѣмъ убѣжденіямъ, выдержавъ, подобно вѣночрымъ органамъ нашей журналистики, восточной нейтралитета между двумя непріятельскими лагерями, между открытымъ дѣломъ и скрытою полубитвою. Его совѣтъ съвершился и будетъ отвѣрять съ презрѣніемъ девизъ жосмайтѣ „и нашимъ и вашимъ, и въ кепѣ, и въ патлѣ“, онъ дѣкогда не увидитъ до париками своего русскаго походу только что оноже чужое, не подвѣаетъ своей задачею глумленіемъ надъ вѣтнѣ дѣлными, потому только, что свнхитивъ его лехедивъ съ муарава и забетавго оковужданъ Россіи правительствѣ. Слово **ВЪСТНИКА** звучало и будетъ звучать съ юбарною ему вендетію и откровенностію, будетъ (какъ и было) проникливо посыланіемъ стремленіемъ къ истинѣ, аннхитивомъ любезію ко всякому честному, нормальному и интеллигентному, а себѣоко,

KNIGA DEC 14 1931

безраздѣльною, всецѣлою недалекою отъ обожанія, преданности интересамъ бездѣльной для насъ Россіи, ея Повелителя, ея Вѣры и народности.

При такихъ отношеніяхъ ВѢСТНИКА къ нашимъ реликвіямъ, онъ не могъ удержаться въ предѣлахъ апатичнаго разглагольствія, не могъ прибѣгать къ дипломатіи, когда нужно было сражаться; ораза его бичевала всѣхъ посягателей на цѣлость нашей Вѣры и народности, громила все, что только встрѣчала враждебною на пути къ спокойствію и благополучію нашей отчизны. Понятны послѣ этого нападки въ-которыхъ органовъ нашихъ на тонъ и направленіе ВѢСТНИКА: послѣдній пришелся слишкомъ не по вкусу людей, пропитанныхъ или безпричинными антипатіями, или положительнымъ стремленіемъ къ ломкамъ, сепараціямъ, плохо понятому либерализму, безотчетному атеизму, авархіи и другимъ атрибутамъ разрушенія, безъ плановъ и надеждъ на созиданіе. Большинство этихъ нападокъ, какъ возстаній противъ наглядныхъ, простыхъ истинъ, или личности ВѢСТНИКА, было такъ ничтожно, что ВѢСТНИКЪ считалъ себя вправѣ пройти (какъ и будетъ проходить) мимо нихъ молча, съ достойнымъ ихъ презрѣніемъ: онъ считалъ ихъ недостойными своего имени и значенія, онъ имѣлъ довольно примыхъ священныхъ, неслужныхъ, обязанностей, чтобы не развлекать своихъ силъ безцѣльною перестрѣлкою, не терять времени и боевыхъ силъ рядовъ на то, чтобы громить соломенные снопы нарѣзными пушками. Не тамъ, гдѣ выстрѣлы, хотя часто и безвредные, направлены были въ сердце нашихъ святыхъ, въ твердыни нашей Вѣры и народности, ВѢСТНИКЪ не щадилъ своихъ средствъ. Онъ преслѣдовалъ тутъ не столько дѣло, сколько настроеніе, мстил не за вредъ настоящій, но предотвращалъ будущій. Къ этой послѣдней необходимости вызвали его враги—частію свои, а особенно чужіе, и ВѢСТНИКЪ, скажемъ безъ самехвалства, не остался въ долгу ни предъ тѣми, ни предъ другими: онъ подымалъ кое какія опасныя сепараціи, осудилъ пезаслугамъ дерзкія возстанія на божественность нашей религіи, на цѣлость и спокойствіе нашего отечества; онъ разоблачалъ почти всѣ уловки латинопельской пропаганды и дѣлалъ самымъ сдѣлалъ ихъ безопасными для насъ и вредными для самихъ пропагандистовъ; онъ ополчался на защиту нашей народности отъ не законныхъ и не разумныхъ къ ней претензій со стороны некоторыхъ жалкихъ мечтателей и способствовалъ проявленію патріотическихъ движеній смельцовъ Рос-

УДК 62-10

снѣ, забвенію мелкихъ домашнихъ дразгъ и настроеній, и тѣснѣйшему сплоченію ихъ въ одну семью, крѣпкую своимъ единодушіемъ и neodолжимую для враговъ ея и завистниковъ. ВѢСТНИКЪ обличилъ и опровергъ бездну лжей и клеветъ, искаженій исторіи и современности, которыя разсѣвали на счетъ Россіи ея недруги—и у насъ и, особенно, за границей; онъ разоблачилъ затѣи и продѣлки революціонныхъ комитетовъ и тѣмъ положилъ, быть-можетъ, конецъ той моральной битвѣ съ нами супостатовъ, которая по добно опасной, внутренней болѣзни изнурила бы, истерзала насъ, если-бы не вышла наружу въ вередяхъ физическаго буйства, слишкомъ ничтожныхъ и безвредныхъ для нашей силы и жизни,—словомъ, ВѢСТНИКЪ старался выбить непріятелей изъ всѣхъ почти позицій. Оттого первый годъ ВѢСТНИКА можно назвать годомъ по преимуществу *полемическимъ*. Не отъ ВѢСТНИКА зависѣло преобладаніе въ немъ этого направленія, не отъ него будетъ зависѣть и отреченіе отъ него. Чувство чести и сознаніе долга заставитъ его поднимать перчатку всякій разъ, какъ только она гдѣ либо, кѣмъ либо будетъ брошена Россіи или православію; битва до смерти со всѣмъ враждебнымъ нашей вѣрѣ и народности будетъ девизомъ ВѢСТНИКА до тѣхъ поръ, пока на землѣ русской останется хоть одинъ ея непріятель, пока враги ея не положатъ оружія и не позволятъ намъ *перекочевать мечи на серпы*,—перейти отъ военныхъ столкновеній къ мирнымъ занятіямъ.

Но, и внѣ полемики, ВѢСТНИКЪ потрудился на пользу Россіи и ея исторіи не мало: онъ воспроизвелъ довольно мало-извѣстныхъ и издалъ не мало вовсе неизвѣстныхъ историческихъ матеріаловъ; онъ рѣшилъ въ пользу истины много вопросовъ мѣстныхъ, историческихъ, этнографическихъ, международныхъ; онъ подарилъ кое чѣмъ любителей легкаго чтенія,—вообще—сдѣлалъ въ небольшой промежутокъ времени далеко больше того, что предполагалъ и общался сдѣлать. Не малою услугою, оказанною нашей народности, ВѢСТНИКЪ смѣетъ считать и тѣ интимныя отношенія, въ какихъ онъ поставилъ себя и наше отечество къ западнымъ славянамъ—венгерскимъ и галиційскимъ, тѣ симпатіи, которыя онъ возбуждалъ въ нихъ къ намъ и нашему языку, которыя они постоянно заявляютъ и въ письмахъ своихъ къ редакціи, и въ печати, и которыя такъ отрады для нашей славянской природы.

Оттого всѣ истинные друзья Россіи и всѣхъ элементовъ ея жизни и крѣпости—оказались друзьями ВѢСТНИКА. От

того всѣ благороднѣйшіе органы нашей журналистики, отвергнушіеся, подобно ВѢСТНИКУ, съ презрѣніемъ, отъ модныхъ предразсуждовъ, либеральныхъ миражей и разрушительныхъ тенденцій,—отозвались въ пользу его направленія, признавъ исключительность его характера и, не смотря на отдаленность отъ поля битвы, на которомъ раздавались выстрѣлы ВѢСТНИКА, сумѣли оцѣнить ихъ силу и меткость, признали ихъ умѣстными и даже не назвали ихъ неумѣренными. Оттого всѣ частныя лица, стоящія во главѣ русской интеллигенціи, всѣ друзья истины и порядка, чести нашей Вѣры и народности, поминутно заявляли и заявляютъ такое явное для ВѢСТНИКА сочувствіе, такое полное одобреніе его характера, тона и направленія, оглашеніе котораго не мирится съ правилами нашей скромности и о котомомъ сдѣланъ здѣсь намекъ для заявленія только благодарности дѣятелей ВѢСТНИКА благороднымъ и безысчислимымъ его покровителямъ, руководителямъ, друзьямъ и сотрудникамъ.

ВѢСТНИКЪ будетъ издаваться по прежней программѣ. Онъ остается вѣреть слѣдующимъ 4 рубрикамъ.

ОТДѢЛЪ I.

Историческіе акты.

Здѣсь будутъ помѣщаться сохранившіеся въ разныхъ архивахъ и бібліотекахъ акты, относящіеся къ церковной, гражданской и народобитовой исторіи западной и юго-западной Россіи, въ *буквальныхъ* спискахъ съ подлинниковъ, съ переводами на русскій языкъ тѣхъ изъ нихъ, которые составлены на польскомъ, латинскомъ и другихъ языкахъ, съ изъясненіемъ непонятныхъ словъ и выраженій и приложеніемъ необходимыхъ примѣчаній.

ОТДѢЛЪ II.

Очерки и рассказы изъ событій прошедшаго быта и нравовъ, на основаніи актовъ, помѣщенныхъ въ предыдущемъ отдѣлѣ, и вообще источниковъ, служащихъ для исторіи западной и юго-западной Россіи,—научныя изслѣдованія вопросовъ, относящихся къ той же исторической сферѣ біографіи замѣчательныхъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ упомянутыхъ краяхъ, свидѣнія о церквахъ, монастыряхъ, учрежденіяхъ и мѣсте-

тахъ, имѣющихъ историческое значеніе, и описанія мѣстностей съ историческими воспоминаніями. Здѣсь также будутъ имѣть мѣсто всякія изслѣдованія и статьи по части отечественной археологіи.

ОТДѢЛЪ III.

Критика сочиненій и статей, относящихся къ юго-западной и западной Россіи и заслуживающихъ вниманіе нападокъ на Вѣстникъ, — опроверженіе вымысловъ и клеветъ на Россію и православіе, распространяемыхъ печатно врагами нашего отечества — и у насъ, и за границею, — обличеніе ихъ во всякомъ искаженіи фактовъ, — вообще полемика со всѣмъ, что направлено къ нарушенію цѣлости нашей Вѣры и народности.

ОТДѢЛЪ IV.

Очерки, описанія и изслѣдованія разныхъ сторонъ настоящаго быта западной и юго-западной Россіи, въ связи съ ея прошедшею исторіею, — статистическія свѣденія о сихъ странахъ, археологическія розысканія, — свѣденія о заграничныхъ славянскихъ племенахъ вообще, и въ особенности о нѣмцахъ, принадлежавшихъ прежде къ Россіи, — о русской грамотности и распространеніи ея въ областяхъ юго-западной Россіи, — новыя государственныя постановленія, исключительно касающіяся сихъ странъ, — хроника важнѣйшихъ происшествій въ сихъ странахъ, — извлеченія изъ русскихъ и заграничныхъ журналовъ и газетъ разныхъ извѣстій о западной и юго-западной Россіи, — библиографическія извѣстія о вновь вышедшихъ книгахъ и брошюрахъ, имѣющихъ предметомъ эти страны, — некрологи и разныя мелкія статьи (въ стихахъ и прозѣ), не подходящія подъ рубрику первыхъ трехъ отдѣловъ: Корреспонденція. Объявленія и проч.

Въ родѣ прибавленій, редакція, по временамъ, будетъ прибѣгать къ книжкамъ журнала чертежи древнихъ памятниковъ и другихъ предметовъ, автографы историческихъ дѣятелей, рисунки зданій и мѣстностей, замѣчательныхъ въ историческомъ отношеніи и проч.; а если будетъ располагать большими денежными средствами, то своимъ подписчикамъ будетъ высылать безвозмездно брошюры историческаго содержания.

ВѢСТНИКЪ

Выходитъ съ 1-го іюля, ежемѣсячно, книжками отъ 13—15 листовъ обыкновенной печати (до сего времени редакція

дела публичъ отъ 16—20 листовъ и болѣ компактною печати).

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Кіевѣ: въ редакціи журнала, на Подоль и въ конторѣ его, при книжномъ магазинѣ *г. Литова*; въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ журнала, при книжномъ магазинѣ *А. Ф. Базунова*, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Ольхиной, противъ Милютиныхъ лавокъ, въ книжномъ магазинѣ гг. книгопродавцевъ *Караблева и Сирякова*, на Садовой улицѣ, противъ Гостиннаго двора, въ домѣ Балабина, и въ книжномъ магазинѣ *г. Литова*, на углу Невскаго проспекта и Малой Садовой улицы; въ Москвѣ: въ конторѣ журнала при книжномъ магазинѣ *И. В. Базунова*, и комисіонера *Вѣстника*, купца *Г. В. Барскаго*, на Садовой, у гостиницы «Полтава», въ домѣ Быхова; въ Варшавѣ у книгопродавца *И. В. Дутова*, и другихъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

ЦѢНА ВѢСТНИКА ЗА ГОДЪ:

для жителей *Кіева*, безъ доставки 6 р. 50 к., съ доставкою на квартиру 7 р. 50 к., а съ пересылкою во всѣ города Имперіи 8 р.

Гг. иногородные подписчики благоволятъ относиться съ своими требованіями исключительно въ редакцію журнала *Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи, въ Кіевъ*.

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать, Редактору—издателю *Вѣстника Ксенофонту Антоновичу Говорскому, въ Кіевъ*.

Редакторъ—издатель **К. Говорскій.**

Сотрудникъ—редакторъ **И. Эрмищъ.**

№ 31-й.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ГАЛИЦІИ.

Реляція о приходской церкви Вировской, олатинившейся ¹⁾.

(буквальный переводъ съ польскаго)

Церковь эта основана для православныхъ греческаго обряда (pro Ritu Graeco), въ 1712 году, Иваномъ Годлевскимъ, старостою нурской земли, какъ свидѣтельствуесть *эрекціальный* документъ, 26 іюля того же года, въ которомъ описаны недвижимыя имущества, дуга, огороды, священническая усадьба и проч. Въ теченіи 80 лѣтъ она оставалась въ споконномъ владѣніи приходскихъ священниковъ, которые совершали богослуженіе въ Вировѣ и всѣ духовныя требы.—Панъ Францисекъ Кушель, бывшій стольникъ дрогицкій, приобрѣвши имѣнія въ селѣ Вировѣ и дѣлая въ немъ разныя преобразованія, какія, казалось ему, могли улучшить его доходы, распорядился также и съ священническою усадьбою и съ церковью. Онъ перенесъ село на другое мѣсто и на другіе грунты, а прежнія жилища и грунты владѣльцевъ забралъ себѣ. Между ними онъ захватилъ и тѣ церковныя земли съ жилищами, ко-

---

¹⁾ Документъ этотъ, писанный на польскомъ языкѣ хранится въ львовскомъ, ставропигіальномъ архивѣ; копія съ него доставлена въ редакцію Вѣстника профессоромъ львовскаго университета Н. О. Головацкимъ.

торыя находились въ сосѣдствѣ, давая въ замѣнъ ихъ священнику другія земли, гораздо худшія и менѣе прибыльныя. Когда приходскій священникъ началъ пользоваться ими, пану Кушелю вздумалось отобрать и ихъ, а назначить *ординарію* (опредѣленное количество хлѣба и разныхъ съестныхъ припасовъ), которую въ одномъ году давалъ, въ другомъ уменьшилъ, въ третьемъ совершенно не далъ. Когда же священникъ Григорій Варпеховскій отстаивалъ свои доходы сообразно съ имуществомъ, панъ Кушель вознамѣрился избавиться отъ него ненавистнымъ и притѣснительнымъ образомъ, насылая на его усадьбу то шляхту, то жидовъ, то пріѣзжалъ самъ съ грознымъ приказаніемъ удалиться прочь. Когда же приходскій священникъ переносилъ это терпѣливо и, усердно исполняя свои пастырскія обязанности, получалъ отсюда кой какіе способы поддержанія себя, панъ Кушель вознамѣрился лишить его и этихъ способовъ. Одна ли только жадность побуждала его или же вмѣстѣ и ненависть къ русскому обряду, только онъ твердо рѣшился принудить вировскихъ прихожанъ, а своихъ подданныхъ, къ отступленію отъ своей церкви и обрядовъ и къ принятію латинскихъ въ ближайшемъ Скъшешевскомъ косціолѣ. Въ такомъ намѣреніи онъ воспользовался владѣльческою властію на столько, сколько было возможно. (Онъ чрезъ своего эконома запретилъ людямъ исповѣдываться передъ пасхою и приобщаться въ своей церкви, но въ косціолѣ съ угрозою тѣлеснаго наказанія, которое одни понесли съ ругательствомъ: «вотъ тебѣ закуска послѣ просфоры» (oto ci zakaska po proskurze), а другіе, опасаясь подобнаго наказанія, волею не волею должны были оставлять свое богослуженіе. Чрезъ войта учили попольски молитву господню (racierza), въ русскіе праздники силою выгоняли на работы, въ русскіе посты дворовые люди по домамъ осматривали нищу, и чтобы она была съ мясомъ, принуждали къ этому угрозами и силою. Приводили рьяныхъ фаватиковъ, латинскихъ ксеядзовъ, то францисканца изъ Дрогичина, то викаріевъ изъ Скъшешева, которые о греческомъ обрядѣ толковали людямъ со всевозможнымъ презрѣніемъ и злословіемъ; тѣхъ же, которые перемѣняли свой прародительскій обрядъ на латинскій, привѣтствовали, называя ихъ католиками. Такою безсовѣстною миссією сдѣлали то, что въ вѣсколько лѣтъ большая часть людей олатинилась, приходскій священникъ принужденъ былъ ус-

тупить, его домъ и другія постройки панъ Кушель приказалъ разрушить, а цѣлую усадьбу запахать въ господскую пашню. Онъ же приказалъ раскидать церковь, которая по ветхости и по недосмотру готова была развалиться, а новую, хотя въ другомъ мѣстѣ и заложилъ, но собственно съ тою цѣлю, чтобы имѣть дворовую каплицу, а не приходскую церковь. Такъ было въ 1788, 89, 90, 91, и слѣдующихъ годахъ. Все это сходило пану Кушелю во времена отечественной революціи, когда можно было при помощи латинскихъ ксендзовъ безнаказанно уничтожать всякіе признаки какъ гражданскаго, такъ и церковнаго права, когда дѣвнее правительство было такъ слабо, что не могло положить этой безравности никакой преграды. Только съ наступленіемъ порядковъ счастливо царствующаго надъ нами теперь всепреслѣтлѣйшаго Монарха, когда и всякаго класса жителямъ и послѣдователямъ разныхъ вѣроисповѣданій *религии* дарована безопасность отъ всякаго преслѣдованія и спокойное пользованіе каждому своими правами; русское духовенство получило надежду возвратить свои приходскія и владѣльческія права въ Вировѣ. Когда оно прежде всего при посредствѣ мѣстной консисторіи обратилось объ этомъ къ пану Кушелю, то онъ съ презрѣніемъ отвѣчалъ, что уже снесся съ ксендзомъ Галибуртономъ, управителемъ епархіи латинской, чтобы въ Вировѣ русской церкви не было, но латинская каплица, приписная къ Скшешевскому косціолу. А когда вскорѣ послѣ сего, по интригамъ ксендза Галибуртова назначено двухъ депутатовъ для договора съ паномъ Кушелемъ о присоединеніи къ себѣ прихода съ новооканчивающеюся церковію въ Вировѣ, русское духовенство противъ таковыхъ интригъ подало жалобу въ мѣстное Сѣдлецкое окружное правленіе съ просьбою о задержаніи комиссіи и недопущеніи никакой перемѣны въ первоначальномъ фондусѣ вировской церкви. Вслѣдствіе чего и получило *запрещеніе*, (*inhibitia*) и потребованы были къ объясненію во депутаты какъ латинскіе, такъ и панъ Кушель, которымъ Крейскапитанъ Закушихъ Сѣдлецкій казалось сначала дѣлалъ справедливыя убѣжденія, чтобы перестали нарушать эрекціалныя права русскаго духовенства, закрѣпленныя осьмидесятилѣтнимъ его владеніемъ и въ намѣреніи окончательно утвердить эти права за послѣдователями русскаго обряда, назначилъ свой сѣздъ на мѣстѣ, въ Вировѣ въ 1797 году 17 дня августа. Хотя же

сѣхалъ и составилъ протоколъ комиссiи, но съ явнымъ пристрастiемъ къ сторонѣ пана Кушеля и съ нарушенiемъ справедливости для насъ. Когда же *во первыхъ*, протоколъ писанъ на нѣмецкомъ непонятномъ для насъ языкѣ, хотя нижеподписавшiеся, будучи назначенными отъ своего начальства присутствовать при совершенiи акта; просили, дабы было писано на латинскомъ языкѣ. *Восторыхъ*. Все что только клонилось въ пользу противной намъ стороны—записывалъ съ особеннымъ вниманiемъ и пристрастiемъ; нѣкоторые документы и бумаги подложно сдѣланные, а именно: иногда небывалый, уступочный актъ приходскаго священника Варпеховскаго, подлежащiй будто бы приобщить къ протоколу, принялъ, а жалобу, поданную присутствующимъ въ то же время священникомъ вировскаго прихода возражающую противъ такого подложнаго уступочнаго акта какъ равно и о многихъ другихъ притесненiяхъ, явно устранивъ, не помѣстивъ въ протоколъ. *Во вторыхъ*. Запретъ лавасанскiй собранной громадѣ особенно на слѣдующiй пунктъ: «кто въ будущее время желаетъ исполнять обряды католической, а кто греко—русской вѣры?» Дѣлалъ исключительно только въ присутствiи католическаго духовенства и поборника оного, сэжато же г. Кушеля, съ явнымъ умысломъ, дабы устранивъ депутатовъ со стороны православiя пересѣчь ихъ свиданiе съ соборнымъ народомъ, способствующее въ крайнемъ случаѣ къ подачѣ сообразныхъ совѣтовъ. *Во четвертыхъ*. Никакихъ обетованiй, относящихся къ обжалованнымъ нашимъ и преслѣдованiямъ нашихъ обрядовъ, дѣлаемымъ со стороны управленiя вировскою вотчиною отмѣнить не хотѣлъ и даже во время самой же комиссiи дозволялъ преслѣдовать русскихъ, и такъ какъ значительное число жителей, съ особенною твердостью придерживающихся обрядовъ православной вѣры, вслѣдствiе угрозъ г. Кушеля: «если они хотѣтъ оставаться русскими то выгнать этихъ вѣроотступниковъ (schyzmatyków) вонъ изъ деревни», была установлена передѣли на католичество; о чемъ когда нижеподписавшiеся обратились съ жалобою по сему предмету, то и въ этомъ, имъ тоже отказалъ, хотя впоследствии тѣмъ же нижеподписаннымъ дозволилъ разсматрѣть протоколъ для дачи просящихъ возраженiй на латинскомъ языкѣ противу многихъ пунктовъ пана Кушеля, но это было сопряжено съ большими препятствiями по причинѣ слишкомъ ограниченаго срока, въ

теченіи котораго мѣшала это сдѣлать самая же посядѣнность. Наконецъ, когда по совершеши протокола сдѣлать вопросъ: «не читѣтели еще чего прибавить которая либо изъ тяжущихся стороць и когда нижеподписавшіеся изъявили свои желанія, то, хотя имѣ и былъ поданъ листъ бумаги, на которомъ положили свою просьбу, дабы яеѣе разобличить причиняемыя обиды обряду, церкви и приходу, но таковая бумага, хотя и была приобщена къ протоколу, однако, вполсѣдствии, когда тѣ же лица выхлопотали въ *крейзамтъ* экстрактъ изъ упомянутаго протокола, оказалось, что этотъ листъ былъ совершенно уничтоженъ, какъ равно и прочія бумаги, поддерживающія интересъ нашего обряда, какъ то: *инсталлацію* (утвержденіе) настоятеля Вировскаго, къ нему же писанные паномъ Кушелемъ такъ называемые преслѣдующіе билеты (*przesladowcze bilety*); тоже билетъ писанный однимъ изъ депутатовъ пана Кушеля ксендзомъ Домбровскимъ, которымъ научалъ его, чтобы онъ вошелъ въ тѣсную дружбу съ окружнымъ старостою, а русскаго приходскаго священника уговорилъ, чтобы онъ написалъ уступочный актъ прежнимъ числомъ, а также забравши документы касающіеся ерекціи, и основанія церкви, актъ ревизіи и другія бумаги, съ обязательствомъ возвратитъ ихъ, не только не возвратилъ, но еще, домогающихся грозно страцалъ. Въ пользу же Кушеля, въ нашемъ же присутствіи, подавалъ совѣты какъ и какимъ порядкомъ онъ долженъ руководствоваться въ пользу собственного интереса, кромѣ того, совѣтовалъ пану Кушелю значительною взяткою склонитъ на свою сторону Креизъ—капитана, равно такую же взятку, въ Вировѣ, въ присутствіи трехъ свидѣтелей, обѣщалъ дѣтъ г. Лакупишу и его секретарю Цоппоту; вслѣдствіе чего, коммиссія не только что не защитила правъ русскаго обряда, но напротивъ, еще больше способствовала къ нарушенію таковыхъ; а послѣ того, ксендзы, осмѣленные таковымъ для нихъ снисхожденіемъ, сами, освятивши новую церковь, взяли ее въ собственное распоряженіе, а въ добавокъ, панъ Кушель выхлопоталъ въ областной надворной коммиссіи дозволеніе (*provisorium*), дабы русская вировская церковь, вмѣстѣ съ цѣлымъ приходомъ, и съ фундушемъ, навсегда при нихъ оставалась,—далѣе же, опять постарался о какія то подобныя провизоріи въ пользу католицизма съ пагубнымъ нарушеніемъ правъ церкви и русскаго духовенства; чѣмъ какъ онъ, такъ и

католическое духовенство сейчас же начало публично хвастать въ ущербъ истинныхъ убѣжденій мѣстнаго православнаго народонаселенія.

Довода до свѣденія о изложенныхъ здѣсь обстоятельствахъ, нижеподписавшіеся убѣдительнѣйше присовокупляютъ свою покорнѣйшую просьбу, дабы начальство съ приличнымъ себѣ правосудіемъ благоволило исходатайствовать въ высшемъ правительственномъ мѣстѣ о справедливой и сообразной для насъ помощи по этому дѣлу.

Данъ въ Гродзискѣ, 4 іюля 1805 года.

Свящ. Петръ Велиновичъ, настоятель Хатвецкій, благочинный Ложицкій.

Свящ. Викентій Павловичъ, настоятель Гродзискій, благочинный Соколовскій.

Согласно съ подлинникомъ. Я. Ѳ. Головацкій.

Львовъ 9/18 декабря 1862 г.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ГОНЕНИЯ ДИССИДЕНТОВЪ ВЪ
Б. ПОЛЬСКОЙ РЪЧИ-ПОСПОЛИТОЙ.

Замѣчанія на статью о диссидентахъ, вносившуюся обыкновенно въ генеральныя конфедераціи и въ „роста conventa“ *).

(Переводъ съ польскаго)

§ 1. О законахъ противъ еретиковъ.

Правовѣрный народъ польскій можетъ похвалиться предъ Богомъ и людьми тѣмъ, что онъ какъ первоначально принялъ вѣру Христову спокойно и охотно, безъ пролитія крови своихъ перво-апостоловъ и перво-учителей; такъ и потомъ, въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, представлялъ въ себѣ чисту христову невѣсту: онъ не принималъ ересей возникавшихъ въ сосѣднихъ странахъ, не стоялъ на сторонѣ схизматиковъ во время раздѣленія церкви. Когда расколъ Гусса проникъ изъ Чехіи въ Польшу и хотѣлъ распространиться здѣсь, Владиславъ Ягелло,

---

*) Копія съ рукописи, хранящейся въ архивѣ львовской, ставропигіальной лавры, доставленная въ редакцію вышесказаннымъ О. Я. Головацкимъ и ею переведенная на русскій языкъ. Гг. полонофиламъ, въ особенности дѣятелямъ Основы, неразумно утверждающимъ, что въ либеральной (!!!) рѣчи посполитой не было гоненій за вѣру со стороны ея правительства, совѣтуемъ обратить вниманіе и на этотъ документъ, чтобъ еще болѣе убѣдиться въ неосновательности такого мнѣнія.

Ред.

король ревностный въ вѣрѣ поразилъ его своимъ строгимъ приговоромъ, даннымъ, съ общаго согласія всѣхъ государственныхъ сословій, въ Вѣлюни 1424 г., л. 15: »опредѣляемъ, какъ постоянный и неизмѣнный эдиктъ, что всякій, кто, по изслѣдованію нашихъ капитановъ и городскихъ консуловъ, равно какъ и другихъ чиновниковъ, какъ состоящихъ въ должности такъ и стоящихъ внѣ ея, окажется еретикомъ или зараженнымъ ересью или подозрѣваемымъ въ ней, или покровителемъ и проводникомъ ея, тотъ будетъ считаться оскорбителемъ королевскаго величества и наказываться сообразно съ тяжестью своего преступленія«. Этотъ декретъ относился къ еретикамъ и евреямъ вообще; но теперь онъ своею строгостію противодѣйствовалъ главному образомъ разлитію ереси гусситовъ, проникавшей изъ Чехіи. При сынѣ Владислава, корчинская генеральная конфедерація прославилась не менѣе строгими мѣрами въ этомъ родѣ, она единодушно постановила: »противъ всякаго, кто порождаетъ или распространяетъ еретическія заблужденія, мы желаемъ и общаемъ возстать для истребленія его, каковаго бы ни былъ онъ сословія, званія, состоянія и чина, духовный ли или свѣтскій, желаемъ и общаемъ возстать во имя нашей вѣры и чести, безъ всякой хитрости и обмана, безъ всякой помощи совѣта самаго патрона; и хотя бы кто изъ виновныхъ въ показанномъ преступленіи соединенъ былъ съ нами или съ кѣмъ либо изъ нашихъ узамъ крови, родства или какими нибудь другими близкими отношеніями, мы не думаемъ защищать его, мы, напротивъ, желаемъ и общаемъ наказать всякаго, кто бы онъ ни былъ.« Конфедерація не упоминаетъ здѣсь о гусситахъ, она говоритъ только о еретикахъ, но это названія равно относятся какъ къ лютеранамъ и кальвинистамъ, такъ и къ гусситамъ. Противъ Лютера и лютеранъ направлень главнымъ образомъ эдиктъ Сигизмунда 1-го, постановившій въ 1623 г. »чтобы никто не вносилъ въ королевство книгъ Лютера или каковаго либо изъ его послѣдователей..... чтобы никто, подѣ страхомъ смертной казни и конфискаціи всего имущества, не осмѣливался одобрять зловредное, но уже осужденное его ученіе, а тѣмъ болѣе исповѣдывать и распространять его.« (См. 4 кн. Constitutionum synod. p. 291). Такой же эдиктъ данъ былъ Сигизмундомъ Августомъ въ 1551 г., въ Варшавѣ, на генеральномъ сеймѣ (См. тамъ же, въ Constitut. synod. p. 299).

Есть декреты, направленные какъ противъ еретиковъ вообще, такъ и въ частности противъ лютеранъ, кальвиновъ и др. ¹⁾

§ 2. О конфедеренціяхъ, старавшихся ослабить строгость указанныхъ законовъ.

Затѣмъ выступаетъ рядъ конфедерацій, противодѣйствующихъ изложеннымъ законамъ противъ еретиковъ. Въ польскомъ народѣ не можетъ имѣть силы закона то, что неопредѣлено обща, единодушно. ²⁾ По смерти Сигизмунда Августа, конфедерация 1579 изрекла: »общаемъ за себя и своихъ наследниковъ, что тѣ изъ насъ, которые явятся диссидентами въ вѣрѣ, будутъ однакожъ сохранять взаимный миръ, не проливать крови изъ-за разиовѣрія и церковныхъ перемѣнъ, не владѣть конфискованными имѣніями тѣхъ лицъ, кои подвергнуты тюремному заключенію и ссылкѣ, нисколько и никогда не содѣйствовать такимъ дѣйствіямъ правительства или какой бы то нибыло власти; напротивъ, еслибы кто вздумалъ проливать кровь изъ-за этого религіознаго дѣла; то, хотя бы онъ дѣйствовалъ подѣ

¹⁾ Другіе эдикты какъ Сигизмунда 1-го, такъ и Сигизмунда Августа противъ лютеранъ, кальвинистовъ и др. собраны у Залускаго, во 2 т. л. 742 и слѣд. Здѣсь находится также эдиктъ Януша, князя мазовѣцкаго, эдиктъ строгій, угрожающій еретикамъ смертію и конфискаціею ихъ имущества, запрещающій имъ входить въ мазовѣцкое княжес во, особенно въ Варшаву.

²⁾ *Lex enim Polono esse non potest, qua non fit omnium consensu* „какъ говорятъ великій канцлеръ Залусскій, тамъ же, въ указанномъ томѣ, на стр. 755.

предлогомъ декрета или подъ вліяніемъ суда, мы всѣ обязаны противодѣйствовать ему«. Этой конфедераціи, провозгласившей свободу всѣмъ сектамъ, и запретившей наказывать ихъ, не подписалъ (подъ предлогомъ будто бы спокойствія) одинъ только епископъ, который, однакожь, какъ говоритъ Соликовскій, ¹⁾ сильно жалѣлъ объ этомъ какъ при жизни, такъ и при смерти. Хотя этотъ религіозный интересъ зависѣлъ по преимуществу отъ епископовъ, тѣмъ не менѣе сословіе духовное и многіе изъ рыцарей-католиковъ (военныхъ) заявили тотчасъ свой протестъ въ Сахачовѣ на 3-й день послѣ воскресенія пятидесятиницы 1573 г. ²⁾ Всѣ приговоренные съ презрѣніемъ отнеслись къ этой конфедераціи, а потомъ вся польская церковь прекрасно раскрыла ея недостойныя дѣйствія и торжественно осудила ее на національномъ піотрковскомъ соборѣ 1678 года, утвержденномъ папою Григоріемъ XIII (См. кн. I. Constit synod. p. 7). Ксендзь Петръ Скарга надлежащимъ образомъ порождаетъ эту конфедерацію и ея сторонниковъ въ своей книгѣ: »Process na Konfederacya«, напечатанный при его проповѣдяхъ. Сами еретики издѣвались надъ нею: въ другихъ государствахъ, гдѣ только можно было, они преслѣдовали своихъ сектантовъ и поражали ихъ смертію. Такъ, Кальвинъ позволилъ сжечь аріанина Теодора Сорвета, бематы обезглавили Гентылиса, а Боза, насмѣхавшійся надъ нами, писалъ въ своемъ »Epistola apostolica, p. 20«: дать свободу религіозному сознанию, позволить всякому погибнуть если ему угодно,—это догматъ чисто дьявольскій. И эта то дьявольская свобода наполнила теперь Польшу и Трансильванію такими пагубными ученіями и бѣд-

---

¹⁾ »*Regum poloniae commentar.*« р. 91. „желая или никогда не быть епископомъ, или никогда не подписывать конфедераціи еретиковъ. По этой же причинѣ онъ желалъ, чтобы его не погребали въ Краковѣ, а чтобы положили въ гробницѣ Бозенна“.

²⁾ Другая, еще болѣе живая и искусная протестація, это протестація воеводства плецкаго, заявленная на рацѣжскомъ сеймикѣ и внесенная въ плецкую судебно-реестровую книгу, въ 5 день предъ festum natio. ВТО. того же 1573 г. Тотъ и другой протестъ можно читать у Залускаго, въ т. II. л. 750.

ствіями, какихъ не испытывала никогда »ни одна религія подъ солнцемъ.« Отсюда произошло то, что не только католики, но и сами еретики, какъ пишетъ кардиналь Гозиушъ (*libr. Judice et Censur. de Judice et Censur. ministror.*), называли Польшу убъ-жищемъ и притономъ всѣхъ ересей. Тѣмъ не мѣнѣе, однакожъ, новоизбранный король Генрихъ, среди смутнаго положенія дѣлъ, обязался, по крайней мѣрѣ клятвою, дать аппробацію упомянутой конфедерации. ¹⁾ Но, когда, послѣ коронаціи, поднялся споръ о новой формулѣ клятвеннаго признанія законовъ, явилась особая печатная брошюра о еретической конфедерации, подъ заглавіемъ: »*Rozsadek o sprawach na Elekcji Warszawskiej do koronacyi należących*« (разсужденіе о дѣлахъ варшавской элекціи, относящихся къ коронаціи), гдѣ между прочимъ, много и сильно говорилось противъ этой конфедерации. Фирлей, королевскій маршалокъ, посадилъ въ тюрьму типографа. Но Соликовскій призналъ брошюру своимъ произведеніемъ и такъ образомъ освободилъ типографа, хотя навлекъ на себя неудовольствія и жалобы депутатовъ. Когда онъ усердно отстаивалъ въ сенатѣ эту брошюру (которую, какъ самъ говоритъ въ указанномъ комментарий, на стр. 26. написалъ по просьбѣ короля и Карнковскаго), примасъ, вынудивъ протестъ противъ конфедерации, заявилъ, что онъ раздѣляетъ мнѣніе Соликовскаго, а съ тѣмъ вмѣстѣ мнѣніе всего духовенства и католиковъ. Затѣмъ, послѣ нѣкоторыхъ споровъ, король приказалъ молчать отстаивавшимъ конфедерацию, и, по примѣру своихъ предшественниковъ, велѣлъ выдать обыкновенную формулу, утверждающую законы королевства (См. л. 228.). Утверждая такимъ

---

¹⁾ Когда онъ уклонялся отъ этого, одинъ изъ депутатовъ, Янъ Зборовскій, староста адолянвскій, сказалъ: „*Rex serenissime! nihil oratores tui hanc conditionem dissidentium de religione nomine Tuo acceptassent, nobis contradicensibus. Vex eligi non potuisses, imo ni eam approbaveris, Rex poloniae poneris* (Fredro, *hist. Henrici*, p. 116), Однакожъ, Генрихъ далъ письменное свидѣтельство нашимъ католическимъ депутатамъ въ томъ, что они протестовали въ Парижѣ противъ этого пункта конфедерации (свидѣт. это у Золускаго въ указанномъ выше томѣ л. 154).

образомъ, законы своихъ предковъ, король тѣмъ самимъ отмѣнилъ уже, очевидно, то, что обѣщалъ еретикамъ во Франціи. Упомянутая конфедерація, служащая основою для послѣдующихъ конфедераций, когда говоритъ: «диссиденты между нами;» то подъ этими диссидентами разумѣтъ или всѣхъ «польскихъ дворянъ или однихъ еретиковъ. Если первыхъ, то само это королевство, съ большимъ для себя безчестіемъ, признаетъ себя не правосвѣрнымъ, и не православнымъ, слагающимся изъ разнообразныхъ сектъ или сектантовъ. Къ тому же, развѣ прилично католикамъ, религія которыхъ была хозяйкей и госпожей въ королевствѣ, бояться наказанія со стороны еретиковъ и, по этому, заключать съ ними перемиріе, дабы такимъ образомъ католики не были наказываемы ими за свою вѣру, чего справедливо должны были опасаться и надѣяться сами еретики, на основаніи существующихъ законовъ католическаго управленія и потому еще, что ихъ ереси были въ Польшѣ явленіемъ пришлымъ, занесеннымъ отвнѣ? Если же подъ «диссидентами» разумѣются разномыслящіе съ католиками, еретики, которые общаются между собою миръ и клянутся въ взаимной ненаказанности; то какимъ образомъ они могли задобрить католиковъ настолько, чтобы эти послѣдніе не выгоняли ихъ за ереси, быстро и зловредно распространяющіяся, и не наказывали тѣхъ, которые держатся этихъ ересей? Такую мысль высказалъ и король Стефанъ тотъ часъ же въ 1576 г. Въ указѣ, подтверждающемъ артикулы, поднесенные еще прежде королю Генриху (л. 253), онъ говоритъ: «такъ какъ въ коронѣ народа польскаго, литовскаго, русскаго, нидерландскаго и др. есть не мало диссидентовъ....; то нѣкоторые своей особой конфедераціей заявили; что, при всей своей религіозной мерзости, они должны быть оставлены въ покоѣ».

Въ 1587 году, во время междуцарствія, слѣдовавшаго за смертію Стефана Баторія, варшавская конфедерація (л. 440) говоритъ: «на этомъ конвокаціонномъ сѣздѣ мы единодушно сохранимъ конфедерацію диссидентовъ, бывшую въ Варшавѣ и утвержденную клятвою нашихъ королей». Настаивали, чтобы эту конфедерацію подписало духовенство. Примасъ и другіе епископы ушли изъ Варшавы, за исключеніемъ знаменитаго Соликовскаго, бывшаго въ то время архіепископомъ львовскимъ, и Гослицкаго, епископа каменецкаго. Когда настоятельно требова-

ли отъ архіепископа подписа, онъ (какъ самъ говоритъ въ своемъ *Commentar. reg. Polon. p. 102*), въ порывѣ религиозной ревности, сбросилъ съ себя архіепископскую тиару и обнажилъ шею, показывая тѣмъ, что онъ скорѣе и лучше согласится сложить голову, чѣмъ дать апробацію недостойному дѣлу; потомъ подписалъ конфедерацію епископъ каменедкій, увлеченный на сторону диссидентовъ, съ прибавленіемъ впрочемъ: »подписываю для сохраненія благъ мира». Однакожь этого мира еретики искали только для большаго беспокойства и разрушенія вѣры католической: они хотѣли, какъ прекрасно доказывала книга подъ заглавіемъ: «*Deklaracya nowego prawa, którego się ranowie Ewangelicy domagają* (декларация новаго закона, котораго добиваются евангелики), изданная въ 1615 г.,—хотѣли также искоренить въ Польшѣ католическую вѣру, какъ искоренили ее въ другихъ государствахъ, въ которыя процлѣла ересь. Другіе епископы, подписавшіе въ то время варшавскую религиозную измѣну (*recess*), прибавили при этомъ: «за исключеніемъ артикула о диссидентской конфедераціи (См. л. 437). Такое же прибавленіе дѣлали и впослѣдствіи, особенно въ 1632 г. воеводы—пложіе, раковскій и депутатъ мазоведкій подписали конфедерацію съ такою оговоркой: «за исключеніемъ артикула о конфедераціи въ моемъ палатинатѣ (См. кн. 3, л. 11). Эти же три епископа, какъ показываетъ сочиненіе «*Два меча*», послѣ избранія Сигизмунда III, протестовали отъ лица всего духовнаго и свѣтскаго сословія противъ указаннаго примиренія съ диссидентами. А когда король присягалъ въ оливскомъ костіолѣ на «*pacta conventa*», противъ тогоже артикула о диссидентахъ протестовалъ епископъ кувяскій, Робажевскій, отъ лица всѣхъ католиковъ. Такимъ образомъ указанная выше конфедерація никогда не владѣла спокойно своими правами, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ Квяткевичъ въ своей лѣтописи подъ тѣмъ же годомъ.—Въ 1632 году, во время междуцарствія, слѣдовавшаго за смертію Сигизмунда III, диссиденты домогались, чтобы во всѣхъ польскихъ городахъ каждый могъ свободно слѣдовать ученію своей секты, чтобы противныя этому распоряженія и декреты были уничтожены и чтобы назначено было извѣстное наказаніе противникамъ такой религиозной свободы. Кромѣ того, они требовали еще, чтобы на правительственныхъ должностяхъ въ городахъ королевскихъ равно избирались

какъ еретики, такъ и католики, а при дворѣ королевскомъ—только нѣкоторыя должности могли занимать диссиденты. Все это, по требованію диссидентовъ, должно было быть гарантировано, предъ выборомъ новаго короля, особымъ уставомъ или конституціей. Но противъ этого единодушно возстали какъ епископы, такъ и свѣтскіе дворяне католики, говоря, что они не допустятъ такой свободы или своеволія еретиковъ и вообще чего нибудь противнаго католической религіи. Когда же снова затѣмъ поднялась рѣчь о диссидентахъ и одинъ панъ изъ еретиковъ, вступаясь за нихъ, требовалъ уравнианія ихъ съ католиками во всѣхъ правахъ и вольностяхъ шляхетскихъ; тогда въ остальныхъ панахъ сильно забилося католическое сердце: вѣра католическая, сказали они, есть какъ бы хозяйка и госпожа, религія же диссидентовъ—есть какъ бы гостья, странница, скиталица; поэтому не можетъ быть равенства между католиками и диссидентами, тѣмъ болѣе, что ересь введена сюда не шляхетскимъ отступникомъ, какъ мать всѣхъ невзгодъ, отъ чего ея адепты могутъ называться только еретиками, но ничуть не пользоваться шляхетскими титулами». Другіе же паны говорили и настаивали, чтобы даже и то, что позволено было доселѣ еретикамъ было теперь отнято у нихъ, и чтобы силою и оружіемъ принудить ихъ къ согласію на эти условія.

§ 3. Возвращается мало по малу строгость прежнихъ святыхъ законовъ противъ еретиковъ.

Въ 1632 году, Владиславъ IV, предоставивъ обѣщанный диссидентамъ миръ «ненарушимымъ законамъ римской церкви», тѣмъ самымъ сдѣлалъ этотъ миръ и безнаказанность очень сомнительными, потому что законы римско—католической церкви, духовной власти которой поляки были подчинены издавна, требуютъ наказанія всѣхъ ея отступниковъ и возмутителей. Сами поляки рядомъ выше цитованныхъ законовъ также стремились къ наказанію ихъ. Этого требовалъ характеръ политическо—христіанскаго правительства, какъ писалъ объ этомъ французскому королю Лудовику Благочестивому парижскій со-

боръ 829 г. (у Баронія), приводя слѣдующія слова великаго учителя, св. Исидора: «свѣтскіе князья для того занимають высшія ступени власти внутри церквей, чтобы силою этой власти они поддерживали церковную дисциплину. Впрочемъ, необходимо внутри церкви власти существуютъ только на тотъ случай, когда священникъ ничего не можетъ сдѣлать силою доктрины,—власть тогда должна дѣйствовать страхомъ наказаній. Черезъ царство земное часто преуспѣваетъ царство небесное, враги вѣры и нарушители церковной дисциплины уничтожаются строгостію князей, и когда самую церковную дисциплину, которую безсильна иногда поддержать церковь, власть налагаетъ на выю гордыхъ и непокорныхъ. Заслуживая такимъ образомъ уваженіе, власть въ тоже время сообщаетъ и поддерживаетъ добродѣтель. Пусть знаютъ князья, что они должны будутъ дать отчетъ Богу за ту церковь, которую они принимаютъ отъ Христа для защиты и покровительства.—«И нашъ Владиславъ Ягелло, въ своемъ выше приведенномъ опредѣленіи говорить: » удалимъ пагубныя уклоненія еретиковъ отъ божественнаго закона, удалимъ неизмѣннымъ постановленіемъ, чтобы тѣхъ, которые въ презрѣніи къ Богу ко вреду и ослабленію христіанской религіи, и въ ущербъ политикѣ воспламенили нечестивыя сердца беззаконныхъ и черезъ это самое подвергаютъ насъ всякимъ другимъ опасностямъ, чтобы такихъ лицъ силою оружія удалять и выгонять изъ предѣловъ нашей земли, дабы такимъ образомъ тѣ, которые не боятся суда церковнаго, строго наказывались властію гражданскою ».—

На сеймѣ 1658 г., поляки, дѣйствительно, поступили съ аріанами сообразно съ этимъ эдиктомъ Владислава Ягелло, приговоривъ къ смерти тѣхъ, которые, послѣ несомнѣнныхъ изслѣдованій, окажутся послѣдователями, распространителями или покровителями ихъ секты (1). Затѣмъ, слѣдовало постановленіе 1659 года, назначившее аріанамъ два года (*dwie lesie czasu*) для удаленія изъ Польши или для возвращенія къ цер-

1). Наказаніе это было отсрочено на 3 года для того, чтобы въ этотъ промежутокъ времени, аріане могли продать свои посессіи, расплатиться съ слугами. Впрочемъ, и въ это время имъ, подъ страхомъ смерти, запрещено было развитіе секты и отправленіе общественныхъ функцій.

кви. Другія строгія опредѣленія относятся къ 1661 и 1662 гг., когда ариане, были совершенно искоренены въ Польшѣ. Такимъ образомъ арианамъ нисколько не пособила указанная выше конфедерация 1573 года, а между тѣмъ они принадлежали къ числу диссидентовъ и были не менѣе многочисленны въ Польшѣ, какъ лютеране или кальвинисты которымъ эта конфедерация также обѣщала спокойствіе и защиту.—

Несомнѣнно, «что лютеране, а особенно кальвинисты, какъ говорится въ житіи кардинала Гозиуша, составленномъ Росціушомъ, и въ исторіи арианъ, изданной Макс. Вѣтровскимъ, издавна возбуждали католиковъ къ изгнанію арианъ изъ Польши, хотя въ то же время не отрицали и того, что ариане произошли отъ нихъ и отъ нихъ же заимствовали свое ученіе: такъ, Сарницкій, кальвинистъ и историкъ польскій, упрекая арианъ, приводитъ слѣдующія слова Самсона: «еслибы ты не пахалъ моимъ тельцомъ, ты не достигъ бы моего положенія» (Суд. 1, 4). И дѣйствительно, не мало было католиковъ, соглашавшихся на это изгнаніе еретиковъ: они говорили, что чрезъ это уменьшится число еретиковъ. Но предусмотрительный кардиналъ Гозиушъ разсуждалъ лучше, онъ думалъ, что «нужно изгонять или всѣхъ еретиковъ или никого изъ нихъ, для того, чтобы, удаляя однихъ, тѣмъ самымъ не возвысить или, какъ онъ выражался, не канонизовать другихъ. И это тѣмъ болѣе справедливо и необходимо, что всѣ секты равны, вредны и приводятъ душу къ гибели, а утонулъ ли ты, имѣя надъ собою 100 локтей воды или одинъ,—различіе не важное, дѣло въ томъ, что ты утонулъ. Взаимная же борьба еретиковъ, продолжаетъ Гозиушъ, служить залогомъ спокойствія церкви: пусть грызутся и такимъ образомъ истребляютъ другъ друга. Если бы всѣ еретики строго держались одной какой нибудь вѣры (къ чему они неоднократно и стремились, хотя безъ успѣха), они были бы очень тяжелы для католиковъ».— Такимъ образомъ ариане, отвратительнѣйшіе по своему оскорбленію Христова божества, были тяжелымъ бичомъ для другихъ диссидентовъ. Побѣдивъ кальвинистовъ въ Трансильваніи, они требовали ихъ на диспутъ въ Піотрковъ, въ 1566 году. Гозиушъ посовѣтовалъ королю допускать этотъ диспутъ: «я лучше желалъ бы, чтобы диспутировали о томъ, законный ли король Сигизмундъ (хотя я и не люблю слушать такихъ диспутовъ), чѣмъ—о томъ, есть

ли Христосъ истинный Богъ? Поэтому, не желая слушать богохульствъ на Сына Божія, Гозиушъ уѣхалъ. А между тѣмъ аріане сильно тѣснили лютеранъ и кальвинистовъ на диспутѣ, такъ что когда первые приводили тѣ мѣста св. писанія, съ которыми нѣкогда древніе аріане ратовали противъ православныхъ; лютеране и кальвинисты, въ спорахъ съ католиками принимающіе одно только св. писаніе и отвергающіе соборы, теперь прибѣгали къ собору никейскому и здѣсь искали изъясненія мѣстъ приводимыхъ аріанами. Затѣмъ аріане сильно пристыдили лютеранъ и кальвинистовъ, доказавъ имъ, что они должны или снова сдѣлаться католиками, принимая соборъ никейскій, или, отвергая его и признавая одно св. писаніе,—стать аріанами. Тѣснимые такимъ образомъ, лютеране и кальвинисты, въ смятеніи, прибѣгали къ уверткѣ,—къ крику: стали громко пѣть: «слава Отцу и Сыну» ипр. Однакожь по просьбѣ католиковъ, равно какъ и лютеранъ и кальвинистовъ, аріане были удалены изъ Польши эдиктомъ Сигизмунда. Впрочемъ эдиктъ этотъ коснулся только иноземцевъ, распротраявшихъ здѣсь свою ересь, какъ—то: Лиссаміуса, Гентелиса, Григорія и Павла Социновъ и проч.; удалить же изъ Польши природныхъ поляковъ—аріанъ было трудно, потому что ихъ было очень много даже между сенаторами.—По смерти Сигизмунда Августа, когда конфедерация дала миръ и безопасность всѣмъ актамъ, въ Польшу возвратился младшій Социнъ; онъ далъ единство сектѣ аріанской, которая, къ величайшей радости какъ католиковъ, такъ и лютеранъ и кальвинистовъ, раздѣлилась было на множество мѣлкихъ сектъ, и, какъ сочиненіями, такъ и военною силою образовалъ изъ нея сильную факцію. Поэтому, когда аріане замышляли вмѣстѣ съ Рокоцымъ измѣну Польшѣ, конституція 1658 г. опредѣлила изгнать ихъ, исполняя строгій эдиктъ Владислава Ягелло. Депутаты лютеранъ и кальвинистовъ стали было на сеймѣ оппонировать этой конституціи, боясь, чтобы ея опредѣленіе не распространилось и на нихъ, какъ также диссидентовъ, или чтобы вообще не былъ нарушенъ миръ съ диссидентами; но католики одержали верхъ. Впрочемъ другимъ диссидентамъ обѣщано пока спокойствіе. Это *первое опредѣленіе*, уничтожающее отчасти упомянутую выше конфедерацию 1673 г. *Другое опредѣленіе*, возстановляющее строгость прежнихъ законовъ противъ еретиковъ, послѣдовало въ

первый разъ въ 1668 году, когда конфедерация объявила веѣхъ отступниковъ отъ римской или греко—уніатской церкви (которымъ конфедерация 1573 года обѣщала спокойствіе и безопасность) подлежащими наказанію, назначенному аріанамъ. Это опредѣленіе утверждаетъ конфедерация 1674 и 1733 гг.

Третьимъ опредѣленіемъ конфедерация бывшая по смерти Яна III, подвержено тому же наказанію (какое т. е. назначено аріанамъ) менонистовъ, квакеровъ, анабаптистовъ, хотя не все эти секты существовали въ польскомъ королевствѣ въ то время, когда и первая конфедерация 1573 г. обѣщала еретикамъ спокойствіе. Но они существовали уже тогда, когда другія конфедерации объявляли въ отношеніи къ нимъ терпимость. Секта анабаптистовъ, напримѣръ, существовала несомнѣнно (предъ упомянутой конфедерацией), это подтверждается историческими документами: 1-й изъ нихъ эдиктъ, изданный противъ нихъ Сигизмундомъ 1-мъ въ Краковѣ, въ 1535 году, и о которомъ упоминаетъ Бѣльскій въ 5 кн. своей Хроники, на стр. 575; 2-й эдиктъ Сигизмунда Августа, опубликованный въ Вильнѣ, 1-го марта 1559 года, гдѣ говорится: »намъ извѣстно, что ученіе пикардовъ, богемовъ, анабаптистовъ, сакраментаріевъ, лютерянъ и другихъ еретиковъ проповѣдуется открыто «этотъ эдиктъ цитруется въ книгѣ:» расati et imprasati examen, (испытаніе примиреннаго и не примиреннаго) р. 117. 3-й документъ—это книга Ресціуша подъ заглавіемъ: »Губка которою очищаются злословія и проклятія противъ іезуитовъ, здѣсь на стр. 121 (неаполитанскаго изданія) говорится:» знай, чему уподобилъ эту конфедерацию великій Крослеръ: DEM. IMHERRU-AGEN—это жиръ которымъ мажутъ колеса экипажа. Т. е. четыре колеса,—это четыре главныя секты: лютеране, кальвинисты, триеисты, анабаптисты; если помазать ихъ снисходительностію, терпимостию конфедерации, они скоро прійдутъ къ тому, что сдѣлаются атеистами.—Бери примѣръ и пр«.

Этимъ не кончилось постепенное уничтоженіе насильственной конфедерации 1573 г. Въ 1632 году запрещено диссидентамъ строить свои церкви. А варшавская конфедерация 1716 года приказываетъ разрушать ихъ соборы, построенные вопреки запрещенію указанной сейчасъ конфедерации; она запрещаетъ имъ также имѣть свои собранія, и это опредѣленіе гарантируетъ оначала денежнымъ штрафомъ, потомъ заключеніемъ въ тюрьму,

наконецъ изгнаниемъ. Конституція сейма 1717 года,—сейма при-
мѣренія, сильно поддерживаетъ эти мѣры въ 4 артикулѣ.

Послѣдняя генеральная конфедерація 1733 г. предостав-
ляя диссидентамъ спокойствіе, удалила ихъ отъ правительствен-
ныхъ должностей, отъ функций посольскихъ, депутатскихъ,
коронныхъ и литовскихъ, земскихъ и городскихъ; она запре-
тила имъ въ тоже время искать протекціи въ чужихъ госу-
дарствахъ, подъ опасеніемъ подвергнуться, въ противномъ слу-
чаѣ, всей строгости законовъ, положенныхъ противъ бунтов-
щиковъ. Конфедерація эта утверждена самимъ названіемъ при-
мирительной (*pacificationis*).

§ 4 Отвѣтъ на дѣйствительный вопросъ.

Готфредъ Легнихъ спрашиваетъ здѣсь (въ *commentario
reperitio in pact. convent. Aug. III. p. II*): на какомъ юридичес-
комъ основаніи Рѣчь-Посполитая на конвокаціонномъ сеймѣ ли-
шила диссидентовъ этихъ прерогативъ? »По какому праву,
нобилей избранныхъ депутатами на сеймы, могли удалить изъ-
за ихъ религии, утвержденной законами и вопреки древнему
обычаю, удалять отъ всякаго участія въ законныхъ дѣлахъ де-
путатскаго собранія и—дѣло почти не слыханное въ средѣ
свободнаго сословія—лишить ихъ главныхъ прерогативъ рыцар-
скаго званія? По какому праву могли низвести ихъ въ поло-
женіе плебсеи и, за вмѣшательство и протекцію иноземныхъ
государей, на которыя эти послѣднія имѣютъ полное право по-
слѣ между-народныхъ договоровъ, подвергнуть наказанію, опре-
дѣленному мятежникамъ? Въ отвѣтъ на это, мы спрашиваемъ:
а по какому праву еретики изъ нѣсколькихъ государствъ изгна-
ли насильственно католическую вѣру,—госпожу, которая купи-
ла свое господство жестокою кровію мучениковъ и поль-
зовалась имъ въ продолженіи столькихъ вѣковъ? По како-
му праву у насъ, въ Польшѣ, они приобрѣли столько церквей,
существующихъ и теперь и проч? Вопросъ Готфреда похожъ
на вопросъ того разбойника, который вздумалъ бы спрашивать,
по какому праву снимаютъ у него часть насильственной добычи
и пр. По такому-то праву, потому, что были еретиками, Польша
строго поступала съ гуситами, арианами, анабаптистами.

Поэтому же самому праву она и съ диссидентами вообще можетъ, по всей справедливости, поступить еще строже, удаливъ ихъ отъ другихъ государственныхъ функций, напр. отъ функций военныхъ, и обязавъ ихъ воспитывать въ католической вѣрѣ своихъ будущихъ дѣтей; ¹⁾ всё это она можетъ сдѣлать по этому же праву, по которому отнимаютъ у не благодарныхъ данныя имъ бенефиціи, потому что диссиденты во зло употребили католическую терпимость, ища у англійскаго короля покровительства и защиты отъ поляковъ. — Готфредъ ошибается, когда говоритъ, что религія диссидентовъ утверждена законами. Еслибы это было такъ, еслибы католики дѣйствительно апробовали религію диссидентовъ; то какимъ образомъ они могли быть диссидентами? Конфедерация 1673 г. (да и то не единодушно) общала имъ спокойствіе, но не согласіе съ ихъ религіею; это послѣднее возможно былобы только тогда, когда бы они перестали быть диссидентами, возвратившись къ церкви католической. Общая спокойствіе, диссидентамъ общала только терпимость, и дѣйствительно терпѣли ихъ до извѣстнаго времени, также какъ терпѣли арианъ, анабаптистовъ и др. равныхъ имъ диссидентовъ. Считая эту конфедерацию, такъ единодушною, менѣе важною, Готфредъ съ особеннымъ удовольствіемъ останавливается на древнихъ милостяхъ, которыя такъ щедро сулилъ король еретикамъ въ «*actis conventus*»: должно, однакожъ, говорить онъ, прославлять замѣчательную справедливость республики, которая торжественнымъ договоромъ съ новымъ королемъ утвердила древнія конфедерации. Достойна похвалы величайшая милость короля, который такъ охотно

---

¹⁾ Законъ Сигизмунда Августа, изложенный въ его эдиктѣ, данномъ въ 1550 году, въ Варшавѣ, общала, что лица, извѣстныя намъ по своему соприкосновенію къ ереси, будутъ удаляемы изъ предѣловъ нашего королевства, не допускаемы въ нашъ советъ или сенатъ, устраняемы отъ всякихъ достоинствъ или профектуръ; если же при томъ, намъ донесутъ, что нѣкоторые покровительствуютъ ереси, на такихъ лицъ должно распространять тѣ статуты нашего королевства, по которымъ безчестные дѣти всегда остаются изгнанниками изъ своего отечества.

представилъ гражданъ ихъ древнему праву«. А вотъ что говорится въ «*actis conventis Abzu*. III:« такъ какъ въ польскомъ королевствѣ и принадлежащихъ къ нему областяхъ есть немало диссидентовъ; то, для избѣжанія кровопролитія, мы, по примѣру нашихъ предшественниковъ, будемъ сохранять въ отношеніи къ нимъ постановленія древнихъ конфедерацій, не препятствуя ни какимъ протестамъ, но предоставляя диссидентамъ во всемъ миръ и безопасность«.

Относительно этого пункта мы можемъ сдѣлать слѣдующія замѣчанія: 1), неприлично возстановлять и хвалить эту древнюю конфедерацію 1573 г. и 1587 г., уничтожая въ то же время или по крайней мѣрѣ, не уважая такъ справедливыхъ законовъ противъ еретиковъ, изданныхъ династіей ягеллонской, и единодушной корчинской конфедераціею. Къ чему хвалить и давать силу болѣе той конфедераціи, чѣмъ этой? 2). Неприлично отвергать такъ справедливые протесты противъ еретиковъ, обманомъ и силою принуждавшихъ католиковъ къ апробаціи недостойныхъ постановленій; 3). менонисты, квакеры, анабаптисты, еретики равнѣ другимъ диссидентамъ, выдѣляются, однакожь, изъ среды послѣднихъ, отъ чего лютеранская и кальвинская ересь пріобрѣтаегь нѣкоторую важность, какъ будто лучшая другихъ, уравнивая съ вѣрою католическою, въ отношеніи къ которой послѣдняя, является только господствующею, какъ это дѣйствительно видимъ въ другихъ еретическихъ государствахъ, гдѣ одна изъ сектъ преобладаетъ какъ старшая сестра, но не какъ госпожа. Въ такомъ случаѣ необходимо было бы присовокупить, что такъ называемыя диссидентскія религіи имѣютъ за собою давность и не могутъ быть истреблены безъ нарушенія общаго народнаго спокойствія, пользоваться правомъ терпимости, и только какой нибудь новый особенный поступокъ съ ихъ стороны ускорить ихъ паденіе, какъ случилось это съ аріанами.—4). Неприлично и неволможно, чтобы право-

---

1) Протесты эти, какъ протесты лицъ законодательныхъ, не могутъ быть уничтожены, они, во всякомъ случаѣ и всегда, показываютъ ничтожность и несостоятельность принужденнаго постановленія тѣмъ болѣе, что и протестація одного депутата могла, по обмѣновенію, останавливать дѣятельность всего сейма.

вѣрный король давалъ клятву въ такомъ повровительствѣ еретикамъ какое общаютъ имъ узазанныя конфедераціи, тѣмъ болѣе, что онъ напередъ присягаетъ въ сохраненіи законовъ своей церкви и своего королевства, неблагопріятныхъ для еретиковъ. 5). Необходимо утвердить законъ противъ отступниковъ отъ католицизма въ какую бы то ни было секту, запрещающій входъ въ Польшу, всякому другому новому невѣрію.

Такимъ образомъ Польша по милости Божіей мало помалу уменьшила и смирила диссидентовъ; ей остается теперь только совершенно и окончательно *уничтожить* вынужденныя насиліями еретикамъ милости, оставивъ одно спокойное истребленіе, совершавшееся доселѣ сначала путемъ чистаго спасительнаго поведенія, потомъ строгимъ запрещеніемъ внесенія всякаго невѣрія, — все это, говоримъ, ей останется и необходимо одѣлать, чтобъ послѣдствія Польши не была хуже первыхъ.

Поэтому прежде всего достойны вѣчнаго воспоминанія, тысячекратнаго повторенія и подражанія со стороны потомства слѣдующія слова генеральной конфедераціи 1733 г.

§ 5. Достопамятныя слова ревностной конфедераціи 1733 г.

»Поелику основа и задача всѣхъ государствъ состоитъ въ истинномъ почитаніи Бога и съ Его св. религіею; то мы, въ силу настоящей своей конфедераціи, никому не позволяемъ отмѣнять или ослаблять право и привилегіи римско-католической и греко-уніятской церкви; мы, напротивъ, объявляемъ полное презрѣніе къ иноземнымъ культамъ и при защитѣ св. римско-католической церкви, ея привилегій будемъ и обязываемся строго держаться примѣра нашихъ предковъ.« И ниже: »настоящею конфедераціей, мы общаемъ, сохранять права и привилегіи римско-католической и греко-уніятской церкви и никакой другой, и для защиты этой церкви, при свободномъ избраніи своихъ королей, нещадить ни здоровья, ни самой жизни.«

Самый же пунктъ о диссидентахъ излагается въ слѣдующихъ словахъ: »мы, однакожъ, обезпечиваемъ диссидентамъ (какъ въ Королевствѣ Польскомъ, такъ и въ Великомъ Княжествѣ

въ Литовскомъ) миръ и неприкосновенность ихъ имуществъ, собрана съ древними конфедерациями особенно же съ конфедерацией 1717 года, съ тѣмъ впрочемъ условіемъ, чтобы они не имѣли дѣятельнаго участія въ депутатской избѣ, въ трибуналахъ и комиссіяхъ, не имѣли своихъ частныхъ сѣздовъ или собраній запрещенныхъ законами, и не занимали государственныхъ должностей-коронныхъ, литовскихъ, воеводскихъ, земскихъ и городскихъ, и наконецъ чтобы ни сами непосредственно, ни чрезъ иностранныхъ министровъ не искали ни какой протекціи, подъ опасеніемъ подвергнутъ, въ противномъ случаѣ, всей силѣ законовъ, положенныхъ противъ бунтовщиковъ.»

Если Ръчи-Посполитой не благоудно будетъ (идя достойнымъ путемъ правотѣрныхъ предковъ въ постепенномъ уничтоженіи свободы и прерогативъ диссидентовъ) еще въ чемъ нибудь уменьшить свободу диссидентовъ (особенно въ Варшавѣ городѣ, такъ обезпеченномъ законными направленіями противъ нихъ); пусть она, покрайней мѣрѣ, 1), на мѣсто древнихъ конфедераций поставитъ новыя, потому что первыя не стоятъ похвалы, какъ конфедерации вынужденныя, нарушающія свободу католиковъ и, путемъ воспоминанія и силы дающіяся сектамъ; 2), когда она общаетъ диссидентамъ миръ и безопасность, то, чтобы они не считали этой милости закономъ, своимъ правомъ, слѣдовало бы прибавить при этомъ: »сильно желая, чтобы, болѣе привлекаемые этой милостивой диссуляціей, чѣмъ принуждаемые строгостію закономъ, они охотнѣе и скорѣе возвращались къ св. церкви и религіозному единству съ нами; въ избѣ депутатской и проч. и проч.

Пунктъ же объ аріанахъ, квакерахъ долженъ бы быть выраженъ такъ: »что же касается аріанъ, квакеровъ, менонистовъ, равно какъ и всякаго званія и состоянія отступниковъ отъ церкви католической,—римской ли или греко уніятской,—пристающихъ къ какой нибудь сектѣ; то въ отношеніи къ нимъ, мы вполне принимаемъ постановленія конфедерации 1674 г., распространяя ея строгость и на тѣхъ пришлыхъ диссидентовъ, которые бы убѣждали католиковъ къ отступленію отъ св. католической вѣры въ кабую нибудь секту, или вздумали бы хулить эту св. вѣру.»

Эти два пункта, относящіеся къ некаатоликамъ, и въ тѣхъ же самихъ выраженіяхъ, должны быть утверждены будущимъ ко-

ролемъ въ *actis conventis*, съ оставленіемъ, впрочемъ, прежней строгости законовъ противъ отступниковъ.

§ 6. Опроверженіе возраженій.

Есть много людей, выдающихъ себя за истинныхъ католиковъ, которые, однакожь, стараются убѣдить, что въ Польшѣ было бы хорошо, если бы здѣсь, какъ въ другихъ государствахъ предоставлена была всѣмъ сектамъ религіозная свобода, что, чрезъ это въ ней быстрое и лучше шло бы развитіе торговли;— какъ будто это развитіе зависитъ болѣе отъ злаго невѣрія, чѣмъ отъ хорошаго порядка, по которому, напримѣръ, Испанія, при величайшей строгости въ отношеніи къ сектамъ, пользуется, однакожь, большимъ развитіемъ торговли и промышленности. Выставляютъ какъ причину или предлогъ къ этой религіозной свободѣ, что въ иностранныхъ государствахъ, среди еретиковъ католики являются болѣе благочестивыми, чѣмъ у насъ, что затѣмъ, при большемъ развитіи благочестія, еретики могли бы мало по малу снова сдѣлаться католиками. Но если лучшіе католики въ другихъ странахъ не могутъ привлечь еретиковъ къ вѣрѣ; то чѣмъ бы мы могли привести ихъ къ ней? Неужели тѣмъ, что мы—хуже другихъ католиковъ? Правда, плѣнь вавилонскій имѣлъ тотъ благотворный результатъ, что чрезъ народъ Божій язычники учились познанію истиннаго Бога; но въ тоже время изъ двѣнадцати поколѣній народа Божія только одно возвратилось въ Палестину, всѣ же остальные сдѣлались язычниками. Въ первыя вѣки христіанства, служащая, для насъ образцомъ, какъ скоро могли обойтись безъ язычниковъ, тотчасъ удалили ихъ и, какъ разсѣяшіеся по селамъ, они получили названіе поганыхъ (*rogani*), и христіане, не имѣя среди себя враговъ Божіихъ, одержали тотчасъ знаменитую побѣду.

Счастлива была бы Польша, если бы въ ней жили одни ея католики: нѣтъ на свѣтѣ народа болѣе чистаго и болѣе вѣрнаго Богу, чѣмъ народъ польскій; его испортили только чужіе, другіе народы, напитавъ его своимъ духомъ. Поэтому святы и благоразумны были тѣ мѣры предосторожности, какія изложены въ началѣ вышеупомянутаго эдикта Владислава Ягелло.

ЖИЗНЬ

преподобной княжны полоцкой, св. Евфросиніи, съ историческимъ описаніемъ основаннаго ею полоцкаго дѣвичьяго, спасопретворенскаго монастыря, съ опроверженіемъ, распространеннаго папистами мнѣнія, будто бы она, на равнѣ съ другими, древними, св. угодниками русской церкви была униатка и съ приложеніемъ изображенія креста, устроеннаго ею для монастырской церкви.

I.

Жизнь преподобной княжны полотской, св. Евфросиніи.

Скоро послѣ озаренія Россіи свѣтомъ христіанства, Богу угодно было ущедрить юную церковь свою обиліемъ благодати своей и, предъ лицомъ всей церкви воинствующей, видимымъ образомъ засвидѣтельствовать ея православіе и богоугodie. Не только явились въ ней *святіи Божіи челоуцы*, украшенные всѣми добродѣтелями любви и самоотверженія при жизни и прославленные даромъ нетлѣнія и чудотворенія по смерти, но и ангелоподобныя св. жены, достойныя подражанія мужей. Къ лику этихъ богоизбранныхъ невѣсть Христовыхъ принадлежить и преподобная Евфросинія, княжна полотская.

Княжна полотская преподобная Евфросинія, въ мѣръ Предислава, была дочь полотскаго князя Святослава—Юрія Всеславича, слѣдовательно—праправнука св. Владиміра. Природа одарила ее необыкновенною красотою, кротостію нрава и невыразимою пріятностію въ обращеніи со всѣми. Эта гармонія внутреннихъ и вѣншихъ совершенствъ Предислава была причиною того, что едва она достигла двѣнадцатилѣтняго возраста, какъ

многіе сосѣдніе князья стали искать ея руки. Но сердце невинной отроковицы было не для земныхъ жениховъ: оно было только для жениха небеснаго. Узнавъ, что родители непременно желаютъ обручить ея съ однимъ изъ достопочтеннѣйшихъ искателей ея руки,—сосѣднимъ княземъ, она тайно ушла изъ родительскаго терема подъ скромный кровъ женской обители, бывшей, какъ можно думать, на Верхнемъ Замкѣ при Софійской церкви ¹⁾.—къ родной теткѣ своей, игуменіи сей обители, преподобной княжнѣ Романіи, вдовствующей супругѣ князя Романа Всеславича ²⁾.

Сначала благочестивая игуменія, опасаясь навлечь на себя гнѣвъ отца Предиславы и видя ея нѣжный возрастъ, сильно противилась желанію сей послѣдней принять монашескій чинъ; но, замѣтивъ непоколебимую твердость ея намѣренія и уразу-

¹⁾ Хотя положительно нельзя сказать, гдѣ собственно находился этотъ монастырь въ Полотскѣ; но принимая въ соображеніе, во первыхъ то, что пр. Евфросинія, съ дозволенія епископа, сплсала и занималась перепискою свящ. книгъ, большею частію въ уединенной комнатѣ, устроенной при Софійской церкви и называемой голубецъ; во вторыхъ то, что въ началѣ 17 вѣка уніатскій архіепископъ Юсафатъ Кунцевичъ, возобновивъ древній Софійскій соборъ, устроилъ при немъ и женскій монастырь, для вызванныхъ имъ изъ Вильна монахинь около того времени возникшаго базелианскаго ордена,—какъ сказано въ его грамотѣ, на мѣстѣ прежде существовавшаго древняго монастыря—и въ третьихъ, наконецъ, то, что польскій писатель Несецкій увѣряетъ на основаніи, какъ онъ говоритъ, читанныхъ имъ какихъ-то древнихъ документовъ, что полотская епископская кафедра съ женскимъ монастыремъ (не извѣстно какого имени) учреждена при Софійской соборной церкви на Верхнемъ Замкѣ, около 1100 года, можно полагать не безъ основанія, что сказанный монастырь дѣйствительно находился при семъ соборѣ (архивъ полотской духовной консисторіи, связка 30, de unione; Nesiccki, Herb. кн. Metr. Ruska).

²⁾ Романія была вдова Романа Всеславича полотскаго (Брамзинъ, Ист. Рос. Государ. т. II, примѣч. 251).

мѣвъ въ семь волю Божію, пригласила тамошняго священника постричь ее въ инокини съ именемъ Евфросиніи.

Узнавъ о семъ, родители Предиславы поражены были неутѣшною скорбію и, увидѣвъ свою любимую дочь въ иноческой одеждѣ, оплакивали ее, какъ умершую. Она же, съ трогательною нѣжностію, увѣщевала ихъ не предаваться печали, напротивъ совѣтовала радоваться, что дочь ихъ обручена Жениху небесному.

Нѣсколько времени пребывала юная подвижница въ монастырѣ, повинувась игуменіи и сестрамъ и превосходила всѣхъ въ постѣ, молитвѣ и ночномъ бдѣніи. Потомъ, желая уподобиться ветхозавѣтнымъ іерусалимскимъ дѣвамъ, которыя, подобно Богоматери, проводили жизнь при храмѣ, упростила полтскаго епископа Ілію, чтобъ онъ позволилъ ей жить въ пристроенной къ кафедральному Софійскому собору келліи, или такъ называемомъ «голубцѣ». Въ этомъ затворѣ, предаваясь всецѣло исполненію обѣтовъ иночества, преподобная любила въ часы досуга списывать собственною рукою священныя книги и плату, какую получала за нихъ, употребляла на пособіе нищимъ.

Спустя нѣкоторое время, однажды явился преподобной Евфросиніи въ сонномъ видѣніи, ангель Божій, который, взявъ ее за руку, вывелъ за городъ на мѣсто называвшееся *Сельце*, гдѣ была метохія, или загородный архіерейскій домъ, съ небольшою при немъ деревянною церквю, во имя Преображенія Господня, и сказалъ Евфросиніи: вотъ здѣсь надлежитъ тебѣ водвориться на жительство; ибо Господь хочетъ на семъ мѣстѣ наставить многихъ, посредствомъ тебя, на путь спасенія». Видѣніе это возобновлялось три раза. Вслѣдъ за симъ ангель Божій явился во снѣ и епископу и сказалъ ему: «веди рабу Божію Евфросинію къ церкви Спасителевой, что въ Сельцѣ, и посели ее при сей церкви, ибо тамъ будетъ монастырь для посвятившихъ себя Богу дѣвъ, которыхъ Богъ хочетъ спасти чрезъ эту рабу Свою». Епископъ, воставъ отъ сна, пошелъ къ Евфросиніи и сообщилъ ей сіе видѣніе, она же рассказала ему свое, и оба вмѣстѣ прославили Бога и приступили къ исполненію велѣнія Божія. Немедленно епископъ пригласилъ къ себѣ отца Евфросиніи, князя Юрія, дядю ея владѣтельнаго князя Бориса Всеславича, многихъ знатныхъ бояръ и другихъ почетныхъ гражданъ и, сообщивъ имъ волю Божію,

прибавилъ: «Богу угодно, чтобы въ вашемъ владѣніи дано было Евфросиніи мѣсто, или плацъ на Сельцѣ для постройки на немъ монастыря». Всѣ присутствовавшіе изъявили на то свое согласіе. Пр. Евфросинія перешла на жительство въ Сельцо, гдѣ не замедлила устроиться иждивеніемъ ея родственниковъ женская обитель во имя всемилостиваго Спаса, а епископъ поставилъ Евфросинію, игуменію сей новой обители.

По истеченіи нѣкотораго времени, святая игуменія уговорила своего отца отдать ей на воспитаніе младшую ея сестру *Градиславу*. Сія послѣдняя, усердно предаваясь изученію св. писанія и чтенію разныхъ духовныхъ книгъ, научилась презирать суету міра сего и до того полюбила монастырскую, уединенную жизнь, что, подобно своей наставницѣ, пожелала навсегда остаться въ стѣнахъ ея обители и тайно отъ родителей постриглась въ инокини съ именемъ *Евдокии*. Узнавъ о семъ, родители съ гнѣвомъ и сердечною скорбію явились въ монастырь и жестоко упрекали пр. Евфросинію, что она не только сама навсегда оставила ихъ домъ, но еще обманомъ исторгла у нихъ и другое дитя и къ прежней ихъ скорби прибавила новую. «Для того-ли мы васъ родили и воспитали, говорили они, что бы за-живо погреблись вы, какъ мертвыя въ могилѣ, въ черномъ одѣяніи и въ монашескомъ заключеніи и лишили насъ лучшаго утѣшенія въ жизни, котораго мы отъ васъ ожидали» и проч. Но пр. Евфросинія душеспасительными словами изъ св. писанія укротила ихъ гнѣвъ, печаль и упреки, такъ что родители ея возвратились домой, растворя естественную скорбь родительскими духовными утѣшеніями.

Вскорѣ за симъ пришла къ преподобной Евфросиніи и приняла постриженіе двоюродная сестра ея, дочь князя *Бориса Звенислава*, съ именемъ *Ефразіи*, принесшая съ собою въ даръ монастырю драгоценныя одежды и все приготовленное ей родителями въ приданное имуществу.

Преподобная настоятельница скоро создала въ своемъ монастырѣ, на мѣсто прежней деревянной ¹⁾, новую каменную,

¹⁾ О церкви сей *Стрыйковскій* (*Kronika Litewska*, ks VI,

сохранившуюся и доселѣ, церковь во имя Спасителя, устроивъ въ ней по обѣ стороны хоровъ двѣ тѣсныя келліи, гдѣ предавалась богомыслию, подвигамъ умерщвленія плоти и уединенной молитвѣ. Освящала эту церковь преемникъ Іліи, епископъ *Діонисій*, въ присутствіи всѣхъ членовъ княжескаго дома, и при стеченіи многочисленнаго народа. Евфросинія же при помощи богатыхъ своихъ родственниковъ и другихъ знатныхъ лицъ, снабдила ее драгоценными утварями и всѣмъ нужнымъ. Изъ числа сихъ драгоценностей, сохранился одинъ только на-престольный крестъ съ дровомъ животворящаго креста и многими частицами св. мощей, украшенный драгоценными камнями и жемчугомъ. Преподобная завѣщала подѣ клятвою, чтобы крестъ сей не былъ никогда износимъ изъ спасской обители. Клятва эта, можетъ быть, и была причиною того, что святиня эта сохранилась по настоящее время. А чтобы монастырь и церковь не нуждались въ постоянныхъ священнослужителяхъ, прецъ Евфросинія пожелала учредить и дѣйствительно учредила, въ недалекомъ разстояніи отъ спасскаго монастыря, другой мо-

---

гоз. XII, str. 233). *Гвагинъ* (кs. II, cześć 1 str. 225). *Кожловъ* (in *Miscellaneis*) и другіе увѣряютъ, что Борисъ Генвиловичъ, князь полотскій, дѣдъ пр. Параскевіи полотской, построилъ ее въ одно время съ Софійскою кафедральною и монастырскою Борисоглѣбскою церквами, около 1220 года; но они ошибаются. Они смѣшиваютъ Бориса Генвиловича съ Борисомъ Всеславовичемъ. Борисъ Генвиловичъ дѣйствительно построилъ около 1220 года Софійскій соборъ и Борисоглѣбскую церковь съ монастыремъ на рѣкѣ Бѣльчицѣ, за Двиною; на что есть дошедшія до насъ письменныя свидѣтельства; но и то несомнѣнно, что сохранявшаяся доселѣ Спасская церковь построена была во дни пр. Евфросиніи около 1160 года, какъ гласитъ и надпись на извѣстномъ св. крестѣ, устроенномъ пр. Евфросиніею и положенномъ въ сей церкви на вѣчныя времена. Дядя ея Борисъ Всеславичъ, безъ сомнѣнія, оказывалъ всякое содѣйствіе къ созданію спасской церкви уже и потому, что въ спаскомъ монастырѣ находилась дочь его Звенислава. Къ сему можно присовокупить, кромѣ документовъ позднѣйшихъ временъ, и самое преданіе полочанъ.

настырь мужескій, съ каменною церковію во имя пресв. Богородицы ¹⁾).

Впослѣдствіи преподобная Евфросинія пожелала созданную ею церковь всемилостиваго Спаса украсить такою драгоценностію, которая была бы дороже камней, золота и серебра, именно: одною изъ подлинныхъ иконъ Божіей Матери, писанныхъ рукою св. евангелиста Луки, о существованіи которыхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ греческой имперіи она знала изъ рассказовъ

1) Теперь отъ этого монастыря и церкви никакихъ слѣдовъ не осталось. Вѣроятно, они подверглись общему разрушенію съ Полотскомъ, во время неоднократнаго нашествія на него татаръ, литовцевъ и ливонскихъ рыцарей, предававшихъ мечу и огню все, что ни попадалось на встрѣчу въ завоеванныхъ ими мѣстахъ. Даже неизвѣстно мѣсто гдѣ находился сей монастырь. Впрочемъ нѣкоторые утверждаютъ, что онъ находился на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ римско-католическое кладбище съ церковію св. Ксаверія. Что и не невѣроятно, ибо 1. кладбище это расположено вблизи Спаской обители на полѣ дорогѣ къ городу. 2. Церковь св. Ксаверія построена іезуитами, когда они на основаніи привилегіи короля Баторія, завладѣли почти всѣми полотскими православными монастырями, въ томъ числѣ Спасскимъ и Богородицкимъ, со всѣми принадлежавшими имъ церквами, икѣніями и угодьями. Быть можетъ, они сами и уничтожили сей послѣдній монастырь, какъ уничтожили всѣ прочіе;—а если находился онъ уже въ развалинахъ, то мѣсто это, какъ мѣсто священное, обратили на кладбище и на развалинахъ православной церкви построили Ксаверьевскій костель. Вѣроятность этаго мнѣнія кодтверждается еще и тѣмъ, что въ настоящее время, при разрытіи могилъ на Ксаверьевскомъ кладбищѣ находятъ въ землѣ кирпичи и даже остатки фундамента древняго зданія, кирпичи котораго, цементъ и кладка ихъ совершенно одинаковы со стѣнами Спаской церкви. До XVII столѣтія существовала въ самомъ городѣ Полотскѣ, на Нижней улицѣ, у подножія восточной части вала Верхняго Замка, церковь подъ именемъ Богородицкой, но это была приходская, а не монастырская; притомъ же вдали отъ Спаской обители и неизвѣстно когда и кѣмъ построенная.

разныхъ путешественниковъ и изъ чтенія историческихъ книгъ. Съ этою цѣлю преподобная Евфросинія послала монастырскаго слугу, по имени Михаила въ Царь-градъ къ императору Комнину и патріарху Лукъ—Хрисовергу съ богатыми дарами и просьбою объ уступкѣ для полотской спасской обители одной изъ сихъ иконъ Божіей Матери. Императоръ и патріархъ преклонились на просьбу русской княжны—инокини и прислали ей изъ Ефеса желаемую икону, съ грамотами и благословіемъ патріарха. Пр. Евфросинія, украсивъ эту икону золотомъ, серебромъ и драгоценными камнями, благоговѣнно и торжественно поставила ее въ церкви св. Спаса, гдѣ она и находилась до временъ св. Александра Невскаго, по случаю же бракосочетанія сего князя въ 1239 съ дочерью тогдашняго полотскаго князя *Брачислава* ¹⁾, икона эта отдана была симъ послѣднимъ въ благословіе своей дочери, которая увезла ее въ г. Торопецъ и подарила тамошней соборной церкви, въ память совершившагося въ сей церкви бракосочетанія ея съ Александромъ ²⁾.

---

¹⁾ Имя сей княжны неизвѣстно; въ лѣтописяхъ (новгородской и воскресенской) сказано только: „въ лѣто 6787 (1239) оженился князь Александръ, сынъ Ерославль въ Полотскѣ у Брачислава дщерь и вѣччася въ Торопцѣ.“ Князь же Брачиславъ могъ быть сыномъ или внукомъ Василька Крывскаго (Ист. Г. Р. Карамз. т. 4, примѣч. 21). А по мнѣнію другихъ (Стебельскаго, что вѣроятнѣе), былъ потомокъ династїи литовскихъ князей Мингайловичей, княжившихъ въ Полотскѣ со времени прекращенія въ немъ князей дома св. Владимира. Замѣчательно, что князья полотскіе литовской династїи, любили сверхъ именъ литовскихъ и именъ даваемыхъ имъ при крещенїи, называться еще именами славянскими, что дѣлали они изъ лести русскому народу, въ угодность своимъ женамъ славянскимъ и въ подражаніе прежнимъ князьямъ дома св. Владимира. По этому они встрѣчаются въ лѣтописяхъ подъ разными именами, отъ чего происходитъ сбивчивость и невѣрность въ исторїи полотскихъ князей.

²⁾ Въ письменныхъ актахъ торопецкаго собора сказано: „когда въ лѣто 6747 (1239) сынъ в. князя Ярослава благовѣр-

Забываясь такимъ образомъ объ устройствѣ монастырей и церквей и снабженіи ихъ всѣмъ нужнымъ, преп. Евфросинія не отлагала материнскаго своего попеченія и заботливости о ввѣренныхъ Богомъ ея надзору множества посвятившихъ себя

ный и великій князь Александръ, сочетался бракомъ въ Торопцѣ съ дочерью полотскаго благовѣрнаго князя Брячислава, тогда сія благовѣрная княжна Брячиславля дочь, изъ Полоцка взявъ и принеся съ собою на бракъ Ефесскую икону пресв. Богородицы, поставила оную въ Торопецкой соборной церкви. Тамъ она и нынѣ находится подъ именемъ корсунской.

Съ симъ однакожь не согласно преданіе полотское, которое хоть и говоритъ, что Ефесская икона была дѣйствительно вынесена изъ Полотска въ Торопецъ, но что это сдѣлано предъ нашествіемъ польскаго короля Стефана Баторія,—изъ опасенія, чтобъ эта драгоценность не попала въ руки папистовъ.

Еще болѣе не согласны съ исторіей и преданіями догадки объ исчезновеніи изъ города Полотска сей иконы, польскаго жизнеописателя преподобной Евфросиніи Стебельскаго,—основанныя однакожь на показаніяхъ Кромера и Суши. Стебельскій (*Żywot s. Eufrosynii etc. str. 112, 113 и 114*) утверждаетъ, будто бы икона эта, по случаю нашествія татаръ, унесена была въ Бельзъ (въ Галиціи) галицкимъ княземъ Львомъ Даниловичемъ, по просьбѣ инокинь, убѣгавшихъ изъ Спасской обители, и будто бы, по завоеваніи Галиціи польскимъ королемъ Казиміромъ, она была захвачена имъ изъ церкви белзкаго замка и подарена ченстоховскому монастырю ордена оо. навиновъ, гдѣ и нынѣ славятся чудесами. Но объ иконѣ ченстоховской Божіей Матери существуетъ совершенно другое преданіе въ актахъ ченстоховскаго монастыря и у польскихъ писателей. Слѣдовательно въ спасской обители находилась совсѣмъ другая икона пресв. Богородицы. Другой польскій писатель, Кульчинскій (*Specimen Eccl. Ruthen. Pars. II ad. d. 26 Augusti p. 162*) о судьбѣ спасской иконы Пресв. Богородицы говоритъ еще съ меньшимъ правдоподобіемъ, именно, будто-бы она была похищена изъ Полотска московскими войсками, взявшими Полотскъ въ 1573 году и перенесена въ Смоленскъ,

на служеніе Богу въ ея обители святыхъ дѣвъ. Она вмѣстѣ съ ними раздѣляла всѣ иноческіе подвиги, проводила время въ пость, трудѣ, непреетанной молитвѣ и во всѣхъ сихъ подвигахъ, служила образцемъ для прочихъ инокинь. Часто она обращалась къ нимъ (по свидѣтельству ея жизнеописателей) съ слѣдующими назидательными словами. «Я собрала васъ какъ кокошь птенцевъ подъ свои крылья и какъ овецъ Божіихъ на духовную пажить. Паситесь же въ заповѣдяхъ Господнихъ и возрастайте въ добродѣтели, дабы и я радостно и безропотно могла заботиться о вашемъ спасеніи, могла поучать васъ и веселиться духомъ, видя духовные плоды трудовъ вашихъ» и мн. тому подобное твердила она. Такъ поучала Преподобная дѣтей своихъ духовныхъ и, одушевляемая ея наставленіями, инокини преуспѣвали въ духовныхъ подвигахъ и содѣлывались избранными сосудами Святаго Духа.

Послѣ смерти родителей и многихъ лѣтъ проведенныхъ пр. Евфросиніею въ подвижнической жизни, она возымѣла сильное желаніе посѣтить святыя мѣста палестинскія, освящен-

---

гдѣ чувствуется по нынѣ, подъ именемъ Одигитріи. Но кромѣ актовъ торопецкаго собора, это мнѣніе Кульчинскаго опровергается и тѣмъ уже, что еще долго до завоеванія Полотска царемъ Іоанномъ Грознымъ монастырь и церковь св. Спаса были опустошены. Догадки же Кульчинскаго, будто бы, по случаю нашествія татаръ на Полотскъ, Ефесская икона Богородицы перенесена была изъ спасской церкви въ софійскій соборъ, а отсюда уже похищена московскими войсками, также не заслуживаетъ вѣры, ибо такого преданія нѣтъ ни въ Полотскѣ, ни у какихъ либо писателей, кромѣ одного Кульчинскаго. Вѣроятно, онъ, слыхавъ о существованіи другой иконы пресв. Богородицы въ софійскомъ соборѣ, смѣшалъ ее съ иконою спасской обители. Дѣйствительно въ софійскомъ соборѣ находилась древняя икона пресв. Богородицы, но и ее ни какъ нельзя считать за одно съ иконою спасскою, будто бы, по словамъ Кульчинскаго, похищенною московскими войсками въ 1563 году: ибо софійская икона находилась въ соборѣ до 1705 года, въ которомъ году была взята Петромъ I-мъ.

ныя стопами Спасителя и орошенныя пресвятою Его кровію,— съ тѣмъ, чтобы тамъ окончить жизнь свою. Узнавши о семъ ея намѣреніи, духовенство, инокини и полотскіе граждане со слезами умоляли Преподобную, чтобы она не сиротила монастыря и отечества. Въ числѣ прочихъ пришелъ къ ней и княжившій тогда въ Полотскѣ братъ ея, князь *Вячеславъ Юревичъ* ¹⁾ (по другимъ Борисовичъ) съ супругою, дѣтьми и родственниками, съ тѣмъ, чтобы отклонить святую сестру свою отъ путешествія въ Іерусалимъ; но преподобная Евфросинія утишила печаль ихъ духовными утѣшеніями и въ добавокъ еще убѣдила брата оставить въ монастырѣ, при преподобной сестрѣ ея Евдокіи, двухъ дочерей своихъ, а ея племянницъ, *Кирицію* и *Ольгу*, въ которыхъ она душевными очами провидѣла избранные сосуды на служеніе Господу. По просьбѣ преподобной Евфросиніи, тогдашній полотскій епископъ постригъ ихъ въ монашество, первую *Агафію*, а другую *Евфимію*.

За тѣмъ, передавъ обитель въ управленіе сестры своей Евдокіи, пр. Евфросинія простилась со всѣми и, укрѣпивъ себя теплою молитвою и надеждою на Бога, отправилась на востокъ, въ сопровожденіи другаго брата, князя *Давида* и сродницы своей, княжны *Евпраксії*. Господь благословилъ доброе предпріятіе. На пути своемъ Преподобная встрѣтилась съ греческимъ императоромъ Мануиломъ, шедшимъ противъ венгровъ ²⁾, посѣтила Константинополь, привяла благословеніе отъ патриарха, помолилась во храмъ св. Софіи и другихъ церквахъ предъ мощами св. угодниковъ и благоуспѣшно достигла Іерусалима. Остановившись въ русскомъ монастырѣ пресв. Богородицы, благочестивая княжна нѣсколько разъ имѣла величайшую радость поклоняться живоносному гробу, поставила на немъ золотую кадильницу, принесла многіе другіе дары церкви и патриарху и со слезами молила Господа, чтобы Онъ сподобилъ ее и скон-

---

¹⁾ Вячеславъ, кажется, былъ послѣднимъ княземъ полотскимъ дома Владиміра св. Онъ умеръ, не оставивъ наслѣдника. Братъ его Давидъ княжилъ ли съ нимъ вмѣстѣ или послѣ его смерти отдѣльно—неизвѣстно.

²⁾ Импер. Мануилъ Комнинъ былъ родственникъ дому князей полотскихъ (Ист. Г. Р. т. II, стр. 251).

чаться въ святомъ градѣ. Потомъ обошла всѣ святыя мѣста палестинскія, съ пламенною мѡлитвою, сопровождаемою дѣлами милосердія и усердія къ храмамъ Божиимъ и, утомленная путешествіемъ и подвигами, возвратилась въ избранный ею для жительства вышесказанный монастырь ¹⁾, гдѣ вскорѣ занемогла и слегла въ постель. Она желала еще омыться въ Іорданѣ, но, по болѣзни, не могла сего исполнить; поэтому послала туда брата своего Давида и Евфразію, которые принесли ей Іорданской воды. Не много испивъ этой воды, пр. Евфросинія обмыла ею тѣло свое и когда послѣ того уснула, явился ей ангелъ Божій, возвѣстившій ей близкую и блаженную кончину. Тогда послала она въ лавру св. Саввы и просила у архимандрита дозволенія погребсти ея тѣло въ сей обители; но архимандритъ отказалъ ей въ сей просьбѣ, подѣ тѣмъ предлогомъ, что монастырскими правилами св. Саввы запрещалось погребать въ его обители женщинъ, а совѣтовалъ погребстись въ томъ же самомъ монастырѣ св. Θεодосія, въ которомъ она имѣла временное пребываніе, такъ какъ въ немъ покоятся тѣла многихъ святыхъ женъ, въ томъ числѣ мать св. Саввы ²⁾, мать св. Θεодосія и мать св. Безречбренниковъ Θεодотія.

Услышавъ это, пр. Евфросинія возрадовалась, что тѣло ея удостоится чести почивать между святыми женами и обра-

¹⁾ Монастырь этотъ, основанный св. Θεодосіемъ Киновіархомъ, находился недалеко Вилеема. Русскимъ же называется потому, что въ немъ устроена была гостинница для путешественниковъ въ св. землѣ, приходившихъ изъ странъ русскихъ. Впрочемъ тамъ находили пріютъ и богомольцы изъ грековъ, сирійцевъ и армянъ (Kulczynski monolog. II dnia m. Stycznia).

²⁾ Имя матери св. Саввы было Софія, которая, послѣ смерти мужа своего, пришла изъ Александріи въ Іерусалимъ къ своему сыну, постриглась въ инокини и отдала св. Саввѣ всѣ свои богатства. Мать св. Θεодосія называлась Евлогією. Она тоже овдовѣвъ сдѣлалась инокинею въ Іерусалимѣ. Обѣ онѣ скончались около 500 года (Kulczynski Monolog. въ жизни Саввы 5 декабря и въ жизни Θεодосія 11-го генваря. Четыи Минер на эти дни и др.)

тилась къ настоятелю Θεодосіева монастыря съ просьбою указать мѣсто для ея могилы; настоятель указалъ оное въ притворѣ монастырской церкви. Когда извѣстили Преподобную, что могила для нея и гробъ готовы, она призвала къ себѣ пресвитера, въ рукъ котораго принявъ въ послѣдній разъ Божественныя Тайны, предала Богу святую свою душу, съ молитвою на устахъ, 23 мая 1173 года ¹⁾, послѣ 24-хъ дневной болѣзни.

Князь Давидъ и Евфразія, предавъ тѣло пр. Евфросиніи честному погребенію, возвратились въ отечество и принесли съ собою вѣсть о блаженной кончинѣ преподобной своей родственницы. Горько плакали по ней родныя, знакомые и всѣ жители г. Полотска, забыть же ее не могло и самое отдаленное потомство. Память о ней пережила цѣлый рядъ столѣтій, служа доселѣ въ тѣхъ мѣстахъ предметомъ общаго благоговѣйнаго уваженія, а церковь причла ее къ лику святыхъ и память ея празднуетъ 23-го мая.

Тѣло св. Евфросиніи не долго покоилось на прежнемъ мѣстѣ погребенія. По отнятіи египетскимъ султаномъ Саладиномъ Іерусалима отъ крестоносцевъ, всѣ христіане спасались оттуда бѣгствомъ; въ томъ числѣ оставили Іерусалимъ и монахи св. Θεодосіевского монастыря. Забравъ всѣ драгоцѣнности и покоющіяся въ ихъ монастырѣ мощи святыхъ, взяли съ собой и гробъ пр. Евфросиніи, въ которомъ нашли тѣло ея нетлѣннымъ, перевезли въ приморскій городъ Аккону (Акръ, Птоломаида), оставшійся въ рукахъ крестоносцевъ и поселились въ одномъ изъ тамошнихъ греческихъ монастырей. Но впоследствии, когда и этимъ городомъ овладѣли турки, а крестоносцы совершенно оставили Палестину, тогда и мощи пр. Евфросиніи перенесены были въ Европу, кажется, въ Константинополь, а отсюда были переданы въ Кіевъ, гдѣ и понынѣ почиваютъ въ

---

¹⁾ Съ этимъ согласны всѣ писатели, упоминающіе о пр. Евфросиніи въ своихъ сочиненіяхъ, за исключеніемъ только іезуита Понаковскаго (Hollandazj politycany 23 maia) и послѣдовавшаго его мнѣнію базилианца Стебельскаго, считавшаго годъ кончимъ ея 1175.

киевскихъ пещерахъ при церкви Благовѣщенія, въ ракъ, окованной серебромъ, въ знакъ благодарности за чудесныя исцѣленія ¹⁾).

7) Память о жизни преподобной Евфросиніи сохранилась въ легендахъ и преданіи у разныхъ латинскихъ, польскихъ и русскихъ писателей, наконецъ въ самой созданной ею церкви во имя всемилостиваго Спаса въ г. Полотскѣ и устроенномъ ею вышесказанномъ крестѣ. Легенда или сказаніе о жизни пр. Евфросиніи на бѣло-русскомъ, т. е. древне-русскомъ, нарѣчій ходитъ по рукамъ любителей древностей и въ настоящее время (она переведена на польскій языкъ и помѣщена была въ одномъ изъ періодическихъ сочиненій, издававшемся въ сороковыхъ годахъ въ Петербургѣ г. Барщевскимъ). Сказаніе это приписываютъ родственницѣ преп. Евфросиніи—Евфразіи, путешествовавшей съ нею на востокъ. Жизнеописателей пр. Евфросиніи было нѣсколько: 1). Papebrochius in acta Sanctorum. d. 23 maij; 2). Kulczynski in Specim. Eccles. Ruth. Par. 1 ad. d. 23 maij, pag. 35 et 36, (кратко); 3). Kojałowicz in Miscellaneis,—de patronis propriis M. Duc. Lithv. pag 6, (тоже кратко); 4). Poszakowski w Kalendarzu Politycznym 23 maia и въ другомъ календарѣ знаменитыхъ женщинъ (Przeswietnych dam) 23 мая; 5). Waliiki въ рѣчѣ къ Кизимиру Сапѣгѣ въ части II исторіи Кодеиской чудотворной иконы; 6). Stebelski Dwa swiatła na horyzoncie Połockim, albo, żywot ss. Pr. Ewrozynii i Paraskewii etc.; 7). Четьи Миней преосв. Макарія въ степ. кн. 1, 269—282, а сокращенно въ четьи—Миней св. Димитрія Ростовскаго на 23 мая. 8). Рукописные документы бывшаго іезуитскаго архива, находящагося въ витебскомъ губ. архивѣ и въ архивѣ витебской пал. гос. имущ.

II.

Опроверженіе мнѣнія папистовъ, будто бы пр. св. Евфросинія и другіе, древніе св. угодники русской церкви были уніаты.

Въ послѣднее время можно подслушать тамъ и здѣсь самыя нелѣпныя клеветы на православіе и народность Россіи вообще и можно подмѣтить самое жалкое навязываніе католичества и подчиненія папѣ прежней юго-западной Россіи вѣдственности.

Явленіе это не ново. Оно—плодъ прежде посяяннаго сѣмени, отголосокъ на время только затихшаго религіозно-историческаго обмана. Всѣ почти позднѣйшіе писатели церковные изъ ультрамонтанъ и уніатовъ усиливались во вредъ южно и западно-русскому православію искажать факты, насиловать историческіе документы, порой даже сочинять побасенки въ родѣ «не любо не слушай». Многіе изъ нихъ утверждали (а вторя имъ, утверждаютъ нѣкоторые и теперь), будтобы Россія, со времени введенія въ нее христіанской вѣры, почти до брестской религіозной уніи, находилась въ подчиненія Риму, т. е., въ единеніи съ римскою церковью. По ихъ словамъ, святыя угодники божіи русской церкви, напримѣръ, св. Ольга, св. Владиміръ, св. мученики Борисъ и Глѣбъ, пр. Антоній и Феодосій Печерскіе, пр. Евфросинія и Параскевія княжны полотскія и многіе другіе, представившіеся въ эту эпоху и причтенныя къ лику святыхъ, были католики. Впрочемъ эта странная мысль возникла въ позднѣйшія времена существованія въ Россіи бывшей уніи и придумана папистами въ отвѣтъ на упреки православнымъ уніатамъ, что сіи послѣдніе безъ всякой нужды измѣнили восточной церкви и покорились папѣ. Эта нелѣпность историческая давно была опровергнута православными церковными писателями еще во времена жаркой полемики уніатовъ съ православными; но крайняя несостоятельность этой навязчивости, цѣль, для ко-

торой она пущена въ ходъ и наконецъ рѣшительная ея несообразность съ исторіею, окончательно доказана и уяснена въ недавнее время авторомъ разбора сочиненія г. Вердье (Verdier): *Origines catholiques de l'eglise Russe jusqu' au XII secle*, преосвященнымъ Макаріемъ въ его исторіи русской церкви; преосвященнымъ Филаретомъ, тоже въ исторіи русской церкви; — многоразличными, подлинными актами и документами, относящимися къ исторіи западной Россіи и перепискою папъ съ русскими князьями, изданъ археографическою комиссіею; актами города Вильна, Трокъ и проч. издан. въ Вильнѣ; актами городовъ Минска, Пинска, и проч. издан. въ Минскѣ; рукописными документами, хранящимися въ монастырскихъ, церковныхъ и казенныхъ архивахъ въ Бѣлоруссіи, Малой Россіи и на всемъ пространствѣ западно-русскихъ губерній; наконецъ актами, документами и статьями историческаго содержанія, помещенными въ «Витебскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» за 1858, 59 и 60 годы.

Оставляя въ сторонѣ разные историческіе міражи папистовъ, здѣсь замѣтимъ только, что мнѣніе будтобы преп. Евфросинія и Параскевія, — княжны полотскія были католички (какъ это утверждаютъ уніятскіе и латинскіе писатели, базилианцы Кульчинскій, Стебельскій, Кояловичъ, Ольшевскій и іезуиты Кулеша и Пошаковскій), есть стольже очевидная ложь, какъ убѣжденіе и себя и другихъ въ мнимомъ единеніи русской церкви съ западною. Тѣже самые паписты не смѣютъ отвергать той истины, что русская церковь, какъ вѣтъвъ церкви восточной до учреженія въ Россіи съ согласія восточныхъ патріарховъ, самостоятельной митрополіи въ XV и патріаршества въ XVI вѣкахъ, составляла одну изъ епархій, подчиненныхъ константинопольскому патріарху, и что ни одинъ изъ митрополитовъ кievскихъ не уклонялся отъ повиновенія ему не исключая даже Иларіона и Климента, посвященныхъ въ этотъ санъ не патріархомъ, а соборомъ русскихъ епископовъ. — Извѣстно, что оба эти митрополита сочли нужнымъ, въ знакъ подчиненія русской церкви константинопольскому патріарху (когда вслѣдствіе завоеванія въ 1204 году Константинополя латинами, православный патріархъ бѣжалъ), немедленно извѣстить его о посвященіи своемъ. Русская церковь даже и тогда неизмѣнно предана была константинопольскому патріарху, когда

вслѣдствіе завоеванія въ 1204 году Константинополя латинами, православный патріархъ бѣжалъ и основалъ свое временное пребываніе въ Никее. Русскіе митрополиты не обращались тогда за посвященіемъ къ папскому, константинопольскому патріарху; но всегда къ православному—въ Никею, и до тѣхъ—поръ, пока Константинополь находился въ рукахъ папистовъ (до 1264 года), ровно ни какихъ сношеній не имѣли ни съ Константинополемъ, ни съ Римомъ, не смотря на неоднократныя приглашенія къ единенію со стороны папы. Полотская епархія, гдѣ спасались пр. Евфросинія и Параскевія отъ самаго введенія въ ней вѣры Христовой всегда принадлежала къ митрополии Кіевской; слѣдовательно, епископы сей епархіи со всѣмъ бѣлымъ и чернымъ духовенствомъ были въ послушаніи кіевскихъ митрополитовъ, а чрезъ нихъ въ зависимости и отъ константинопольскихъ патріарховъ. Съ римскимъ же патріархомъ, т. е., съ папою, который съ XI столѣтія окончательно отдѣлился отъ единства съ церковью вселенскою, не только не имѣли ни какихъ сношеній, но едвали знали о немъ даже по наслышкѣ. Пр. Евфросинія жила въ эпоху самаго разгара раздѣленія церквей, когда церковь восточная, а за нею и дщерь ея церковь руская, считали папу еретикомъ, а его послѣдователей назвали схизматиками (слово греческое—отдѣленіе), а вѣру римскую тогдашніе предки наши, въ томъ числѣ и кіевскіе митрополиты, называли латинскую *буестію*, даже перекрещивали обращающихся въ православіе латинянь, что впрочемъ въ свою очередь дѣлали римскіе католики съ православными съ 10-го вѣка до начала 18-го. Это ли признаки единенія Россіи съ Римомъ? Развѣ допустить, что пр. Евфросинія, Богъ знаетъ по какимъ побужденіямъ, только одна была католичкою? Но подобная нелѣпость можетъ придти въ голову только какому нибудь іезуиту Кулешѣ или базилианцу Стебельскому съ компанією,—когда постригавшій пр. Евфросинію епископъ, родители и родственники ея, полотское духовенство и всѣ полочане были истинными сынами греческаго православія; когда она сама сносила съ греческимъ императоромъ Мануиломъ Комнинымъ, своимъ родственникомъ, и патріархомъ Лукою Хрисовергомъ на счетъ уступки для спасской церкви иконы пресв. Богородицы и притомъ на пути въ Іерусалимъ имѣла съ ними личное свиданіе и отъ патріарха получила благословеніе. Между тѣмъ, если бы она бы

ла католичка, какъ считаютъ ее вышесказанные писатели: то навѣрно не захотѣла бы имѣть сношенія съ такимъ императоромъ, каковъ былъ Мануиль Комнинъ, согласившійся на константинопольскомъ соборѣ, бывшемъ подъ предѣдательствомъ патріарха Михайла Анхіалія, на окончательное отсѣченіе папы отъ церкви и не рѣшилась бы искать благословенія у патріарха, врага папы и извѣстнаго въ исторіи, по особенной ревности, въ защищеніи правъ восточной церкви отъ посягательства на нее Рима, каковымъ былъ Лука Хрисовергъ (Левъ Аллатій de repret. consens. lib. II. cap. XII—XVI и другіе),—когда, наконецъ, прибывъ въ Іерусалимъ на поклоненіе св. мѣстамъ, она остановилась и скончалась не въ латинскомъ какомъ либо монастырѣ, но въ греческомъ православномъ и мощи ея перенесены въ Анкону тоже въ монастырь греческій, а потомъ въ православный Кіевъ, гдѣ и по нынѣ покоятся и чествуются въ церкви не бывавшей въ рукахъ уніатовъ, даже и тогда, когда, дѣйствительно въ послѣдствіи появилась унія въ западномъ краѣ Россіи. Также скажемъ и о пр. Параскевіи, жившей въ началѣ XIII столѣтія, въ такую эпоху, когда ненависть къ латинамъ грековъ дошла до крайнихъ предѣловъ, въ слѣдствіе завоеванія первыми Константинополя, изгнанія съ патріаршихъ восточныхъ престоловъ православныхъ греческихъ патріарховъ, на мѣсто коихъ папа Інокентій III поставилъ латинскихъ прелатовъ и воздвигъ страшное гоненіе на всемъ пространствѣ Востока на православное духовенство, несогласившееся покориться ни папѣ, ни симъ псевдопатріархамъ. Въ эту эпоху гоненія христіанъ константинопольскіе (по преимуществу) храмы и святыни подвергались грубому поруганію, патріархъ, сопровождаемый всякими оскорбленіями, оставилъ городъ въ одномъ рубищѣ. За нимъ послѣдовали всѣ жители столицы, оставшіеся вѣрными отечеству и православію, ограбленные, полунагіе, доведенные до крайней степени уничтоженія и нищеты. Папскій легатъ заперъ всѣ церкви; непокорное духовенство, отвергавшее власть папы, выгонялось изъ столицы или томилось въ тюрьмахъ. По областямъ, православные епископы лишались своихъ каедръ, священники—приходовъ, иноки—монастырей. Никогда по милости латинянъ, не было эпохи несчастіе для восточной церкви, поэтому болѣе никогда не кавидѣли греки латинянъ, какъ въ то несчастное время. Ненависть эту не могла не раздѣлять

единовѣрная имѣ. Россія,—всегда покорная дщерь церкви константинопольской, никогда не отдѣлявшая судьбы ея отъ своей. Папа Инокентій III, мечтая быть дѣйствительнымъ главою церкви, когда имѣлъ уже въ своемъ подчиненіи четыре вочыныя патриаршія кафедръ, засылалъ пословъ и въ Россію къ Роману Галицкому и соблазнялъ его честолюбіе обѣщаніемъ помощи меча св. Петра; но этотъ храбрый князь, вынувъ свой булатный мечъ изъ ноженъ, отвѣчалъ: »такой-ли то мечъ Петровъ у папы? »Папа Инокентій IV предлагалъ сыну Романа Даниилу титулъ короля Галицкаго, съ тѣмъ, чтобы со всѣмъ своимъ русскимъ народомъ покорился Риму; точно такое же предложеніе дѣлалъ онъ и знаменитому Александру Невскому (1252 г.), обѣщавъ ему помощь противъ татаръ,—но всѣ его покушенія привлечь русскую церковь къ единенію съ римскою и совратить ее съ пути православія, остались тщетными и послѣднее даже подало поводъ къ обличительному посланію къ папѣ со стороны благовѣрнаго князя. (Въ посланіи семь Александръ, изложивъ исторію вѣры отъ Адама до Христа и исторію христіанской церкви отъ I. Христа до 7-го вселенскаго собора, заключилъ, что русская церковь вѣру эту, заимствовавъ отъ церкви восточной, сохранила чистою и не соблазненною по настоящее время, слѣдовательно не имѣетъ ни какой надобности перемѣнять ее на латинскую.) Къ сему прибавимъ, что всѣ кіевскіе митрополиты, въ подчиненіи коихъ всегда находилась и полотская епархія, во все время жизни преп. Параскевіи (Кирилъ Грекъ, Іосифъ Грекъ, и Кирилъ Россіянинъ), рукоположены были православными патриархами, жившими тогда въ Никеѣ. Слѣдовательно, когда попытки папъ склонить къ единенію съ Римомъ русскихъ князей и народъ остаются тщетными, и когда русскіе митрополиты посвящаются и назначаются не отъ папскихъ псевдо-патриарховъ но отъ патриарховъ православныхъ, временно проживавшихъ въ Никеѣ и враждебныхъ папамъ: то какимъ-же образомъ при жизни преподобной Параскевіи Русь могла быть въ единеніи съ Римомъ?! И такъ утверждать, что преподобная Параскевія, игуменія православной спасской обители, подчиненной православному полотскому епископу, зависѣвшему отъ кіевского митрополита, посвященнаго въ этотъ санъ въ Никеѣ,—была католичка, есть такая грубая ложь, такое же наглое посягательство на правду историческую, какъ и то, что были католиками

св. св. Ольга, Владиміръ, Борисъ и Глѣбъ, пр. Евфросинія и проч.

Что касается того будто пр. Параскевіа скончалась въ Римѣ и нетлѣнное ея тѣло канонизовано папою, какъ утверждаютъ вышесказанные польскіе ея жизнеописатели; и это мнѣніе не основывается ни на какихъ достовѣрныхъ историческихъ указаніяхъ. Куда удалились изъ Полотска пр. Параскевіа предъ нашествіемъ на Россію татаръ, по неизмѣнно современныхъ свидѣтельствъ, положительно не извѣстно. Что же касается мнимой кончины пр. Параскевіа въ Римѣ и будтобы канонизація ея папою, то не смѣшиваютъ ли ее съ другою св. мученицею Параскевіею, дочерью сенатора Пуденса, пострадавшею въ Римѣ во 2 вѣкѣ и тамъ погребенною, подлѣ отца и сестры Пуденціаніи, на прискиминскомъ кладбищѣ, при салирійской дорогѣ? Это самое утверждаетъ и польскій лѣтописецъ Стрѣйковский, отвергавшій путешествіе преподобной Параскевіа полотской въ Римъ и ея тамъ кончину (Księga II Rozd. XII pag. 234.). А если бы папа, по смерти православной святой, и причислил ее къ лику святыхъ римско-католическихъ, слѣдуетъ ли отсюда заключать, что эта святая и при жизни была католичкою?

Кстати замѣтимъ еще, что уніятскіе писатели (базиліанцы: Янъ Дубовичъ, Стебельскій, Кульчинскій, Кояловичъ и проч.), въ оправданіе измѣны уніатовъ древнему православію, любили дѣлать уніятами и многихъ, чисто православныхъ кievскихъ митрополитовъ, бывшихъ до флорентинской и послѣ флорентинской уніи. Но утверждая это, они мимовольно впадали въ самую грубую ошибку и противорѣчіе; ибо о каждомъ изъ сихъ митрополитовъ говорили, что онъ посвященъ былъ въ Константинополь, отъ такого то патріарха. Какіе же слѣдовательно, были они уніаты, если они зависѣли отъ православныхъ патріарховъ враждебныхъ папѣ, а не отъ папъ? Изъ множества дошедшихъ до насъ несомнѣнныхъ историческихъ памятниковъ, сохранившихся со временъ флорентійской уніи, достовѣрно извѣстно, что она началась въ Россіи митрополитомъ Исидоромъ и, съ его бѣгствомъ изъ Москвы, тогда же въ его лицѣ и исчезла. Правда, папа на мѣсто его, прислалъ было въ западную Русь съ именемъ митрополита ученика Исидорова—Григорія, но ни одинъ изъ тогдашнихъ православныхъ епископовъ

и никто изъ подчиненнаго имъ духовенства, а слѣдовательно и изъ паствы, не захотѣлъ ему повиноваться, а всѣ сносились съ московскимъ митрополитомъ Іоною, такъ что Григорій былъ пастыремъ безъ паствы, скитался по всей западной Руси съ мѣста на мѣсто, изъ города въ городъ, нигдѣ не могъ основать своей каѳедры и умеръ въ частномъ домѣ одного польскаго шляхтича, внѣ всякаго общенія съ церковію православною. Самымъ лучшимъ доказательствомъ, что флорентійская унія не привилась на русской почвѣ и ограничивалась только Исидоромъ и Григоріемъ, служитъ свидѣтельство оберъ камергера и секретаря папы Климента VIII, кардинала Сильвія Антонина, который въ 1595 году, при выслушаніи въ Римѣ двухъ русскихъ епископовъ Кирилла Терлецкаго и Упатія Поцѣя, посланныхъ отъ митрополита Михаила Рогозы—повергнуть русскую церковь подъ власть папы,—сказалъ имъ въ рѣчи отъ лица послѣдняго и въ его присутствіи, что «вы, русскіе епископы, *чрезъ сто пятьдесятъ лѣтъ*, возвращаетесь къ матери своей римской церкви», разумѣя подъ симъ время, протекшее отъ флорентинскаго собора, бывшаго въ 1439 году, на которомъ митрополитъ Исидоръ, отъ лица всей русской церкви, согласился на унію. По этому расчету выходитъ, что унія церквей была только при митрополитѣ Исидорѣ (хотя она на Руси не пустила ни какихъ корней), и что съ тѣхъ поръ по 1595 годъ она не существовала. Римскій писатель кардиналъ Бароній, описавшій пріемъ въ Римѣ сихъ пословъ, еще яснѣе сказалъ, что греческая церковь съ російскою вмѣстѣ въ то же время (т. е., за 150 лѣтъ предъ тѣмъ) отпала отъ уніи, а уже по истеченіи сего времени російская какъ бы пробудившійся отъ сна (слова, разумѣется, латинянина), съ раскаяніемъ опять обратилась къ римской (?). Наконецъ и преемникъ Рогозы, митрополитъ Поцѣй, въ духовномъ завѣщаніи своемъ, предшественниками своими въ уніи и въ покорности папѣ, со времени крещенія Руси при Владимірѣ св., называетъ только первымъ Исидора, вторымъ Григорія и третьимъ Рогозу (тогда еще не приходило никому и въ голову, такъ нахально навязывать единеніе Руси съ Римомъ, будто бы существовавшее до флорентинской уніи, какъ это дѣлали впоследствии базилианцы).

(Окончаніе впереди).

ИНОВѢРЦЫ ВЪ ВОЛЫНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

И.

Р. Католики.

Съ тѣхъ поръ какъ папа Григорій VII, ставъ властелиномъ всего католическаго міра, и—въ 968 году въ одномъ лицѣ Мечислава I присоединилъ Польшу къ своей монархіи, вмѣнивъ ни во что распространившійся прежде уже свѣтъ вѣры православной, или какъ тогда обыкновенно называли, греческаго обряда; съ тѣхъ поръ какъ въ сосѣдней съ Волынью Польшѣ, дѣйствіемъ католической пропаганды, православная вѣра стала мало-по-малу уступать религіи католической; и послѣдняя, по свидѣтельству Лелевеля, только съ 994 г. начала брать у поляковъ перевѣсъ надъ религіею греческаго обряда: единовѣрное и единоплеменное населеніе Волыни стало испытывать и на себѣ попытки католическаго всельничества. Твердая своимъ первымъ религіознымъ убѣжденіемъ и охраняемая своими единовѣрными князьями и боярами вся старая Волынь боролась и ограждала себя отъ иновѣрныхъ вторженій.

Святополкъ Владиміровичъ, князь туровскій женился на дочери короля польскаго Болеслава. Эта родственная связь привлекла все вниманіе католической пропаганды. Дочь Болеслава прибыла въ Туровъ и—съ ней р. католическій епископъ Рейнбергъ. Узнавъ объ этомъ, великій князь кievскій Владиміръ заточилъ Святополка съ женою и бискупомъ въ тюрьму. Между тѣмъ въ тоже время миссіонеръ Бруно извратилъ было уже многихъ къ принятію латинства; но рѣшительныя дѣйствія Владиміра и пастырей православной церкви—отвратили попытки.

Самымъ слабымъ пунктомъ былъ Галичь: съ одной сто-

роны ляхи, съ другой—венгры, употребляли всѣ средства околотичить высшее сословіе. Ярославъ Святополковичъ, князь галичскій, передавалъ ляхамъ обо всемъ, что дѣлалось на Руси; за это Ярополкъ и галичане изгнали его изъ вотчины, Ярославъ съ ляхами явился отобрать свое княжество, но былъ разбитъ вмѣстѣ съ ними въ 1138 г.

Стрыйковскій подъ 1205 годомъ говоритъ, что Романъ великій, князь галичскій, грозилъ не-только завоевать Польшу, мстя за ея религиозное надъ Русью насиліе, но и уничтожить всѣхъ латинниковъ со всѣми ихъ обрядами. Небезполезны были возгласы громовержца папы Григорія IX относительно браковъ православныхъ съ католиками: «Мы этого, писалъ онъ въ буллѣ 1230 года, терпѣть не хотимъ и не должны, чтобы *вѣрные* сочетались бракомъ съ *невѣрными*, по несомвѣстному соединенію *свѣта* со *тмою*; притомъ прилично-ли сочетать *члены Спасителя Христа* съ членами *погибшаго сатаны* и смѣшивать—*смолю* съ *бальзамомъ*?» Не напрасно, какъ читаемъ въ Волынской лѣтописи подъ 1253 г.—«Присла папа (Иннокентій IV) пискупа къ Данилу река ему; прими вѣнецъ королевства. Никентій бо кляяше тѣхъ хулящихъ вѣру греческую—правовѣрною, и хотящу ему сборъ творити о воединеніи церкви,» хотя Данило, принявъ корону королевскую въ Дрогичинѣ на Бугѣ, и отвергъ съ презрѣніемъ присланнаго въ слѣдъ за тѣмъ архіепископа Альберта набирать овецъ и пасты католическое стадо.

Недаромъ пастыри русской церкви—Феодосій Печерскій Георгій и Іоаннъ, митрополиты кievскіе, своими поученіями народу и князьямъ указывали на опасныя прельщенія и сѣти, набрасываемыя на Русь православную, о чемъ послѣдній писалъ обличительное посланіе и къ папѣ Клименту Виберту.

Хотя Волынь и при русско—литовскихъ князьяхъ, со времени Гедемина, твердо стояла за невмѣшательство къ своей народности и чистотѣ церкви чуждаго элемента, защищаемая единовѣріемъ князей своихъ, но постоянный натискъ католическо—польской пропаганды успѣлъ однако на границѣ Волыни во Владимірѣ и Перемышлѣ вгнѣздить католическіе епископства въ 1376 году; и хотя Ягеллонъ—Владиславъ, зтогъ

литовскій *мохнатыъ звѣрь* (*), говорившій только *порусски* и переkreщенный изъ *Якова* православной вѣры—въ католическую, далъ въ 1432 г. привиллегию волинскимъ обывателямъ, *абы имъ въ вѣрь никто насилля не чинилъ и церквамъ православнымъ не пакостилъ и до своей вѣры кто ни принуждалъ*, и обезпечилъ, что съ той поры церкви русскія на латинскіе костелы обращаемы не будутъ; но *погрѣшительное* папство всегда оставалось въ убѣжденіи, что «*Русскіе въ вѣрь держатся грязныхъ обычаевъ и вредныхъ заблуждений грековъ*», и потому неудивительнымъ покажется, что въ присягѣ, выполняемой при рукоположеніи въ ксендзы, въ числѣ первыхъ клятвенныхъ обѣщаній, помѣщено было *преслѣдованіе разновѣрцевъ* (т. е. не католиковъ, диссидентовъ).

Свойство фанатизма таково, что онъ неостанавливается на полумѣрахъ, или на мѣрахъ благоразумія и осторожности: для него голосъ, подобный Арнольду Бречію, что тогда только возможенъ на землѣ миръ христіанскій, когда церковь Христова будетъ олицетворять царство небесное, а не земное, попирающее все подъ ноги,—голосъ вопіющаго въ пустынь! Со времени перваго Ягеллона, избраннаго орудіемъ къ достиженію своихъ цѣлей, Польша въ лицѣ аристократіи и духовенства, не переставала настаивать надъ избираемыми королями объ исполненіи обѣщанія Владислава—Ягеллы *унии*, или политическаго соединенія обоихъ королевствъ—польскаго и литовско-русскаго, до послѣдняго изъ нихъ Сигизмунда—Августа. Неповиновеніемъ на королевскій призывъ къ оружію, по случаю открывшейся войны съ царемъ Иоанномъ, вынудили послѣдняго Ягеллона исполнить обѣщаніе перваго. Король, говоритъ историкъ Лелевель, увѣщевалъ, убѣждалъ, уговаривалъ, просилъ; но все еще Литва и юго-западная Русь колебались, все еще чего-то выжидали, зачемъ-то оттягивали, чего-то было имъ жаль, какой-то кровавый призракъ пугалъ ихъ; а между тѣмъ и *іезуиты* на помощь занесли ногу на край земли польской (1566)!...

(*) Партія, благопріятствовавшая сердечной склонности Ядвиги къ ѣмедковому принцу и нежелавшая брачныхъ ея узъ съ Ягелломъ, увѣряла королеву, что онъ, какъ дикарь, обросъ весь волосами.

Когда на *вальномъ* сеймѣ въ Люблинѣ 25 Мая 1569 года дошла рѣчь до *уніи*, или соединенія народовъ, то многіе литовско-русскіе паны, говоритъ тотъ же историкъ, вскочивъ съ своихъ мѣсть,—бѣжали; другіе же жертвуя, для своей личной пользы, выгодами и самостоятельностью своего народа, подписали *актъ соединенія*, какъ кievскій воевода Остророгъ и волинскій—князь Чарторыйскій. За Воливью и другими соединенными землями, оставлено впрочемъ, только для виду, право свободного отравленія своей религіи, языка и законовъ; при чемъ поляки не забыли и себя—въ домогательствѣ права—приобрѣтать поземельную собственность въ Литвѣ и юго-западной Руси, чего они до сего времени, по законамъ и привилегіямъ страны, считаясь *чужеземцами*, не имѣли.

Такимъ образомъ католическая пропаганда открыла себѣ широкое поле дѣйствія: отъ Сана до Днѣпра и отъ Буга до Чорнаго моря.

Ограничивъ сначала до аристократическаго своеволія власть королевскую, и цѣлю оправдывая средства, она предположила: а) *ослабить* силу *русскаго* мѣстнаго *дворянства*, б) *отнять* личность у *народа*, с) *унизить* православное *духовенство* и *религію*, д) *замънить* народный *языкъ*—польскимъ.

а) Нѣкоторыя изъ этихъ средствъ начали уже проявляться и до *добровольнаго* присоединенія. По жевитъбамъ польскіе паны, сдѣлавшись, въ нарушеніе правъ Волини, всельниками ея дѣлали, за 40—50 лѣтъ еще до этого, мѣстнымъ дворянамъ разныя обиды и притѣсненія. За 24 еще года до событія 1569 года, королевскій совѣтникъ прибывъ въ г. Владимиръ и Луцкъ, именемъ короля требовалъ предъявленія со стороны волинскихъ князей, духовенства и дворянъ, правъ на владѣніе имѣніями, на что они хотя и отвѣчали, что «вѣды мы и предки наши не крали у короля имѣній своихъ».... что королю «достаточно извѣстно, какъ великое раззореніе претерпѣваемъ мы отъ непріятелей; рѣдкій изъ насъ могъ сохранить не только документы, но даже имущество и жизнь; уцѣлѣвшія же грамоты истреблены пожаромъ въ луцкомъ замкѣ;—за что насъ добрыхъ и доблестныхъ слугъ, приводятъ въ такое подозрѣніе?!» но этотъ энергическій отвѣтъ не освободилъ отъ обязанности искать королевскихъ милостей въ надачѣ стародавнимъ владѣльцамъ подтвердительныхъ на имѣнія грамотъ, во чынское

дворянское сословіе устранилось отъ сейма; власть законодательная мало—по малу захвачена польскими только аристократами; етароства и государственныя должности—также; судебная и исполнительная власть дѣйствовали къ явному нарушенію правъ волянцевъ; вымышляли для нихъ безпрестанно новыя налоги; ксендзы съ своей стороны, безъ всякаго права, обременяли десятинами, грабежи и неистовства польскихъ жолнеровъ и преслѣдованіе православной религіи, приводили волянскихъ дворянъ въ отчаяніе. «За грѣхи наши мы покараны отъ Господа—Бога, говорили они на варшавскомъ сеймѣ, различными казнями и бѣдствіями;—мы дотого стѣснены въ своихъ дворянскихъ имѣніяхъ, что и крестьяне наши едва дышутъ отъ крайней бѣдности и нужды.» Такой гнетъ, налегшій на все западно—русское дворянство, при явномъ покровительствѣ всѣмъ тѣмъ, кои исповѣдуютъ римско—католическую религію, мало—по—малу вырывалъ малодушныхъ: одни удалялись за Днѣпръ, сбывъ за ничто пришельцамъ свои имѣнія; другіе, заглушивъ совѣсть, мѣняли вѣру во Христа—Спасителя на того же Христа—Исуса,—вѣру православную на католическую; не многіе только твердые воители, вмѣстѣ съ братствами и народомъ, стали въ оброну вѣры своихъ предковъ. Іезуитское воспитаніе и постановленіе сейма 1733 года, *воспротивившее рѣшительно нектоликамъ занятіе всякихъ должностей и правъ гражданскихъ*—довершили въ волянской аристократіи религіозную метаморфозу. Такъ исчезли воляно—русскіе князья: Вишневецкіе, Порицкіе, Козики, Курцевичи, Головни, Ковельскіе, Коширскіе, Дубровицкіе, Воронежскіе, Соколинскіе, Крокотки, Войны, Речицкіе, Могецкіе, Велицкіе, Заславскіе, Збаражскіе, Корецкіе, Массальскіе—Мунча, Котовичи, Крупскіе, Превары, Землицкіе, Боремельскіе, Любецкіе, Гольшанскіе, Пронскіе, Путаты, Капусты, Роговицкіе, Полубенскіе, Жижемскіе, Путивельскіе, и пр., уступивъ свое мѣсто новымъ дѣдичамъ—переселенцамъ изъ Польши, посесорамъ, полномочнымъ, экономамъ, адвокатамъ, дворянскимъ маршалкамъ, камердинерамъ, поварамъ, кучерамъ, нажившимся при панахъ своихъ; другіе же, какъ князья: Чарторійскіе, Сангушки, Радзивиллы, Четвертинскіе, съ переменною православной религіи на католическую, отвергли единоплеменность и народность русскую. —

Czymże oświęci ich Polska? czyliż i siebie niezbruczy?

Na zdradę tak głośno krzyczą—zdradę sama uczy! (1)

б) Почти одновременно съ ослабленіемъ силы и значенія русско—волынскаго дворянства, въ видахъ католической пропаганды, польское правительство приступило къ разрѣшенію и другого вопроса: *отнятіе личности* у населенія Волыни. Тѣсныя моральныя отношенія между народомъ и князьями и вообще между землевладѣльцами, связанными съ нимъ одними интересами, одною вѣрою и языкомъ, могли всегда служить препоною Польшѣ для достиженія предположенной цѣли. Надо было разорвать эту семейно—общинную связь, и поселить между владѣльцами и народомъ, или крестьянскимъ населеніемъ, вражду и ненависть. Въ 1545 году, на требованіе прибывшаго на Волынь королевскаго совѣтника, волынскіе князя и земляне между прочимъ обстаивали свободу и независимость своихъ крестьянъ, говоря: »мы недоумѣваемъ какъ сдѣлать перепись нашихъ людямъ, потому что нынѣ мы впишемъ кого-либо въ число своихъ людей, а завтра его уже не будетъ: люди наши расходятся по волямъ княжескимъ и панскимъ, какія есть здѣсь на Волыни, « или »при вольностяхъ здѣшнихъ крестьянъ нашихъ, они, въ случаѣ малѣйшаго притѣсненія отъ пановъ, тотъ часъ же уходятъ...« Слово *холопъ* у свободнаго волынскаго народа означало раба, купленнаго или взятаго въ плѣнъ, и употреблялось съ презрѣніемъ.—Въ 1557 году составленъ былъ *Уставъ о волокахъ* (поземельный) для всѣхъ крестьянъ литовско-государственныхъ, или принадлежавшихъ господарю великому князю литовскому, въ коемъ опредѣлялись самыя точныя отношенія, ихъ права и обязанности. Сколь ни гуманнымъ въ высшей степени явился Уставъ этотъ, однако въ немъ (Ст. 29) проглянула уже мысль, что *личность крестьянина и все его имущество* принадлежать землевладѣльцу (2). Съ одной стороны такая гуманность и права крестьянъ, изложенныя въ этомъ Уставѣ, могущія парализовать всѣ виды польской аристо-

(1) A. Pietruszewicz. Lwow. 1848.

Чемъ же украсить ихъ польша? Да не покроетъ ли срамомъ себя? —Противъ вѣроломства кричить она такъ громко, а вѣроломству сама учить!

(2) См. Памятники Врем. Комиссіи для разбора древ. актовъ т. II. отдѣлъ 2. стр. 3 Киевъ. 1846.

кращи, а съ другой намѣреніе воспользоваться за заслуги свои раздѣломъ между собою огромныхъ велико-княжескихъ имѣній, внушили ей мысль заставить короля, какъ литовскаго господаря, отказаться отъ всѣхъ вотчинныхъ и синьоральныхъ правъ на всемъ пространствѣ великаго княжества литовскаго; король отказался въ 1566 году, и отнятыя у одного короля права, перешли во многія руки аристократіи польской съ самовольно присвоеннымъ себѣ надъ крестьянами правомъ суда, жизни и смерти, передаваемымъ отъ себя уже арендаторамъ и Амбрамкамъ Шмойловичамъ, Пейсахамъ Несвижскимъ и Абрумамъ Турійскимъ¹⁾. Такимъ образомъ что началъ въ Польшѣ Сигизмундъ I, то довершилъ на Воляни Сигизмундъ II: у народа отнята личность гражданская и изъ *свободнаго* и *вольнаго*—сталъ онъ рабомъ и *хлопомъ*. Отъ свободы воли оставался одинъ только шагъ къ свободѣ совѣсти,—и—католическая пропаганда не замедлила начать противъ нея свои дѣйствія.

с) Православная религія, какъ истинная послѣдовательница Христова, никогда не пятнала страницъ всемірной исторіи насиліемъ и кровію: она проникала всегда кроткими мѣрами, отъ чего и пути ея иногда ускользали отъ исторіи, большею частію наполняющей страницы свои трескомъ орудій и потоками крови. Мирно она водворилась на Руси, неслышно проникла въ Польшу, безъ шума освѣтила Литву. Тѣмъ же духомъ кротости и смиренія проникнуты были ея пастыри, подъ видомъ простоты часто украшенные истиннымъ образованіемъ и глубокою ученостію. Распространяя ученіе православной вѣры, они не знали, какъ проповѣдники иныхъ христіанскихъ и нехристіанскихъ ученій, другаго оружія кромѣ Слова Божія, другой, силы,—кромѣ дѣйствія совѣсти. Зато, если въ прошедшемъ не находимъ на страницахъ бытописанія кровавыхъ ея пятенъ, то настоящее указываетъ пути православія въ созданныхъ храмахъ Божіихъ, богатыхъ церковныхъ утваряхъ, въ недвижимыхъ собственностяхъ, благоговѣйными ея исповѣдниками съ древнѣйшихъ временъ добровольно принесенныхъ въ даръ въ славу Божію. Русскіе и литовско-русскіе князья и *земляне* вездѣ по всей Воляни оставили слѣды своего усердія къ вѣрѣ пра-

¹⁾ См. Памят. Врем. Коммисіи для разбора др. актовъ т. I—IX, X, XI.

вославної. Одни строили церкви и монастыри, даже нынѣшними немногими уцѣлѣвшими остатками приводящіе въ изумленіе, и надѣляли богатыми церковными принадлежностями; другіе—старались обезпечить благосостояніе церквей и всего духовенства въ будущемъ *вѣчно и нерушимо*, съ тѣмъ, чтобы *пастыри церкви за нихъ и потомковъ ихъ, а равно объ общественномъ благѣ съ ихъ синклитомъ молили Господа-Бога, яко пастыри и отцы ихъ, при совѣщаніяхъ князей и бояръ рядили и сеймовали, помѣщеніемъ бѣдныхъ, госпиталями, школами, странно-пріимными домами—управляли* ¹⁾. Владиміръ Васильковичъ князь владимірскій, не только созидаеть пышные храмы по всей Волыни, но украшаетъ драгоценною утварью храмы во Владимірѣ, Перемышлѣ, Черниговѣ, Луцкѣ, Любомлѣ; Ярополкъ Изяславичъ—владимірскій дарить церкви св. Богородицы Небльскую волость, Деревскую и Луцкую, а княгиня его—пять сель; князья литовскіе особенно Любарть (въ православіи—*Теодоръ*) и Свидригайло (въ православіи—*Лавръ*) надѣляютъ епископію луцкую и владимірскую богатыми имѣніями, въ числѣ коихъ находилось 5 мѣстечекъ и 45 селеній; князья Сангушки, Пронскіе, Корецкіе, Чарторыйскіе, Острожскіе—строятъ церкви и монастыри, учреждая при нихъ на свой счетъ школы и богадѣльни.—При такомъ уваженіи ко вѣшнему благолѣпію православної религіи, *духъ единенія и любви* между князьями и землянами, духовенствомъ и народомъ—господствовалъ до того, что все дѣлалось по взаимному совѣщанію, какъ въ дѣлахъ мірскихъ, такъ и духовныхъ: ни духовенство безъ князей, землянъ и народа, ни народъ самъ собою—ничего непредпринимали, что касалось общихъ интересовъ страны. Высшее сосло-

¹⁾ См. любопытную записъ князя Любарта (1322 г. декабря 8), данную луцкой соборной церкви Іоанна Богослова въ лицѣ Климента, владыки луцкаго и острожскаго, напечатанную, въ Арх. юго-западной Россіи ч. 1. Т. 1. стр. 206. Нѣтъ сомнѣнія, что подлинникъ былъ писанъ на языкѣ рускомъ, но истребленъ католическимъ духовенствомъ или іезуитами въ числѣ многихъ подвергшихся такой же участи; сохранился же въ польскомъ переводѣ, записанномъ въ луцкіе акты только въ 1738 г.; также какъ на стр. 181 и записъ князя Свидригайла, въ 1459 году октября 7 дня, данная луцкому пречистенскому монастырю.

віе не иначе считало духовныхъ, какъ своими пастырями и отцами, а народъ—не иначе относился къ лицу духовному, какъ дѣти къ отцу своему, связавъ и увѣковѣчивъ въ языкѣ понятіе отца духовнаго съ отцемъ естественнымъ—*батюшка, пань—отець, пани—матка*. Хотяже короли польскіе: Александръ (1499 г.), Сигизмундъ I (1511 г.) и Стефанъ Баторій (1583 г.) подтверждали своими привилегіями права и преимущества православному духовенству, но всѣ эти подтвержденія мало-помалу обращались въ мертвую букву безъ жизненной силы дѣйствія. Раздвинувъ территориальныя преграды, какъ выше сказано, т. е. добившись права всельничества на Волини, аристократія польская и отрекшаяся отъ вѣры отцевъ своихъ и народности, или къ тому уже подготовленная, руководимая католическою пропагандою, начала постепенно пріобрѣтать къ рукамъ своимъ церковныя имущества, дабы, отнявъ свачала у православной церкви матеріальныя средства, приступить далѣе къ *уничженію* духовенства. Справедливыя жалобы на такія своеволія, хотя и заставили Сигизмунда III дать охранительный универсалъ на варшавскомъ сеймѣ 23 апрѣля 1589 г.—что *теперь имъ (чѣмъ) большій отъ часу, тымъ ся большее опустошеніе и здешніе тымъ наданямъ и добрамъ церковнымъ чрезъ разныя осоды — дѣють, что — воеводове и подскарбіе, земскіе старосты, державцы наши и ихъ намѣстники имѣнія, наданія церковныя, также монастыри, церкви и всѣ скарбы церковныя, у котораго што воеводство, альбо староствъ будетъ, то все заразомъ въ моцъ, справу и завданіе свое берутъ и на себе уживають; что-маючи въ рукахъ своихъ не-только имѣнія и фольварки нищать и подданныхъ владники и слуги ихъ бранемъ и вытяганемъ на нихъ незвыклыхъ чиншовъ и податей пустошати и разгоняють, и что по этому повелѣлъ такимъ лицамъ—никоторымъ обычаемъ въ тые вси церкви, скарбы, именія и наданія церковныя ничимъ ся вступовати и ніякихъ пожитковъ оттолъ соби привлацати не мають и не будутъ мочи ¹⁾*; но такое повелѣніе, продиктованное конечно или совѣстію, или же для того, дабы этимъ прикрыть дальнѣйшій ходъ задуманныхъ событій,

¹⁾ Dzieje dobroczynności za 1826 rok.

бездельно было для самовольной польской шляхты и католической пропаганды, продолжавших свои нахальные дѣйствія еще съ большимъ ожесточеніемъ. Въ случаѣ смерти епископа, или даже еще и при жизни, мѣсто его, подъ видомъ нареченнаго, но уже близко приготовленнаго къ вѣроотступничеству, заступалъ какой-либо шляхтичъ, который, владѣя огромными на правахъ собственности церковными и епископскими имѣніями, пользовался и извлекалъ всѣми средствами доходы, раздѣляя имѣніе по частямъ между дѣтьми и родственниками, отдавалъ въ приданное за дочерьми, мѣнялъ на другія; при назначеніи, какъ нерѣдко бывало, на его мѣсто другаго нареченнаго же, или настоящаго епископа, все церковное богатство въ сосудахъ и разныхъ священныхъ драгоценностяхъ грабилъ и увозилъ съ собою; или же, не допуская другаго къ мѣсту, давалъ поводъ къ обоюдной дракѣ, обливая кровію храмы Божіи. Монастыри и монастырскія имущества, по королевскимъ грамотамъ, отдавались въ пользованіе частнымъ лицамъ, а отъ нихъ передаваемы были въ аренду нерѣдко евреямъ; на другіе—вооруженными толпами нападали, стрѣляли, грабили церковную утварь, св. Тайны топтали ногами. Духовныя лица подвергались публичной брани, побоямъ, остриженіямъ волосъ и оскорбленіямъ въ самыхъ храмахъ, гдѣ совершались иногда презрительныя католическія оргіи. Къ этому присоединялись и евреи: и они начинали грабить и оскорблять, бросая камнями въ священниковъ, при торжественныхъ ходахъ. Унизивъ церковь и духовенство въ глазахъ народа и возвышая всѣхъ тѣхъ, кои переходили въ католическую церковь, католическая пропаганда обратилась къ массѣ самаго народа. Переходнымъ для этого ередствомъ была избрана религіозная *унія*, подобная уніи политической 1569 года. Три лица высшей духовной православной іерархіи являются виновниками этой, задуманной польскимъ правительствомъ подъ руководствомъ иезуитовъ, религіозной реформы: *Ипатій Потѣй*, королевскимъ приказомъ возведенный изъ кастеляновъ въ епископа во Владимиръ, собственными руками въ ильинской церкви ободравшій престоль, сбросивъ съ него на полъ всѣ священныя вещи, и изорвавшій священный антминьсь, на коемъ совершается служба Божія ⁵⁾); Кирилъ

⁵⁾ Арх. юго-запад. Россіи Т. I. ч. I стр. 505.

Терлецкій, епископъ лѣцкій и острожскій, человекъ умный и дѣятельный, испытавшій на себѣ: наглое отнятіе церковнаго и епископскаго имущества въ Фалимичахъ и разграбленіе всего имущества въ г. Острогѣ,—постыдное взываніе мыта за входъ въ лѣцкую соборную церковь съ духовенства и народа,—двухсуточное заключеніе его самаго, прибывшаго на служеніе въ страстную субботу, въ лѣцкомъ замкѣ безъ пищи и питья, когда между тѣмъ въ притворѣ соборнаго храма совершались танцы и разныя игры, заводимыя пьянымъ лѣцкимъ старостою Симашко, при стрѣльбѣ въ золоченый свѣрхъкупольный крестъ на томъ же храмѣ,—недозволеніе ему починять въ немъ куполь; и *митрополитъ* кievскій *Михаиль Рогоза*, опутанный іезуитскою лестію и обѣщаніями ему большихъ еще благъ въ будущемъ, чѣмъ въ настоящемъ. Втроемъ эти іерархи ввергли всю страну, не только землю волинскую, въ бездну величайшихъ бѣдствій со всема ихъ послѣдствіями, неизглаженными даже до настоящаго времени. Послѣ собора епископовъ въ Соколѣ для разсужденія о духовныхъ дѣлахъ, обидахъ отъ митрополита и вообще бѣдственномъ состояніи православной церкви, воспользовавшись данными лѣцкому епископу Терлецкому четырьмя бланковыми чистыми листами съ подписями четырехъ епископовъ, бывшихъ на этомъ сѣздѣ (27 іюня 1594 г.), Терлецкій, вмѣсто жалобъ на притѣсненія, написалъ на ихъ и—подалъ королю и сенату прошенія о принятіи православной церкви въ соединеніе съ римскою. Узнавъ объ этомъ предательскомъ поступкѣ, львовскій епископъ *Гедеонъ Балабанъ*, тотчасъ явился во Владиміръ, и, въ присутствіи лучшихъ волинскихъ вельможъ, занесъ протестъ о семъ въ городскіе акты; а между тѣмъ епископы отступники Терлецкій и Потѣй, собирались ѣхать въ Римъ—добызать туфли папы, заложивъ, съ разрѣшенія короля, все имѣнія лѣцкой епископіи на 20 лѣтъ. Ни всеобщій ропотъ и негодованіе, выраженныя княземъ Константиномъ Острожскимъ въ личномъ протестѣ королю; ни такой же протестъ князя Друцкаго-Горскаго; ни синодальный универсалъ брестскаго собора 1596 г. октября 9; ни протестъ на ономъ всего православнаго духовенства противъ уни и обязательство противудѣйствовать ея распространенію—не отвели черной тучи, нависнувшей надъ церковью православною. Тайное донесеніе митрополита Рогозы князю Радзивиллу, вое-

водѣ троцкому, еще предъ съѣздомъ на брестскій соборъ, что на этотъ соборъ, по приглашительнымъ письмамъ воеводы кievскаго, намѣрены съѣхаться все безъ исключенія русскіе и еретики съ *большимъ числомъ людей* — волынцами, греками, подольцами и подгорцами; что, какъ ему извѣстно, почти все еретики условились ѣхать, и что по этому можно надѣяться много зла отъ предстоящаго сборища такихъ злыхъ людей ¹⁾; и полученная имъ во время самаго собора, королевская грамота, въ коей говорилось: »поелику вы просили насъ, что-бы мы дозволили собраться въ Брестъ для открытія синода, то, радуясь такому благочестивому дѣлу, удовлетворяемъ желанію вашему, желая, чтобы дѣло общаго единенія съ вселенскимъ косяеломъ *вами начатое*, на этомъ собраніи приведено было къ желаемому окончанію« — не доказываютъ ли, что *митрополитъ Михаилъ Рогоза*, какъ глава церквей православныхъ, былъ главѣйшимъ, но скрытымъ, виновникомъ и двигателемъ этого вѣроотступничества?—Такъ совершились у насъ двѣ *добровольныя* уніи, первая въ 1569 г. подъ угрозою *конфискаціи имѣній* за сопротивленіе, вторая въ 1596 году—подъ страхомъ отвѣтственности за *неуваженіе* королевской *власти*. Непоколебимый однако въ своихъ убѣжденіяхъ старшій изъ епископовъ — львовскій Геденъ Балобанъ остался такимъ до смерти, не смотря на двукратныя попытки отравою лишить его жизни. Послѣ увѣренія святѣйшаго отца, что онъ »нехочетъ властвовать надъ нами, но хочетъ немощи и слабости наши на себѣ носить«; послѣ убѣжденія королевскаго манифеста, что »никакихъ новыхъ перемѣнъ въ церковныхъ обрядахъ не будетъ, что все догматы и обряды православной церкви сохранены будутъ не прикосновенно«: тотъ часъ начали оказываться послѣдствія *добровольнаго* религіознаго единства— »къ водворенію и помноженію, какъ сказано въ томъ же манифестѣ, между народами взаимной *любви и мира*«. — Консисторіи превращены въ капитулы; уніатскіе епископы въ сенатъ не допущены; все церковныя имѣнія, по постановленію кобринскаго синода въ 1626 году, обращены на построеніе и украшеніе уніатскихъ церквей, на уніатско-католическія училища, типографіи польскаго шрифта; введена краткая обѣдня

¹⁾ Dzieje dobroczynności za rok 1826.

(иша шептана); инструментальная музыка; выброшены иконо-
стась и измененъ внутренній и вѣншній видъ церквей и наруж-
ный видъ священническаго сана; введенъ польскій языкъ и ка-
толическое управление; изменены обряды и напѣвъ; приняты
толкованія римскихъ богослововъ; католическіе праздники и ка-
лендарь стали обязательны; крестили кто ни-попало, по праву—
единства,—ксендзь—ли, или униатскій священникъ. Народъ и
несовратившееся еще дворянство вооружались страшно, католи-
ческая пропаганда—еще усиляѣе: дѣло доходило до жестоко-
сти и варварства, вызванія кровавыя событія: 1593, 1596,
1630, 1635, 1638, 1648, годовъ; а между тѣмъ католиче-
ское духовенство раскинуло вездѣ: францискановъ, реформа-
товъ, кармелитовъ (босыхъ и обутыхъ), тринитаровъ, бернар-
диновъ, капуциновъ, доминикановъ, августинновъ, маріановъ,
піаровъ, бонифратровъ, венединковъ, бригатокъ, шаритокъ,
и проч. проч., но всѣхъ главнѣе іезуитовъ, этихъ ловкихъ
рыбарей, которые, по уставамъ своимъ, одни подъ видомъ ис-
ключительнаго занятія садоводствомъ, воспитаніемъ дѣтей, дру-
гіе—ухаживаніемъ за больными и бѣдными, тѣ—подъ видомъ
странно-пріимства, иные — молчанія, а тѣ—выкупа плѣнныхъ,
ловили православныхъ въ свои сѣти и—обращали въ католи-
ческую вѣру. Эти событія вызвали самое горячее усердіе въ
охрану православной церкви и народности со стороны *братствъ*,
главною заботою коихъ было вѣншнее благолѣпіе церквей,
строгое соблюденіе церковнаго чина и начальное обученіе; вы-
двинули три высокія личности, съ полнымъ самоотверженіемъ
принесшія все достояніе и жизнь въ жертву любви къ право-
славію и русской народности, это: князь Константинъ *Острож-
скій*, заботившійся объ уцѣлѣвшихъ еще монастыряхъ, для
народнаго и духовнаго образованія, на свой счетъ заводившій
школы, устроившій типографію для печатанія церковно-славян-
скихъ книгъ, ратовавшій за православіе словомъ и дѣломъ;
Петръ Мотла, сынъ молдавскаго государя, митрополитъ
кіевскій, на учрежденіе учебнаго заведенія въ Кіевѣ для вы-
шаго духовнаго образованія пожертвовавшій всѣмъ полученнымъ
отъ родителей достояніемъ; *Богданъ Хмельницкій*, поднявъ
всю русскую землю, во имя любви къ вѣрѣ праотцевъ и своей
народности, отъ низовьевъ Днѣпра до западнаго Буга, и отъ
Сана до Днѣпра, съ козацкой саблей, мушкетомъ и мраворомъ,

очищавшій русскую землю отъ утѣснителей православія и народности—ляховъ и сподручниковъ ихъ евреевъ; три эти мужа, въ тройственной группѣ, по всей справедливости, стяжала себѣ право на подножіе памятника тысячелѣтнаго величія Россіи.— Событіями послѣ 1654 года, освободившаго навсегда лѣвую сторону Днѣпра, съ кievскимъ округомъ, отъ вліянія польской аристократіи и католическаго гнѣта, съ изгнаніемъ оттуда всѣхъ польскихъ всельниковъ, осѣвшихъ въ возмездіе за-то во владимірскихъ епископскихъ имѣніяхъ, правая сторона, оставшись опять подъ польскимъ владычествомъ, приняла на себя двойную тяжесть. Отсюда произошло на 150 лѣтъ раздвоеніе одной огромной силы русскаго народа, по лѣвой сторонѣ Днѣпра названной *украиною* русскою, или *Малой Россіей*, по отношенію къ Великой, и по правой сторонѣ—по отношенію къ Польшѣ—польскою *Украиной*, въ которую вошли: Волинь, Подоль и кievская земля (безъ Кіева). Лишенные лѣвобочныхъ приднѣпровскихъ братій своихъ, правобочные подверглись еще горшеі прежняго участи Дворянство, прежде грудью стоявшее за свою единоплеменную и единовѣрную низшую братію, окатоличившись для сохраненія жизни и своихъ имуществъ, стало для народа чуждо; вѣра не только измѣнила самую единоплеменность и кровь братнюю, но изъ друзей народа обратила ихъ въ заклятыхъ враговъ ему. Въ равной мѣрѣ, съ угнѣтеніемъ народа, увеличивались и бѣдствія православной церкви и духовенства.—Хотя наглый уніатскій епископъ Ипатій Потѣй, немедленно послѣ объявленія уніи, обратилъ весь почти владимірскій уѣздъ въ унію, но въ пынѣшней Галиціи, въ епископін луцкой и Вильнѣ вводимая уніа встрѣтила большую борьбу съ братствами Медленный ходъ задуманнаго религіознаго плана, въ параллели съ быстрымъ окатоличеніемъ дворянства, не нравился иезуитамъ. Это заставило ихъ на бышемъ въ Варшавѣ *ильмомъ* сеймѣ 1717 года, подать государственнымъ чинамъ новый проэктъ: *уничтоженіе православнаго и уніатскаго вѣроисповѣданій, а также и русской народности въ русскихъ областяхъ подвластныхъ Польшѣ*. Главная задача этого проэкта состояла въ томъ, какъ греческій законъ (православная религія) противенъ римскому, то его уничтожить: презрѣніемъ, преслѣдованіемъ, притѣсненіемъ и всякими дѣйствительными средствами, дворянство русскаго закона, хотя

бы и состояло уже въ уни, не должно быть допускаемо ни къ какимъ государственнымъ должностямъ; каждый полякъ долженъ чуждаться русскаго; не должно допускать русскихъ къ такимъ службамъ, кои бы давали имъ случаи къ образованію: оставаясь въ невѣжествѣ, они дойдутъ до нищеты и не будутъ въ состояніи помочь себѣ ни деньгами, ни умомъ. Такъ—какъ духовенство русское составляетъ самый трудный узелъ, то нужно владыкъ—одурачить, а священниковъ—стѣснить, дабы они не мечтали о повышеніи, не могли ни думать, ни желать, ни дѣлать чтобы владыки имѣли только титулъ викарныхъ, и чтобы какъ они, такъ и ихъ священники подвергались ревизіи католическихъ прелатовъ; безъ ихъ вліянія народъ, находясь подъ римскимъ начальствомъ, удобнѣе отступитъ отъ своихъ обрядовъ; держать русское духовенство въ невѣжествѣ,—тогда они, не зная источника своихъ обрядовъ и не будучи въ состояніи поучать народъ,—склонятся удобнѣе къ перемѣнѣ религіи, къ чему самымъ радикальнымъ средствомъ служить невѣжество и бѣдность, въ которой они какъ оставались до сихъ поръ, такъ и останутся; въ пользу церквей не дѣлать никакихъ записей; брать деньги отъ поступающихъ въ священство, подобно прежнимъ полякамъ, кои отъ священниковъ получали доходы, если не болѣе, то никакъ не менѣе, какъ и отъ мужика. Крестьянамъ, по отношенію къ ихъ священникамъ, должно оказывать всякія поблажки: мужиковъ преклонимъ на свою сторону, а къ священникамъ—поселимъ въ нихъ ненависть; разглашать, что сыновья священниковъ не освобождаются отъ крестьянства; убѣждать священниковъ къ безбрачной жизни. Мѣщанскимъ и крестьянскимъ дѣтямъ—воспретить учиться въ школахъ при церквахъ: наблюдать, чтобы крестьянскія дѣти приучаемы были не къ книгамъ, а къ плугу, сохѣ, ралу и цѣпу. Религіозные обряды порочить, оуждать и разглашать ихъ съ смѣшной стороны, прибѣгая, въ случаѣ недостатка фактовъ,—къ вымысламъ. Когда успѣемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ то поощреніемъ, то обманомъ, то силою передѣлать русскихъ на римлянъ, тогда—во всей *Русской* странѣ процвѣтутъ римскіе обряды; въ случаѣ же неэффективности этихъ средствъ,—поелику трудно *перебить* всѣхъ русскихъ, по малочисленности нашей,—то—отдать ихъ въ рабство татарамъ, а на ихъ мѣсто населить край народомъ польскимъ и мазовец-

кимъ; если передѣлаемъ въ римлянъ, то навсегда лишимъ Москву надежды на возвратъ, и изъ тѣсной ихъ связи съ нею сдѣлаемъ ихъ же для нее врагами». ¹⁾—Послѣдствіемъ этого было: а) постановленіе замойскаго синода 1720 г., подѣ предсѣдательствомъ униатскаго митрополита Кишки, послѣ котораго православные храмы были опечатаны, священниковъ, неприступившихъ къ униі, — изгоняли, не позволяли крестить дѣтей, вѣнчать, погребать; за исполненіе же священниками церковныхъ требъ, за богослуженіе и колокольный звонъ—казнили; б) Сеймъ 1733 года воспретилъ всѣмъ не католикамъ занятіе какихъ—либо должностей и права гражданскія; городскіе жители, неприсоединившіеся къ униі, изгонялись изъ ратушь, магистратовъ, лишали ихъ права голоса, торговли и отлучки отъ мѣста жительства, отягощали ихъ чрезмѣрными налогами, подводами, общественными работами, отнятіемъ полей, луговъ, лѣса и другихъ потребностей жизни; в) на конвокаціонномъ сеймѣ 1764 г. постановлено: 1) священническіе сыновья безъ службы и промысла принадлежать къ сословію *черни*, 2) не обучавшіеся ни въ школахъ, ни ремеслу, должны быть *въ крѣпостномъ состояніи*, и 3) если бы кто и по окончаніи курса наукъ не поступилъ въ дѣховное званіе, или не вписался въ цехъ, долженъ остаться *въ крестьянствѣ*.—Вся дворская прислуга, находясь постоянно при панахъ своихъ, не должна была иначе объясняться, какъ по-польски, и иначе молиться какъ по-польски въ тѣхъ же костелахъ, гдѣ и паны ихъ, и потому не удивительно, что почти вся она обратилась прямо, безъ перехода въ унию,—въ вѣру католическую. Такъ, во имя *единенія*, объявленнаго королевскимъ манифестомъ, *любви и мира*, произошло у насъ двѣ церкви—*панская* (римская) и *хлопская* (съ презрительно уродливымъ польскимъ выговоромъ *цырквиць*). Какого ты исповѣданія?—Спросите вы крестьянина: *музыцького*, отѣчаетъ онъ, кланаясь, съ прибавкою унизительною, *проше пана!* Всѣ эти угнетенія кореннаго населенія и его исповѣданія, небывавшія въ исторіи образованныхъ государствъ, произ-

¹⁾ См. № 42 Витеб. губ. вѣд. 1858 г.; № 17 и 20; газеты „День“ и Вѣст. юго-западной и западной Россіи 1862 г. Іюль стр. 17, гдѣ можно прочесть этотъ проектъ во всей дѣлности: ибо нами сдѣлано только краткое извлеченіе:

вели новый взрывъ раздраженія. Народное возстаніе, шодъ прѣводительствомъ *Железняка* и *Гонты*, было отвѣтомъ на притѣсненія, превосходящія мѣру благоразумія и терпѣнія. Въ тогдашнихъ воеводствахъ кievскомъ и брацлавскомъ страшная участь постигла всѣхъ пановъ, евреевъ и ксендзовъ; не смотря ни на полъ, ни на возрастъ, ни на званіе, и—если бы русское правительство не дало помощи подавить этотъ поистиннѣ кровавый пожаръ, онъ грозилъ далекимъ разливомъ. Страшная эта катастрофа еще жива и нынѣ въ преданіи народномъ подъ названіемъ *колѣвицны*, *палѣвицны*, *гайдамацны*. Послѣдовавшій за симъ трактатъ (1778), между Россіей и Польшей, облегчилъ нѣсколько участь православнаго народа и духовенства ¹⁾.—Непрошло однако и двадцати лѣтъ, какъ польская аристократія нашла случай выместить на народъ, и особенно на духовенствѣ, недавнюю гибель своихъ братьевъ; но, къ счастью, этотъ случай, былъ уже послѣдній, послѣдній пиръ на разставаніе. Война Россіи съ Турціею заставила русское

---

¹⁾ Памятникомъ этой католической пропаганды остались только и до-нынѣ въ Польшѣ православные, соединенные съ русскою церковью, въ области краковской, Подляхін и губерніяхъ августовской и люблинской до 250,000 душъ об. п. Мѣсто-пробываніе греко-унитскаго епископа — въ Хелмѣ; благочиній—21, церквей—287, монастырей мужескихъ 5, въ нихъ братіи до 100. Въ Хелмѣ-православный образъ Пречистой, писанный согласно преданію, рукою евангелиста Луки. Кромѣ епископа и его помощника, управленіе епархіею состоитъ изъ 5 прелатовъ и 7 канониковъ, украшенныхъ дистинкторіальными осьмиконечными крестами, съ изображеніемъ на одной сторонѣ Пресвятой Дѣвы, а съ другой—бѣлаго орла и на груди: по-вензелямъ Императора Александра I. Независимо отъ сего такихъ же православныхъ, или греко-унитовъ, находится въ нынѣшней Галиціи до 2,350,000, раздѣленные на два епископства: львовское и перемышльское; но въ Буковинѣ и до нынѣ сохранилась чистая православная вѣра, въ коей состоитъ до 270,000 душъ и сверхъ того раскольниковъ до 2,300 д. Мѣстопробываніе православнаго епископа—въ Черновцахъ.

правительство отправить комиссаровъ для закупки въ здѣшнемъ краѣ продовольствія своимъ войскамъ. Волынскіе владѣльцы потребовали отъ комиссаровъ, чтобы наличныя деньги за всю фуражную и продовольственную пропорцію были заплочены вие-редѣ и что тогда только они станутъ доставлять на мѣста. Къ тому жъ на варшавскомъ въ томъ же 1788 году сеймѣ при всемъ разномысли о дѣлахъ своихъ и отношеніяхъ Рос-сіи, всѣ были того мнѣнія, что она берется къ старому сво-ему достоянію. Сознаніе преступленія—всегда пугливо. Издавна московскіе *офены, ходоушники, коробочники*, или, какъ ихъ здѣсь обыкновенно называютъ, *пилтоны* развѣзжали по этому краю съ разными товарами, останавливаясь для безопасности у священниковъ. Пущенная молва, что двѣ тысячи повозокъ сихъ маркитантовъ, при двухъ человѣкахъ на каждую, въѣха-ло въ тогдашніе предѣлы Польши съ ножами вмѣстѣ съ дру-гими товарами, встревожила напуганное уже воображеніе не-давними событіями, а убійство въ то же время въ с. Невир-ковѣ помѣщика Тележинскаго съ его женою дворскою прислу-гою, дополнило картину воображенного ужаса отъ *хлопскаго* общаго бунта. Всѣ сбѣжались подъ защиту крѣпостей. Корон-ная войска нахлынули на Волынь. Въ Луцкѣ открыта инкви-зиторская судная комиссія. Несчастныхъ маркитантовъ и осо-бенно священниковъ по оговорамъ ловили, забивали въ дыбы (колодки), грабили, мучили пытками, наполняли тюрьмы въ Кременецѣ, Луцкѣ, Дубнѣ. Жолнеры и ихъ начальники неис-тоествовали въ селахъ. Комиссія луцкая, присвоивъ себѣ право конечнаго суда надъ невинными, въ теченіи двухъ недѣль, *пять* несчастныхъ узниковъ повѣсила въ Луцкѣ и *тринад-цать* — въ Дубно, не считая погибшихъ отъ голода, холода, розогъ и разныхъ истязаній. «Заглушенъ голосъ религіи; по-праны права ея служителей; чувство человѣческое оупѣло и отвергло прирожденное ему состраданіе: головы служителей ал-таря влекомы были подъ сѣкиру палача, или же, коная въ отдаленныхъ темницахъ, дѣлались жертвою звѣрскаго жестоко-сердія», — говоритъ современникъ и очный свидѣтель сей по-

---

1) Луцкій архя-пресбиторъ Феодосій Бродовичъ, котораго страшную картину этого событія въ Польшѣ 1789 года, мы по- стараемся современемъ передать въ русскомъ переводѣ.

сѣдней кровавой тризны. Наступилъ 1792 годъ, и польскій орелъ, заключаетъ тотъ же самовидецъ, съ подрѣзанными крыльями и отдѣленіемъ чужихъ перьевъ, служившихъ ему для украшенія, но съ жѣлою головой и шубой, постигнулъ водъ охрану сосѣдей.

d) Мы видѣли какъ волинское населеніе охраняло свою народность въ неприкосновенныхъ правахъ своего дворянства, религіи и народа, и какія насилія должно было выдержать оно отъ польско-католической пропаганды. Высшее сословіе уступило гнѣтущей силѣ: перемѣнивъ религію отцевъ своихъ, отрекалось оно отъ племени и языка; народъ, — изъ свободнаго и вольнаго ставъ рабомъ или хлопомъ и потерявъ гражданскую личность, не измѣнилъ однако религіи своихъ предковъ, а съ нею и языка роднаго. Однимъ и тѣмъ же языкомъ говорили прежніе его князья, дворянство и земляне; этотъ же языкъ употреблялся при дворѣ великихъ князей литовскихъ, на немъ писались законы, грамоты, позы, декреты и всѣ акты. По присоединеніи литовскаго княжества, а съ нимъ и всѣхъ земель русскихъ на правахъ равенства къ Польшѣ, на варшавскомъ сеймѣ 1632 года, для воеводствъ: волинскаго, брацлавскаго и кievскаго подтверждено было *на вѣчныя времена*, чтобы всѣ акты писались непременно на языкѣ русскомъ; въ противномъ случаѣ они не имѣли ни какой силы и обязательства; не допускалась при томъ никакая иноязыческая примѣсь. Мы просимъ вашу королевскую милость, — напоминали дворяне брацлавскіе Стефану Баторію, — чтобы къ намъ присылаемы были листы на языкѣ русскомъ « Съ постепеннымъ окатоличеніемъ дворянства сталъ мало-по-малу входить и языкъ польскій между высшимъ сословіемъ, которое отчуждая себя отъ народа и разрознивъ съ нимъ интересы, стало считать и языкъ его — *хлопскимъ, баранымъ*. *Не муть до миль тымъ баранымъ энзыкымъ* — грозно повелѣвалъ панъ своему хлопъу, лакею и всей дворовой прислугѣ, и — челядь дворская стала ломать родной языкъ на языкъ *панскій*, оставивъ первый для родныхъ и всего крестьянскаго міра; но простой народъ, составляющій главную массу населенія, твердо сберегалъ языкъ свой неприкосновеннымъ, кромѣ тѣхъ только вкравшихся въ него выраженій, кои обуславливали понятіе рабскихъ и унижитель-

ныхъ отношеній къ панамъ своимъ.—Что же доказала Польша надъ этимъ добрымъ простымъ народомъ?? Лишила его собственности и отняла гражданскую личность, наложивъ на него ярмо и цѣпи. Но успѣла ли она въ триста тяжелыхъ лѣтъ привить къ его народности— что либо свое?—Ничего. Развила ли кругозоръ его понятій образованіемъ и сообщила ли ему нѣчто отъ своей знаменитой цивилизаціи? Ровно ничего, кромѣ умышленнаго невѣжества, унижительнаго раболѣпства и дворскаго разврата. Расположила ли она его къ себѣ нынѣ, или когда-либо? Никогда. На всѣ тяжкія насилія отвѣчалъ онъ молчаливымъ и упорнымъ сопротивленіемъ, давшимъ поводъ къ польской поговоркѣ: *упарты якъ русинь. Твердая Русь все перебуде и ляха не буде.*—думалъ въ-тайнѣ народъ, и—съ непоколебимою твердостью, любя свою отчизну и народность, терпѣливо стоялъ за ея основы—религію и языкъ, какъ единственное достояніе своихъ предковъ.

Вотъ какими жестокими мѣрами и какими кровавыми путями католическая пропаганда ввела своихъ адептовъ въ среду кореннаго православнаго населенія! Не ужели можно сказать, что это—»высшая культура подчинила и ассимилировала себѣ культуру низшую,« или что »Польша своею цивилизаціею завоевала и приобрѣла себѣ право обладанія«?!!, какъ заявилъ объ этомъ уполномоченный отъ *своихъ* М. Грабовскій. *) Нѣтъ,—такой *культуры* и такой *цивилизаци* должно быть другое, болѣе соотвѣтственное названіе.

Въ настоящее время, по свѣденіямъ волынскаго статистическаго комитета за 1862 годъ, католическое населеніе, въ средѣ кореннаго, группируется слѣдующимъ образомъ по городамъ и уѣздамъ волынской губерніи: въ г. *Житомиръ* м. п.—3000, ж. п. 3900; въ уѣздѣ—м. п. 15712, ж. п. 15752; въ г. *Новоградволинскъ*—м. п. 193, ж. п. 337; въ уѣздѣ—м. п. 11900, ж. п. 12732; въ г. *Староконстантиновъ*—м. п. 624, ж. п. 610; въ уѣздѣ—м. п. 8352, ж. п. 8828, въ г. *Владимиръ*—м. п. 348, ж. . 462; въ уѣздѣ—м. п. 6994, ж. п. 7588; въ г. *Кременецъ*—м. п. 789, ж. п. 965; въ уѣздѣ—м. п. 7176, ж. п. 6 811; въ г. *Заславль*—

*) И недавно журналъ „Время,“ въ статьѣ на писанной по заказу цольскаго революціоннаго комитета „Роковой Вопросъ.“

м. п. 316, ж. п. 456; въ уѣздѣ—м. п. 6411, ж. п. 6317; въ г. *Ровень*—м. п. 352, ж. п. 475; въ уѣздѣ—м. п. 5763 ж. п. 4980; въ г. *Луцкъ*—м. п. 935, ж. п. 1105; въ уѣздѣ—м. п. 5132, ж. п. 5441; въ *Остроль*—м. п. 172, ж. п. 219; въ уѣздѣ—м. п. 4063, ж. п. 3956; въ г. *Дубинь*—м. п. 358, ж. п. 571; въ уѣздѣ—м. п. 3440 ж. п. 2546; въ г. *Овручь*—м. п. 129, ж. п. 143; въ уѣздѣ—м. п. 2298, ж. п. 2322; въ г. *Ковель*—м. п. 202; ж. п. 231; въ уѣздѣ—м. п. 1713, ж. п. 1876; итого—м. п. 86372, ж. п. 88622; а всего обоого пола 174994. Родившихся въ истекшемъ году обоого пола 6669, (въ томъ числѣ, по показанію полицій, *незаконно*—315),—умершихъ обоого пола —4613; сочеталось бракомъ—1947. *) Въ семъ же году выбыло изъ католической церкви обращеніемъ въ православную—обоого пола—89.**)

Вообще группа католическаго населенія составляетъ *десятью часть* по отношенію ко всей массѣ народонаселенія губерніи. Самое большое населеніе католическое находится: относительно къ другимъ исповѣданіямъ изъ городовъ—въ *Луцкѣ*, составляющее *треть* всего городского населенія, чему причиною было долговременное нахожденіе въ немъ бискупской кафедръ, именно съ 1428 г., пребываніе іезуитовъ и множества монашескихъ орденовъ; изъ уѣздовъ же болѣе сгущено—въ *житомірскомъ* и смѣжномъ съ нимъ *новоградволинскомъ*, чему причиною—учрежденіе г. *Житомира* административнымъ пунктомъ съ 1667 года, основаніе монастыря съ іезуитскою семинаріей (1726 г.), основаніе римско-католической бискупской кафедръ съ 1751, взамѣнъ утраченной въ *Кіевѣ*, *бернардинскаго* монастыря съ 1761 г. въ коемъ нынѣ помѣщается семинарія, и тогда-же монастыря сестеръ милосердія (*шаритокъ*).

Римско-католическая эпархія нынѣ состоитъ подъ управленіемъ *луцко-житомірскаго* епископства и состоящей при немъ

*) Эти данныя основаны на свѣдѣніяхъ р. кат. консисторіи.

***) По академическому мѣсяцеслову за 1863 годъ число жителей въ волинской губерніи 1528328; въ томъ числѣ православныхъ 1,171,356; р. католиковъ 172,264; протестантовъ 2202, евреевъ 185,833 (больше чѣмъ католиковъ), караймовъ 253; магометанъ 289.

консисторіи; въ ней къ 1 Января 1763 года находится: а) *Приходскихъ церквей*, или костеловъ 113, въ томъ числѣ каменныхъ 80, при монастыряхъ каменныхъ же—3, и деревянныхъ 28; *) кромѣ того съ 1858 года начата постройка деревяннаго костела въ м. Народичахъ (овруч. уѣзда) и подѣ перепиской—сооруженіе костела въ г. Ковлѣ; б., *монастырей мужескихъ*—штатныхъ 4 и заштатный—1, *женскихъ*—штатный—1 и заштатныхъ—3; в) *каплицъ*—каменныхъ 120, деревянныхъ — 275 и домашнихъ — 26.—Духовенства бѣлаго высшаго, т. е. прелатовъ и канониковъ—9, приходскаго—146, *монашествующихъ*: мужскаго пола 95 и на искусствѣ—14, женскаго пола 35 и на искусствѣ—2.—Для образованія ксендзовъ, или римско-католическихъ священниковъ, находится въ г. Житомирѣ *семинарія*, съ каменною при ней церковію; ее составляютъ: ректоръ, инспекторъ, экономъ, духовникъ и викарный, преподавателей духовныхъ—4, миссіонеръ и свѣтскихъ учителей—для русской исторіи и русскаго языка—2; учащихся—43.

Евдоръ Китченко.

(Окончаніе впереди).

---

*) При возвращеніи сего края находилось костеловъ 85 и монастырей—56; кромѣ того завлеченныхъ въ унию изъ православныхъ—монастырей (базиліанскихъ 26 и приходскихъ церквей—154.

ОТНОШЕНИЕ

древне-русского общества къ церкви въ періодъ
до—монгольскій.

Въ позднѣйшій періодъ распространенія христіанства между новыми народами, судьба церкви у этихъ народовъ и ея характеръ опредѣляются съ одной стороны центромъ, отъ котораго заимствуется христіанство, съ другой—тою средою, куда она приходитъ — формами быта и направленіемъ характера націи, среди которой она является. Чтобы понять характеръ и жизнь церкви въ первое время ея существованія въ извѣстной странѣ, нужно обратить вниманіе на то, какъ общество отнеслось на первыхъ порахъ къ церкви, ея строю и пр. и равнымъ образомъ какъ церковь отнеслась въ свою очередь къ строю общественному,—это должно быть первымъ вопросомъ при опредѣленіи характера церкви въ извѣстной странѣ. — Эти вопросы должны обратить на себя вниманіе изслѣдователя русской церковной исторіи—при опредѣленіи характера жизни русской церкви.—Какъ жила въ древнее время церковь въ нашей землѣ,—стояла ли она изолировано отъ общества, — принимало ли это общество и на сколько принимало участіе въ дѣлахъ церкви—рѣшеніе этихъ вопросовъ уяснитъ намъ характеръ и направленіе церкви,—дастъ—понять, на сколько церковь стала національною.

Христіанство перешло въ Русь изъ Греціи уже съ установившимися и вполне развившимися формами церковной жизни. Перешедши въ Русь, оно естественно должно было формулировать еще несложившуюся русскую жизнь по своимъ формамъ, отлить ее въ свои готовые рамки, выработанныя вѣковой жизнью византійской церкви. Но то, что выработала для своего общества византійская церковь,—то устройство церковное, ка-

кое выросло на греческой почвѣ, какъ родное и пригодное только ей не могло быть во всѣхъ подробностяхъ навязано новой церкви русской. Восточная церковь, представительницею которой была Византія, никогда не отличалась духомъ мертвящаго единства, никогда не подавляла индивидуальности національной. Передавая новымъ націямъ богатое сокровище свое—православную вѣру, она никогда не старалась ихъ обезличить, напротивъ всегда предоставляла имъ самостоятельно устроить свою жизнь по духу Христову. Не въ духѣ церкви восточной было то, что мы видимъ въ западной римской церкви, гдѣ всякое стремленіе націи къ самостоятельности, всякое заявленіе національной личности въ дѣлахъ и устройствѣ церкви подавлялось гнетомъ непогрѣшимого деспотизма папъ. Весь строй церковной жизни, выработанный римскимъ обществомъ, всецѣло, во всѣхъ своихъ подробностяхъ и мѣлочахъ прилагался и къ націи французской, и германской и пр. Каждому вновь обращенному обществу приходилось повторять, въ своей церковной жизни то, что было выработано римскою церковію. Эта церковь такъ печетливо заботилась о своихъ новыхъ духовныхъ чадахъ, что самимъ имъ рѣшительно не давала мѣста и времени подумать объ устройствѣ своей собственной церковной жизни. Въ восточной церкви небыло, говоримъ, этаго подавляющаго духа всецѣлой опеки. Передавая новымъ народамъ вѣру Христову, церковь восточная конечно не оставляла ихъ на произволъ судьбы; она ревностно заботилась о воспитаніи этихъ юныхъ ея членовъ въ духѣ Христовомъ, старалась устроить ихъ жизнь сообразно съ своими правилами, но ихъ воспитаніе и устройство было благоразумное, умѣренное. Оно не исключало участія въ дѣлахъ церкви того общества, о воспитаніи и устройствѣ котораго заботилась восточная церковь.—Такъ было у всѣхъ народовъ, принявшихъ христіанство отъ восточной церкви, такъ было и при обращеніи Руси. Въ Руси это должно было быть тѣмъ болѣе, что Русь приняла христіанство свободно и добровольно, по собственному желанію и выбору. Владиміръ съ своею дружиною, руководясь своими языческими воззрѣніями, хотеть завоевать вѣру. Онъ считаетъ какъ бы униженіемъ для себя и своего народа принять вѣру, какъ даръ, какъ благодѣяніе. Онъ хотеть добыть ее оружіемъ. Послѣ этаго, разумѣется, онъ не былъ расположенъ *рабски* склонить голову

предъ властію церкви, какъ склонялись предъ нею западные короли и пр.—Въ силу того, что характеръ восточной церкви не допускалъ духа преобладанія надъ новыми народами, и въ силу того, что Владиміръ и народъ русскій приняли вѣру свободно и добровольно, они не могли не принять участія въ устройствѣ церковной жизни, въ ходѣ церковныхъ дѣлъ;—они должны были отвѣстись въ церкви также свободно и добровольно, какъ свободно и добровольно приняли св. Вѣру.

Церковь съ образовавшимися вышними формами большею частію, какъ показываетъ исторія, является въ обществѣ тогда, когда въ немъ возникнетъ жизнь государственная. Во времени Владиміра и особенно при немъ государственный принципъ въ Руси началъ уже обнаруживаться. Пришлый элементъ варяжскій сглаживается; Владиміръ чувствуетъ себя больше туземнымъ, чѣмъ пришлымъ членомъ общества. Общинно-земскій бытъ славянскаго племени беретъ перевѣсъ надъ военною организаціею княжеской дружины и мирный земледѣльческій характеръ славянъ сглаживаетъ черты бродяжничества и воинственности пришлаго варяжскаго элемента. Полагаются основы правильнаго государственнаго развитія. Среди этого возникающаго государственнаго порядка является церковь, какъ организующее начало—является не съ господственнымъ характеромъ, какъ это видимъ на западѣ, а становится въ ряду другихъ сторонъ жизни общественной и становится наравнѣ съ ними. Повятно отсюда, что участіе общества въ дѣлахъ церкви должно быть самое дѣятельное и непосредственное, и что въ этомъ участіи долженъ выразиться характеръ тогдашней общественной жизни;—въ сферу церковной дисциплины общество внесетъ многое изъ своихъ законовъ и обычаевъ, которыми оно руководилось въ періодъ доцерковной жизни—сдѣлаетъ церковь своею собственною національною церковію. Намъ необходимо, по этому, сказать, хотя въ короткѣ, о характерѣ государственно-общественной жизни того времени,—объ отношеніи князей и народа между собою, чтобы потомъ говорить, на основаніи этого, какое они принимали участіе въ дѣлахъ церкви—въ созданіи храмовъ и ихъ содержаніи, въ избраніи лицъ на іерархическія степени и въ администраціи и судѣ церкви.

Какъ мы сказали, церковь большею частію является въ

обществѣ вслѣдъ за возникновеніемъ въ немъ государственнаго порядка. Въ Руси она явилась именно при этомъ условіи, при этихъ обстоятельствахъ. Государственная жизнь всякаго общества выражается въ признаніи единства принципа, которымъ должно жить общество и который долженъ быть единственнымъ связующимъ началомъ всей разносторонней жизни общества, во всѣхъ ея многоразличныхъ проявленіяхъ. Было ли это единство принципа въ Руси въ то время, о которомъ идетъ рѣчь?— Въ главѣ общества стоитъ князь—пришлый, призванный членъ; но, какъ уже сказано, Владиміръ чувствуетъ себя болѣе туземнымъ, онъ ославянился, хотя и не до того, чтобы совершенно слиться съ землею и принадлежать ей. У него тѣже отношенія къ землѣ и къ обществу, какъ у прежнихъ князей, только онъ сталъ крѣпче къ землѣ русской. Для него уже невозможны стали такія передвиженія, какія были возможны для Аскольда и Дира, для Олега и Святослава, хотѣвшаго основать столицу на Дунаѣ. Народъ изъ племенной разрозненности сталъ переходить къ единству земскому. Общино—земское начало все шире и шире захватывало славянскія племена и образовалось понятіе *земли русской*. Народныя передвиженія становились слабѣе и рѣже, народъ осѣдалъ, становился крѣпкимъ землѣ. Такимъ образомъ полагались основанія государственной жизни русскаго народа. Эти основанія—власть князя—начало государственное, и общиноземскій строй и порядокъ—начало общественное. Изъ отношенія этихъ началъ развивается жизнь государственная. Въ рассматриваемое нами время въ Руси не было еще государства въ полномъ смыслѣ. Власть князя и общино—земское начало не стояли еще въ опредѣленныхъ отношеніяхъ между собою, для насъ важно здѣсь то, что въ это время оба эти начала имѣютъ одинаковую силу. Князь является какъ бы верховнымъ правителемъ народа, онъ его судить, онъ править и владѣть имъ; но въ то—же время и народъ имѣетъ свой судъ общино—земскій, свою мірскую власть и можетъ изгнать князя, если онъ нелюбъ міру—землѣ. Князь дѣйствуетъ въ обществѣ съ самимъ же обществомъ и его власть только высшая утвердительная, или лучше, объединяющая въ себѣ власть общинъ частныхъ, на которыя дробилась тогда Русь. Въ кругу своихъ дѣйствій, касающихся общества, князь согласуется съ его бытомъ и характеромъ. Эти—

то формы зараждающагося государства должны были войти и въ церковную жизнь—въ дѣлахъ церкви должны были принять участіе князя и народъ въ той степени, въ какой относилась власть князя къ власти народа—мира.

Вѣра христіанская принимается Русью въ слѣдствіе общаго желанія князей и народа. Доколѣ это желаніе не сдѣлалось общимъ, доколѣ принатіе христіанства было дѣломъ частныхъ лицъ, хотя бы и князей, до тѣхъ поръ вѣра христіанская не могла проникнуть въ общество. Аскольдъ и Диръ по преданію были христіане, однакоже они не могли обратитъ народъ въ исповѣдуемую ими религію, только дружина, и то не вся, послѣдовала ихъ примѣру. Св. Ольга, принявъ христіанство, не утвердила его силою своей власти въ своей странѣ. Святославъ не принимаетъ вѣры своей матери потому, что боится насмѣшекъ своей дружины. — Значитъ христіанство у насъ не могло явиться безъ воли самаго народа. Князья лично могли перемѣнять религію, но не могли принудитъ къ тому народъ, не могли, противъ его воли, ввести въ государство ту или другую религію. Эта воля народа въ принятіи такой или другой религіи высказалась ясно и положительно при Владимірѣ. Владиміръ не самъ собою склоняется въ пользу пропаганды христіанской религіи православной, но проповѣди миссіонеровъ предлагаетъ на разсмотрѣніе дружинѣ и выборнымъ отъ народа лицамъ, и потомъ изслѣдованіе вѣры на мѣстѣ снова представляетъ выборнымъ народнымъ. — Послѣ того, какъ состоялся общій выборъ вѣры, князь является главнымъ дѣятелемъ при ея введеніи, какъ исполнитель земскаго, мірскаго рѣшенія. Радость съ какою киевляне спѣшили, по выраженію преосвященнаго Макарія ¹⁾, ко крещенію на зовъ своего князя, была бы неумѣстна, если бы князь здѣсь дѣйствовалъ безъ вѣдома и воли народа. Слѣдов. князь является главнымъ насадителемъ вѣры и устройтелемъ церкви въ своемъ государствѣ по уполномочію народа. Изъ Корсуни князь беретъ священниковъ, какъ необходимыхъ лицъ для обращенія народа къ вѣрѣ и церкви: *»Владиміръ же по семъ поемъ Анастаса царицу и поны корсунски«* ²⁾. Съ этими попы корсунскими

1) Исторія Русской Церкви пр. Макарія Т. I. стр. 5.

2) Лавр. Л. стр. 50.

и тѣмъ духовенствомъ, которое было въ Руси до призванія церкви государственною, Владиміръ совершаетъ крещеніе всей земли русской и такимъ образомъ приобщаетъ ее къ вѣрѣ и церкви. Какъ только Владиміръ ввелъ въ государство церковь по уполномоченію отъ народа, то очевидно, что не одинъ онъ долженъ былъ принять въ ней участіе. Участіе въ дѣлахъ церкви долженъ былъ принять и народъ, котораго эта перемѣна касалась ближе всего. На сторонѣ князя было то преимущество, что онъ долженъ былъ дать собою примѣръ для народа въ дѣлѣ вѣры, быть попечителемъ и руководителемъ народа въ новой вѣрѣ и церкви. Изъ своихъ собственныхъ доходовъ князь Владиміръ строитъ храмы и строитъ ихъ по преимуществу на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде были языческія капища, это для того, чтобы скорѣе приучить народъ къ хожденію въ церковь, и заставить его скорѣй забыть прежнюю вѣру. Прежде всего Владиміръ строитъ церковь во имя своего ангела Василія, затѣмъ Десятинную, которая имѣла болѣе общественное значеніе, какъ церковь соборная, потомъ строитъ церковь въ одинъ почти день, по случаю побѣды надъ печенѣгами, далѣе церковь Преображенія Господня въ Бѣлгородѣ, любимомъ своемъ мѣстопребываніи.—Вообще митрополитъ Илларионъ замѣчаетъ о Владимірѣ, что онъ *»по всей этой землѣ (русской) воздвигъ церкви Христу, мнихъ Іаковъ замѣчаетъ что онъ всю землю русскую украси св. церквами.*¹⁾ Какъ бы то ни было, но изъ числа указанныхъ преосв. Макаріемъ церквей, построенныхъ Владиміромъ, кромѣ Десятинной, всѣ строятся по личному чувству и расположенію св. князя. Это же личное чувство въ сооруженіи церквей видимъ и въ его дѣлахъ. Мстиславъ, когда пошелъ на Косоговъ, (1022 г.) далъ обѣтъ пресв. *Богородицѣ*, въ случаѣ побѣды надъ косожскимъ княземъ Роделемъ, создать церковь во имя ея: *»если я одолю, то созижду церковь во имя твое.*²⁾ Ярославъ также по одержаніи побѣды надъ печенѣгами, тоже вѣроятно по обѣту, заложилъ величественный каменный храмъ во имя св. Софіи или Впостасной премудрости Божіей³⁾. Далѣе

1) Истор. Рус. Церк. пр. Макарія Т. I. стр. 39.

2) Пол. собран. рус. л. I. стр. 63.

3) Ист. Рус. Церк. пр. Макарія Т. I. стр. 42.

Ярославу, какъ князю Кіева, хочется, чтобы его городъ не терпѣлъ гора и бѣдствій, и вотъ въ свѣдѣніе этого на золотыхъ воротахъ онъ строитъ церковь Благовѣщенія для того, «да радость будетъ граду тому св. благовѣщеніемъ и молитвами Богородицы и архангела Гавріила». ¹⁾ Тоже личное чувство религіознаго благоговѣнія руководило князей въ созданіи монастырей. Ярославъ строитъ мужескій монастырь во имя своего ангела Георгія, и женскій во имя ангела жены своей Ирины. ²⁾ Въ первой половинѣ XII вѣка Новгородскій князь Мстиславъ строитъ монастырь на островѣ Липно послучаю явленія тамъ иконы святителя Николая, отъ которой онъ получилъ чудесное исцѣленіе. Такимъ образомъ въ созданіи храмовъ князья руководились личнымъ чувствомъ благоговѣнія и усердія къ св. храмамъ.

Примѣру князей въ этомъ отношеніи слѣдовалъ и народъ. Великій зажиточный членъ общества могъ построить церковь въ силу своего религіознаго чувства. Нѣкто Воигость построилъ въ Новгородѣ даже каменную церковь во имя св. Феодора Тирова (1115 г.); еще наной-то Прокмедь-тоже каменную церковь во имя Николая.—³⁾ Теперь если частныя лица по своимъ личнымъ побужденіямъ могли строить церкви, то намъ невольно будетъ статься и довѣренность Несторова свидѣтельства, что многіе монастыри явились въ Руси отъ богатства бояръ. И если возмемъ во вниманіе, что монастырь гораздо тяжелѣе построить, чѣмъ одну какую либо церковь, и если монастырей, по Нестору, было много, то сколько-же должно было существовать церквей?—Предположеніе о многочисленности церквей можно подтвердить тѣмъ, что постройка церкви стоила не дорого; церкви у лицъ частныхъ болѣею частію были деревянныя и имѣли форму клѣтц (т. е. избы). Основываясь на этомъ, можно повѣрить свидѣтельству Дитмара, что въ одномъ Кіевѣ, а въ Подолѣ еще при Владимірѣ было до 400 церквей и другому свидѣтельству, занованному подъ 1124 г., что нѣтъ сгорѣло заразъ въ томъ же мѣстѣ еще болѣе число (600).—Люди недостаточные, бѣдные, немощные по-

¹⁾ Пол. Соб. Р. Д. I. стр. 65.

²⁾ Ист. Рус. Церк. ир. Мак. Т. I. стр. 44.

³⁾ Пол. Соб. Рус. Л. III, 4. 7. 123. 124. 218.

строить для себя отдельной церкви, дѣлали складчину и общими пожертвованіями общиною строили для себя церковь. Таки общиною построена была церковь во имя святаго Іоанна въ Кіевѣ на Копиревѣ концѣ; въ Болгородѣ св. апостолъ, и въ Новгородѣ 6 деревянныхъ церквей. ¹⁾ И такъ основываясь на свидѣльствѣ Дитмара объ огромномъ количествѣ церквей, можно заключить, что у большей части зажиточныхъ лицъ были домовныя церкви — свои, собственныя, у простаго народа церкви общинныя. Снабженіе церквей ихъ принадлежностями, украшеніе принадлежало конечно тѣмъ, кто ихъ строилъ, и въ этомъ случаѣ великолѣпнѣе церкви соразмѣрялось съ богатствомъ и положеніемъ въ обществѣ тѣхъ лицъ, которые строили эти церкви. Князю, конечно, стыдно было имѣть у себя такую по богатству и великолѣпію церковь, какую имѣлъ его дружинникъ; послѣдній въ свою очередь не могъ уступить превесходства въ этомъ отношеніи какому либо нашему по положенію члену общества. Великій князь, какъ высшее лице въ государствѣ, долженъ былъ превзойти въ украшеніи своей церкви князей удѣльныхъ. Андрей Боголюбскій, какъ только сталъ великимъ княземъ, то, создавши городъ Володимерь, »построилъ церковь каменную соборную св. Богородицы пречудную вельми, и всѣми видами различными украси ю и злата и сребра, двери же церковныя золотомъ устрои, каменемъ и жемчугомъ украси«. ²⁾ Ростиславъ князь смоленскій до того простеръ свою ревность въ украшеніи церкви, что лѣтописецъ къ разсказу о созданной имъ церкви счелъ нужнымъ прибавить слѣдующія слова: »и такой небяшетъ во всей той полувоцной странѣ«. ³⁾ Это стремленіе украшать и снабжать свои церкви дорогими вещами, обращалось въ страсть, которая тоже можетъ быть была поводомъ къ усобицамъ князей. Лешковъ приводитъ любопытный фактъ, что (1066 г.) новгородскіе колокола и напѣвадило возбуждали зависть у Всеслава половецкаго ⁴⁾. Сюда же должно отнести стараніе князей достать въ свои церкви предметы дорогие для благочестиваго чувства.

¹⁾ Пол. Собр. Р. Л. II, 9. III, 10. 214.

²⁾ Ипат. Л. стр. 112.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Русскій народъ и государство. Лешков. стр. 363.

Такъ икона Божіей Матери — Одигитріи отдава Владиміромъ Мономахомъ въ сооруженный имъ въ Смоленскѣ Успенскій соборъ. ¹⁾ Жена вел. князя Святополка Варвара принесла мощи св. великомученицы Варвары и отдала ихъ въ кіево-Михайловскій соборъ, вѣроятно, находившійся подъ ея покровительствомъ ²⁾; также вѣроятно и частныя лица и общины заботились о приобрѣтеніи для своихъ церквей то явленныхъ—чудотворныхъ иконъ, то другихъ какихъ либо вещей, дорогихъ религіозному чувству.

Итакъ какъ князья такъ и народъ русскій изъ своихъ собственныхъ средствъ самъ строилъ для себя церкви. Понятно послѣ этого, что само же общество, построивъ для себя церкви, должно было заботиться и о содержаніи ихъ, само должно было доставлять какъ имъ, такъ и ихъ служителямъ средства для существованія; также должно было и распоряжаться этими средствами по своему усмотрѣнію, короче—явиться хозяиномъ и распорядителемъ въ этомъ отношеніи. И здѣсь судьба храма и его служителей много зависѣли отъ положенія въ обществѣ тѣхъ лицъ, которыя строили церкви. Такъ княжескія церкви въ матеріальномъ отношеніи должны были отличатся отъ церквей частныхъ лицъ, общинныхъ; потому что князь занималъ въ обществѣ особое мѣсто и пользовался такими правами, которыми не пользовались другіе. Чтоже дѣлаютъ въ этомъ отношеніи для церкви князья и народъ?—Съ начала наши князья не имѣли земли въ собственность; они получали дани, пользовались доходами съ судовъ, съ полюдья, съ вирь,—это была ихъ собственность. ³⁾ Изъ этой собственности они удѣляютъ на содержаніе храма и его служителей. Князь Владиміръ жертвуетъ Десятиной церкви и ея служителямъ десятую часть изъ своихъ доходовъ; въ своемъ уставѣ онъ говоритъ: «съ здахъ церковь святыя Богородицы Десятинную и далъ ей десятину изъ всего своего княженія, и такожде и по всей земли русской изъ княженія въ соборну церковь—отъ всего княжа суда десятую вѣкшу, изъ торгву десятую недѣлю, а изъ до-

¹⁾ Достоп. города Смоленска Музаркевича въ Чт. Имп. Мсск. истор. общест. III-й годъ № 1 отд. 4. стр. 9—11.

²⁾ Чети мнѣй 4. Декаб. описаніе к. соф. соб. стр. 49.

³⁾ Рус. нар. и госуд. Лешкова стр. 284.

мовъ на всякое лѣто, отъ всякаго стада, и отъ всякаго жита чудному Спасу и чуднѣй Богородицѣ» ¹⁾). Этуже десятину давали и Ярославъ и удѣльные князья созданнымъ ими церквамъ. Новгородскій князь Святославъ въ 1137 сказалъ: «установъ бывшій прежде насъ въ Руси отъ прадѣдъ и отъ дѣдъ нашихъ имѣти пискупомъ десятину и отъ даній и отъ вирь и отъ продажи, что входитъ въ княжи дворъ отъ всего.» Другой новгородскій князь Всеволодъ свидѣтельствуесть, что софійскій соборъ въ Кіевѣ и софійскій въ Новгородѣ пользовались десятинами съ самого начала. Сохранилось тайно сказаніе, что Владиміръ завѣщеваль десятину для туровской епархіи изъ всего туровскаго княжества ²⁾). Эти десятины были располагаемы такъ, что соборные церкви удѣловъ получали десятины только изъ удѣльныхъ княжескихъ доходовъ, напротивъ того, соборная церковь стольнаго города Кіева получала десятины изъ доходовъ всего государства. Такъ въ уставной грамотѣ Всеволода различаются двѣ десятины: одна, которая шла въ Кіевъ на кіево—софійскій соборъ, а другая назначалась св. Софіи въ Новгородѣ ³⁾), судныя же пошлыны всегда шли на мѣстную епископію. Впослѣдствіи при умноженіи удѣловъ, когда князьямъ становится недостаточно доходовъ съ полгодья и вирь, они начинаютъ пріобрѣтать незанятые общиною клочки земли. Ставши землевладельцами, князья въ силу своего благоговѣнія могли жертвовать церкви и эту часть своей собственности. Великій князь Изяславъ уступаетъ землю подъ кіево—печерскій монастырь, которая до тѣхъ поръ была ни кѣмъ не занята ⁴⁾). Андрей Боголюбскій, кромѣ десятинъ въ стадахъ и торгова десятого прилагаетъ еще къ Золотоверхней своей церкви «многія имѣнія и слободы купленные и съ даніями и села лѣпшая» ⁵⁾). Но предоставляя такія огромныя пожертвованія въ пользу церкви и ея служителей, князья не отдають эти суммы въ произвольное распоряженіе церковной іерархіи, они сами указываютъ куда и

¹⁾). Восток. опис. стр. 294.

²⁾). См. въ примѣчаніяхъ Ист. Рус. Цер. пр. Макарія 2 и 3 томахъ.

³⁾). Повѣсть о началѣ и основаніи Псков. мон. стр. 98—104.

⁴⁾). Рус. народъ и государство Лешкова, 284 стр.

⁵⁾). Исторія рус. народа Полевого III т. 77 стр.

на что они должны быть употреблены. Владимиръ предписываетъ статьи расхода церковныхъ суммъ, именно: расходъ на больницы, на гостиницы, страннопріимницы, на церковные люди богатѣльные, какъ то: пономнщовъ (т. е. странниковъ, возвращавшихся изъ Іерусалима съ палмовою вѣтвію), лекаря, задушнаго человѣка (т. е. раба, отданнаго церкви господиномъ за поминанъ души), на храмцевъ и слѣпцовъ. Далѣе въ своей дарственной грамотѣ онъ опредѣленно говоритъ для чего предназначаются церковныя пожертванія: «церковное богатство есть богатство нищихъ, возраста дѣля, сиротъ и старости, немощи и въ недугѣ впадшихъ нищихъ, въ прокормленье чадъ мнози, странницъ прилежаніе, сиротамъ и убогимъ промышленіе, вдовамъ пособіе и дѣвцамъ потреба, обидимымъ заступленіе, въ напастяхъ поможеніе въ пожарѣ и потопѣ и полоненнымъ искушеніе, въ гладѣ прокормленіе, въ худобѣ умирающимъ и покровы и гробы и погребеніе, церквямъ пустымъ и монастырямъ въ поднятіе, живымъ прибѣжище и утѣшеніе и мертвымъ память; того ради на потребу церковную люди своя имѣнія давали»¹⁾. А потому десятины эти имѣнія не одно назначеніе—содержаніе храма и его служителей, у нихъ еще было задачей помогать несчастнымъ членамъ общества. И само собою понятно, что церковная іерархія не могла здѣсь распоряжаться этими суммами по своему произволу, она должна была подлежать въ этомъ отношеніи контролю общества, которое слѣдило за добросовѣстнымъ расходованіемъ этихъ суммъ. Такъ новг. князь Всеволодъ въ своей уставной грамотѣ, предоставляя вѣдѣніе за вѣсами, по примѣру всѣхъ князей владыкъ, и предназначая пошлыны вѣсовыя въ пользу Софійской и Предтеченской церкви, епископу онъ узаконяетъ «блюсти это безъ пакости, ни умаливати ни умножати»²⁾; наблюденіе за этими доходами онъ поручаетъ избраннымъ имъ же самимъ и народомъ старостамъ. Злоупотребленіе—кража и утайка, по его уставу, наказывается смертію виновому и конфискаціею «живота его» (т. е. имущества) на трое: одна треть живота его св. Софи, другая св. Ивану, а третія сотскимъ и Новгороду³⁾. Но такъ какъ и при бли-

¹⁾ Восточ. опис. Руси. Муз. стр. 310. 312. 313.

²⁾ Повѣсть о началѣ и основ. Псков. печер. мон. стр. 88—104.

³⁾ Рус. достп. I. 82—85 у Карам. Т. II, примч. 267.

тельномъ надзорѣ общества за этими суммами, все таки не могли быть устранены различныя неудобства и затрудненія уже потому, что здѣсь не разграничивалось сколько должно идти на содержаніе храма, сколько служителямъ его, и сколько удѣлять бѣднымъ, то Святославъ князь новгородскій рѣшилсѣ устранить служителей храма отъ участія въ пожертвованіяхъ церкви. Въ своей уставной грамотѣ, право епископа на пользованіе десятиною, онъ замѣняетъ опредѣленнымъ жалованьемъ, въ сто кунъ въ годъ. Потомъ онъ опредѣляетъ сколько должно идти владыкѣ денегъ съ подаренныхъ ему погостовъ, соляныхъ вирницъ, и даже сколько подносить ему при объѣздѣ епархій. Точно также какъ князья назначали отъ себя содержаніе храму и его служителямъ и распоряжались въ этомъ случаѣ по своему усмотрѣнію, и частныя лица въ своихъ созданныхъ церквахъ дѣлали тоже. Содержаніе же общинныхъ церквей было дѣломъ общинъ. Эти общины въ городахъ составляли посады и стояли каждая отдѣльно. Выраженія лѣтописей: рядокъ, посадокъ такой то, а въ немъ церковь Николая Чудотворца деревянная вверхъ, да теплая Дмитрій Солунскій, храмъ и утварь и все церковное строеніе рядовичъ, т. е. посадскихъ людей, показываютъ, что эти посады, эти рядки не смѣшивались между собою, и церкви въ нихъ были какъ-бы ихъ центромъ, къ которому они тяготили. Въ города эти общины группировались въ села и тянули къ себѣ деревни, почивки, сельца и займища, и такимъ образомъ составляли приходъ, по просту называвшійся, какъ и въ первомъ случаѣ, братчиною, потому что прихожане известной церкви были какъ-бы родственны другъ другу по своимъ интересамъ; ихъ связывали общія заботы о церкви, общія попеченія о нищихъ своей общины, о содержаніи причта. Эти общины въ особенные, для этого назначенные, праздники устраивали пиры и на нихъ дѣлали или сборъ въ свою церковь, или же разсуждали вмѣстѣ съ священно служителями о другихъ какихъ либо нуждахъ церковныхъ. Древнія свидѣтельства показываютъ, что эти пиры совершались большею частію весною о святой недѣли и осенью на Николинъ день, и кромѣ этого въ день праздника Христова воскресенья ¹⁾. На общую складчину

¹⁾. И теперь, во многихъ мѣстахъ Россіи, сохранился еще обычай совершать богомолье цѣлыми деревнями въ день пречис-

варилось пиво и медъ для братчины и приготовлялись яства. Въ самый день назначеннаго праздника зажигалась мірская свѣча, совершалось богомолье и дѣлался обѣдъ, лѣтомъ подъ открытымъ небомъ, или при церкви въ притворахъ, а зимою въ домахъ священнослужителей. Такіе пиры еще устраивалъ Владиміръ; онъ собиралъ на церковный праздникъ бояръ, посадскихъ и старшинъ, по замѣчанію Нестора, и уставная грамота Владиміра церкви прибавляетъ, что Владиміръ съ ними думалъ и гадалъ о нуждахъ церкви ¹⁾. Такіе пиры задаетъ Владиміръ при закладѣ и освященіи церквей; такъ онъ дѣлаетъ пиръ по избавленіи отъ печенеговъ, при заложении церкви преображенія Господня, и празднуетъ восемь дней; потомъ скоро даетъ другою пиръ;—и всякій разъ подобныя пиры устроиваются при церквяхъ и сопровождаются раздачею нищимъ до 300 гривенъ и распоряженіями по дѣламъ церкви. Эти братчины—эти пиры церковныя такъ были распространены и обще приняты, что зашли даже въ монастыри, что видно изъ отвѣтовъ митрополита Іоанна черноризцу Іакову и что на этихъ пирахъ бывали соблазны: играніе, гудѣніе и плясаніе ²⁾, по словамъ христороубца, гаданія ³⁾, а по Нестору бывали «трубы, скоморихи, гусли, русалки игрища и позоры» ⁴⁾. Свободный входъ въ эти братчины былъ открытъ для каждаго; только бы онъ взнесъ въ общую складчину на церковныя нужды известное число денегъ. Братчины эти съ ихъ патріархальнымъ устройствомъ такъ были близки и дороги сердцу русскаго народа, что онъ увѣковѣчилъ память ихъ въ своихъ пѣсняхъ: о гостѣ Садко и о Василѣ Буславичѣ. Вотъ нѣсколько словъ изъ этихъ пѣсней:

А и гой вы еси мужики новгородскіе!

Примите меня въ братчину Никольщину,

А я вамъ плачу сыпь не малую.

А и тѣ мужики новгородскіе

той Богородицы (въ иныхъ мѣстахъ, это богомолье совершается въ день большой Пречистой) т. е. 15 авг.), а въ иныхъ малой (т. е. 8-го сент.) даѣе, въ день св. Флора, Димитрія и проч. (Флоровщина Дмитровка).

¹⁾ Нест: лѣт. Кениг. 125. стр.

²⁾ Рус. дост. ж. 1. 95. 100.

³⁾ Опис. Рус. муз. 228 стр.

⁴⁾ Пол. соб. рус. л. т. 1.

Принимали его въ братчину Никольщину
Далъ имъ молодцамъ 50 рублевъ.

Почти тоже самое передаетъ и другая пѣсня о Василіѣ
Буеславичѣ:

Послышавъ Васька Буеслаевичъ
У мужиковъ новгородскихъ
Канунъ варень, пива ячныхъ,
Пошелъ Василій съ дружиною
Пришелъ въ братчину Никольщину:
Не малу мы тебѣ сыпь платимъ
За всякаго брата по пяти рублевъ,
А за себя Василій даетъ 50 рублевъ
А и тотъ староста церковный
Принималъ въ братчину Никольщину.

Изъ отрывочныхъ сказаній лѣтописей о событіяхъ нашей древней рус. жизни трудно представить вполне организацію церковныхъ братчинъ. На этотъ разъ только одинъ фактъ и переданъ лѣтописью болѣе или менѣе обстоятельно, гдѣ видно какъ далеко простиралось участіе князей и народа въ хозяйственной церковной части. Въ первой половинѣ 12-го вѣка (1134—1135) новгородскій князь Всеволодъ Мстиславичъ строить въ Новгородѣ на урочищѣ, называемомъ Петрино дворще, церковь во имя св. Іоанна Предтечи, самъ же онъ назначаетъ и доходы въ пользу этой церкви, на свой счетъ содержать причтъ церковный и остаточныя суммы—30 гривенъ беретъ въ свою казну, короче—распоряжается здѣсь какъ полный хозяинъ. Но князь лицо не вѣчное, а ему хочется, что бы его церковь существовала во вѣки. И вотъ онъ сдаетъ ее въ вѣдѣніе общины—братчины, и съ этого времени въ эти права хозяйственнаго отношенія вступаетъ община—братчина, которую самъ же князь формируетъ такъ: изъ житыхъ почетныхъ людей Новгорода Всеволодъ Мстиславичъ выбираетъ къ этому храму трехъ старостъ, кромѣ того изъ купцовъ новгородскихъ—ихъ сословія торговаго еще присоединяетъ двухъ старостъ. Что же должны дѣлать эти выбранныя княземъ старосты, чѣмъ они будутъ поддерживать благолѣпіе храма, на что, на какія суммы они будутъ содержать его? При ивановской церкви устроается купеческое общество—братство; выбранныя княземъ лица суть члены этого общества, они купцы неполные—пошлые. Въ

это ивановское купеческое братство может вписаться всякій, кто даст неполнымъ кунцамъ ивановскимъ пятьдесятъ гривенъ владу, половина которыхъ идетъ въ церковь. Это братство составляетъ торговую гильдію съ цѣлю взаимно поддерживать себя въ нуждахъ, оно завѣдываетъ торговыми вѣсами и собираетъ дань съ прѣзжающихъ кунцевъ въ пользу церкви, которая въ тоже время есть ихъ собственная общинная польза. Эта община сама управляетъ церковнымъ имуществомъ безъ вмѣшательства митрополита, епископа, бояръ и посадниковъ, и остаточныя отъ содержанія церкви суммы употребляетъ на свои общинныя нужды. Въ день рождества Претечи и храмовой праздникъ, эта община устрояетъ всю церковную почесть и даетъ пирь, для чего изъ церковныхъ суммъ беретъ 25 гривенъ, приглашаетъ въ этотъ день служить архіерея съ сосѣдними игуменами и сама назначаетъ имъ плату. По отношенію къ своему причту эта община является полнымъ хозяиномъ, она сама избираетъ для себя этотъ причтъ и вступаетъ съ нимъ въ ряды-договоръ, назначаетъ не только годовое жалованье священнику, діакону, но опредѣляетъ одни службы «петомъ пѣти у св. вел. Ивана всенедельная служба, а св. Захаріи (прѣдѣль) по недѣлямъ во вѣки, а діакону пѣти у св. Иоанна суббота и недѣля изъ того оброку во вѣки». Здѣсь опредѣляется даже число свѣчь, которыя должны быть зажигаемы во время службы. Изъ этого учрежденія Всеволода Мстиславича видно, что на Руси еще въ XII вѣкѣ составлялись, вслѣдствіе общиннаго духа, этого зажительнаго начала др. русской исторіи, частныя общины съ опредѣленными какими либо гражданскими вѣлями и составлялись при церквахъ. При стремленіи др. Руси къ составленію частныхъ общинъ, можно думать, что каждая такая община составляла вѣчто въ родѣ братства съ цѣлю поддерживать благосостояніе храма и причта ¹⁾.

Послѣ этого остается спросить, что же такое были храмы въ др. Руси, какъ смотрѣло общество на нихъ въ тогдашніе время? (о причтѣ или вообще о духовенствѣ сказано будетъ ниже) Какъ показано выше, князья и народъ сами строили церкви, сами содержали ихъ и распоряжались въ нихъ какъ заботливые хозяева. Основываясь на этомъ, можно заключить,

¹⁾ Рус. басед. за 1857 г.

что церкви были исключительною собственностію лицъ, строившихъ и содержавшихъ эти храмы, онѣ были во владѣніи ихъ, считались собственностію ихъ какъ полагаетъ г. Лохвицкій ¹⁾. За неимѣніемъ фактовъ нельзя сказать, могли ли продаваться и закладываться церкви тѣми, кто строилъ ихъ. Но можно предполагать, что если было много церквей домовыхъ, то по поступленіи дома въ продажу, могла продаваться при немъ находившаяся и церковь вмѣстѣ съ домомъ. Такое частное владѣніе храмами продолжалось до 1667 г., когда московскій соборъ освободилъ ихъ отъ этого. Но это явленіе др.—русской церковной жизни, столь согласное съ тогдашнимъ общественнымъ бытомъ, отвергаетъ г. Бѣляевъ ²⁾. Онъ говоритъ противъ Лохвицаго, что этого не было въ др. Руси, что соборъ 1667 г., положившій «и продавать и закладывать церкви нельзя» этимъ самымъ только утвердилъ правило Номоканона, имѣвшее силу у насъ на Руси всегда, и исполнявшееся строго. Но почему собору захотѣлось утверждать это правило номоканона, а не другое какое либо, г. Бѣляевъ не рѣшаетъ этого вопроса, и если бы каждому собору приходилось утверждать только то, что было на прежнихъ соборахъ, то этимъ отнималась бы у нихъ вся существенная ихъ обязанность—устроить дѣла церкви, сообразуясь съ духомъ времени. Какъ извѣстно, всякій соборъ составлялся не иначе какъ противъ чегонибудь, какоенибудь явленіе или прямо нарушавшее догматическое положеніе церкви, или же отжившее уже, несвоевременное вызывало святителей церкви къ дѣятельности. Не для одного только подтвержденія того, что было прежде установлено и утверждено разъ и навсегда, не для безплоднаго повторенія стараго собирались соборы, съѣзжались изъ далекихъ странъ святители и пастыри церкви, истрачивались на это огромныя суммы, а для разъясненія вопросовъ, дотолѣ можетъ быть темно понимаемыхъ, для согласія дѣлъ церкви съ прогрессивнымъ холodemъ общества—вотъ общинность соборовъ. Слѣдовательно, если соборъ 1667 г. уничтожилъ частное владѣніе церквами, значитъ до собора такое

¹⁾ Смот. рус. Вѣст. за 1857 г. статью Лохвицаго: Цер. администрація въ др. Руси.

²⁾ Рус. Вѣст. за 1857 г. 7. 3. крит. разборъ г. Бѣляева на означенную статью Лохвицаго.

владѣніе существовало. Соборъ уничтожаетъ это владѣніе, имѣя въ виду номоканонъ.

Въ церковной администраціи, какъ и въ другихъ сторонахъ церковной жизни, должны были также принять участіе князь и народъ. Церковь должна была подчиниться въ этомъ отношеніи строю земскому; обычаи и правила земли нашли мѣсто въ церковной администраціи. Номоканонъ, которымъ церковь управлялась въ Византіи, долженъ былъ потерпѣть измѣненія, подчиняясь иному общественному строю. Эти измѣненія и принаровленія были необходимы. Какъ только появился на Руси новый классъ людей—духовенство, общество должно было такъ или иначе поставить себя въ определенное къ нему отношеніе. Какъ отнестись къ этимъ новымъ нравственно служивымъ лицамъ, какъ смотрѣть на ихъ права, привилегіи, въ какое стать отношеніе къ самой ихъ дѣйствительности, принять ли номоканонъ во всѣхъ подробностяхъ и пр?—Эти вопросы должны были возникнуть съ появленіемъ новаго нравственно-служиваго людей—духовенства, и вопросы эти должны были скоро рѣшиться. Номоканонъ Византіи состоялъ изъ двухъ частей—въ первой заключались правила св. Апостоловъ, 4-хъ вселенскихъ и 6 помѣстныхъ соборовъ,—эта часть, какъ догматическая, необходимо должна быть принята и быть правиломъ церковной жизни. Вторая часть номоканона, состоящая изъ постановленій императоровъ греческихъ касательно церкви, выражающая отношеніе государства къ церкви, должна была подвергнуться значительнымъ перемѣнамъ, сообразно съ строемъ и нарядомъ земли русской. Какъ та, такъ и другая часть номоканона стали извѣстны на Руси съ самыхъ первыхъ временъ. Онѣ списывались и переводились съ греческаго языка даже самими князьями. О Ярославѣ лѣтописецъ замѣчаетъ: «и бѣ Ярославъ любя церковныя *уставы*, поны любяше по велику, излиха же черноризцы, и книгамъ прилѣжа, и почитая и часто въ ноши и во дне и собра птицы многы, и прекладаше отъ грекъ на словенское письмо и спесаша книги многи ¹⁾».

Вторая часть номоканона немогла, какъ мы сказали, остаться безъ перемены. Правила родившіеся на греческой почвѣ, постановленія, сдѣланныя для греческаго общества, должны были

¹⁾. Пол. Собр. Р. Д. т. I. стр. 65.

потерпѣть измѣненіе при переходѣ въ русскую жизнь. Наши князья на этотъ разъ должны были давать новыя законоположенія для церкви, которыя, не выходя изъ круга, очерченнаго каноническими правилами церкви, въ тоже время примѣнялись бы къ строенію и быту русскаго общества. Еще о Владимірѣ замѣчено, что онъ собиралъ пастырей и совѣщался съ ними о томъ, какъ установить законный порядокъ среди неокрѣпшаго молодаго общества, среди людей, недавно познавшихъ Бога *), и составилъ въ слѣдствіе этихъ совѣщаній уставъ, который, съ одной стороны, есть приложение и приравненіе къ условіямъ жизни русской общаго церковнаго, и въ частности византійскаго, законоположенія, — съ другой, опытъ мѣстнаго, самобытнаго церковно—общественнаго законодательства въ Руси. Изъ устава Владиміра, подтвержденнаго князьями Ярославомъ, Всеволодомъ и др. видно, что всѣ они охотно уступаютъ суду церковному, кромѣ дѣлъ духовныхъ, много дѣлъ не церковнаго характера, дѣлъ мірскихъ—кромѣ губныхъ. Такая уступка была съ одной стороны результатомъ уваженія къ духовенству, съ другой и главнымъ образомъ то, что духовенство обладало большею суммою административныхъ способностей, какъ классъ людей болѣе образованный. Въ грамотѣ вел. кн. Владиміра подробно перечисляются всѣ суды, которые отдаются въ вѣденіе духовенства. Послѣ завѣщанія дѣтямъ, не вступаться въ церковныя дѣла и суды, онъ такъ перечисляетъ дѣла, которыя онъ отнесъ къ суду духовному: »роспускъ, смилное заставаніе, пошибаніе, а умычки, промежи мужемъ и женою о животѣ ихъ, въ племени или въ сватовствѣ поимутся, вѣдовство, потвори, чародѣаніе въ вѣхваніе, зеленничство, уреканія три: блѣднею, и зелій, и еретичствомъ, зубосажжа, или сынъ отца біеть, или мать дочька біеть или сноха свекровь, или кто уречется скверными словы и прилагая отца и мать, или сестры, или дѣти, а любо племя, тягнутъ о задніци (наслѣдствѣ), церковная татба, мертвецы сволочать, крестъ посябуть, или на стѣнахъ трескы емлють изъ креста. скоть, и и псы птицы безъ велики нужда въ ведеть въ церковь, или что неподобно церкви съ дѣть, или два друга имѣтася бити единого жена другаго иметь за лоно и раздавить

*) М. Илар. похв. Влад.—пріб. тв. св. О. 11, 277.

или кого застануть съ четверокожною, или кто подъ овиномъ молится, или въ ржи или подъ рощеніемъ, или у воды, или дѣвки дитя поврѣжетъ. Тыя вси суды церквамъ Божьимъ даны суть закономъ Божьимъ, по правиламъ святыхъ отецъ, христіанскими цари и князи во всѣхъ христіанскихъ людехъ... Князю; и бояромъ и судіамъ не прощено отъ закона Божья вступатися втыя суды»¹⁾. Такимъ образомъ князья часть своей власти въ судѣ предоставляютъ духовенству. Оно должно было вѣдать и судить преступленія семейныя, семейныя тяжбы за наслѣдство (задницы), проступки противъ чистоты нравственной и тѣ дѣйствія, которыя стали преступленіями съ принятія христіанства и были отголоскомъ язычества, каковы: моленіе подъ овиномъ, въ ржи, подъ рощеніемъ (въ рощахъ), у воды и т. п. Эти пороки духовенство должно было искоренять, и чтобы были дѣйствительнѣе духовныя эпатіи, валагаемыя цастырями за подобныя проступки, имъ данъ былъ и судъ надъ ними. Эти проступки духовенство, по уставу Ярослава, обличало денежными пенями въ пользу свою и князя. Но предоставивъ епископамъ такую обширную дѣятельность, князья неотказались съ одной стороны отъ надзора за правильностію ихъ суда и приговоровъ, съ другой—тѣмъ самымъ поставили духовенство въ столкновение съ общественными формами государственной жизни. Судебная дѣятельность духовенства въ силу этого должна была раздѣлиться на два вида: по дѣламъ духовенства—по духовнымъ дѣламъ и по дѣламъ мірскимъ. Въ послѣднемъ видѣ судебной дѣятельности духовенства необходимо должны были принять участіе князья. Въ этой дѣятельности духовенство по дѣламъ мірскимъ, въ этомъ судѣ, вызванномъ то столкновеніемъ лицъ духовныхъ съ свѣтскими, то дѣлами сговорными, брачными, разбойными и пр. куда были замѣщаны интересы общества, судъ долженъ былъ производиться при участіи общества, на основаніи кореннаго обычая русскаго: въ дѣлахъ общихъ судъ смѣсный. Такъ еще въ уставѣ Владимира замѣчено о столкновеніи лицъ духовныхъ съ свѣтскими: «аше будетъ иному челоувѣку съ тѣмъ челоувѣкомъ (духовнымъ) рѣчь,

¹⁾ Ркп. Рум. Муз. № ССХХХІІ. л. 198; Опис. Восток. стр. 294.

²⁾ Ibid.

то судъ общій ²⁾). Слѣдов. здѣсь мірскіе люди судили на равнѣ съ духовными. Что касается до суда духовенства мірскихъ дѣлъ, гражданскихъ преступленій, то здѣсь опять судъ смѣсный; въ уставѣ князя Ростислава читаемъ: «а съ уволочеть кто дѣвку, што возметъ князь, съ епископомъ на полы иди посадникъ что возметъ свои тяжи то съ епископомъ на полы.» ¹⁾ А потому здѣсь какъ пошлина съ суда, такъ и самый судъ у князя съ епископомъ былъ общій. Такимъ образомъ, хотя духовенству, по грамотамъ Владиміра, Ярослава, Всеволода и другихъ, многія гражданскія преступленія предоставлены были суду духовныхъ лицъ, но этотъ судъ производится съ участіемъ князей. Собственно духовенство только принимало участіе въ судахъ по дѣламъ мірскимъ,—и степень участія въ этихъ судахъ не всегда и не вездѣ была одинакова. Иногда духовенство судило наравнѣ съ свѣтскими лицами, иногда присутствовало только по судахъ, подобно нашимъ депутатамъ, и оберегало своихъ людей отъ обидъ по суду. Въ дѣлахъ тяжбныхъ, въ искахъ по обязательствамъ, духовенство судило своихъ вмѣстѣ съ тиунами; въ дѣлахъ сговорныхъ и по участію лицъ духовныхъ въ уголовныхъ преступленіяхъ, духовные судьи только засѣдали въ судахъ. ³⁾

Участвовали ль князья и народъ въ дѣдахъ собственно по духовному вѣдомству? Въ уставахъ Владиміра, Ярослава, Всеволода, Ростислава выражаетъ общее положеніе: «въ дѣлѣ церковныхъ людей не вступаются на князи, ни князи волостели, а вѣдаютъ ихъ епископы по правиламъ св. Отець.» Въ самыхъ новгородскихъ грамотахъ епископамъ усвоается полная власть въ этихъ дѣлахъ каждый разъ, какъ возникаетъ судъ, касающійся вѣры и церковнаго дѣла, то онъ судится соборомъ іерарховъ, гдѣ князья и народъ присутствуютъ какъ свидѣтели и привимаютъ на себя власть только исполнительную. При Глѣбѣ въ Новгородѣ являются волхвы и проповѣдуютъ антихристіанское ученіе. Эти волхвы преслѣдуются княземъ Глѣбомъ послѣ осужденія ихъ епископомъ предъ всемъ народомъ. ³⁾. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ князья вмѣшиваются и въ церковныя

1). Допол. къ Акт. Ист. т. I, № 4. стр. 7.

2). Акт. Ист. I. № 106. Акт. Арх. Экс. 4. № 161.

3). Под. Собр. Р. Л. I. 63—64.

дѣла и часто поступаютъ по своему усмотрѣнiю. Перенесенiе мощей Бориса и Глѣба подало поводъ къ вмѣшательству князей въ это церковное дѣло: «распри же бывши между Володимеромъ и Давидомъ и Олегомъ. Володимеръ хотяше и поставити средѣ церкви, и теремъ серебряный поставити надъ ними, а Олегъ и Давидъ хотяшета поставити я въ камору, идѣже отецъ мой, рече, назнаменовалъ, на правой сторонѣ, идѣже бяста устроенъ камора има.»⁸⁾ Митрополитъ, для прекращенiя распри, предложилъ рѣшить дѣло жребiемъ «верзите жребiи, да гдѣ изволита мученика, ту и поставимъ, и вгодно се бысть и положи Володимеръ свой жребiй и Олегъ свой, и постави я въ камору.»⁹⁾

Судъ надъ людьми духовными и церковными принадлежалъ епископамъ. По грамотѣ Всеволода эти люди перечисляются такъ: «а се церковныя люди: игуменъ, игуменiя, попъ, дiаконъ и дѣти ихъ;— а се кто въ крылось: попадья, чернецъ, черница, паломникъ, свѣщегасъ, сторожникъ, слѣпецъ, хромецъ, вдовица, пущеникъ, задумный человекъ, изгойской: поповъ сынъ грамотъ неумѣть, холопъ изъ холопства выкупитя, купецъ одождаетъ; а се же и четвертое изгойство и себѣ приложимъ: аще князь оспротѣеть; монастыреве, больницы, гостинницы, странно приимницы, то люди церковныя, богодѣльные, или митрополитъ, или Епископъ: тѣ вѣдаютъ между ими судъ или обиду, или кому прикажутъ, или котораго задница (наслѣдство), или будетъ иному человеку съ тѣми людьми рѣчь или общiй судъ—своимъ тиупомъ приказываю суда церковнаго необидѣти.¹⁾ Всѣ эти лица подлежали суду мѣстнаго епископа. Но иногда князья давали нѣкоторымъ монастырямъ несудныя грамоты, по которымъ настоятель судился у князя, а братiя у настоятеля, минуя епископа. Потомъ, хотя немного позже, встречаемъ грамоту къ митрополиту Кипрiану отъ вел. кн. Василiя Димитрiевича 1389 г. гдѣ, за отсутствиемъ митрополита, судъ надъ церковными людьми беретъ на себя самъ князь:» а не пригодится митрополита въ великомъ княженiи, коли кудѣ отъѣдетъ въ свою митрополью далѣе, а ударить кто челомъ мнѣ,

⁸⁾. Ипат. Л. стр. 5.

⁹⁾. Ibid.

¹⁾. Повѣс. о нач. и основ. ксков. печ. мѣл. стр. 99.

великому князю, на митрополичьяго человѣка, и мнѣ великому князю судити.» Иногда князья чинятъ управу и надъ самими епископами. Въ 1208 г. Всеволодъ, князь Владимірскій, раздраженный непокорностью рязанцевъ, приказалъ сечь ихъ городъ, а ихъ самихъ отводить въ плѣнъ,—вмѣстѣ съ прочими арестуетъ епископа ихъ Арсенія и содержать его въ заточеніи четыре мѣсяца ¹⁾).

Что касается до общинъ, составлявшихъ приходъ при церкви—братчину, то они участвовали въ судахъ духовенства чрезъ своихъ выборныхъ. Судъ этихъ общинъ—братчинъ, въ особенности въ Новгородѣ, гдѣ народная власть была велика, имѣлъ важное значеніе: «а братчина судитъ, какъ судья.» ²⁾ Вѣроятно объ этихъ то общинахъ или братчинахъ, судившихъ какъ судья, и писалъ митрополитъ въ посланіи своемъ къ Псковичамъ 1395 года: «что есмь слышалъ, ажь псковѣ міряне судятъ поповъ и казнятъ ихъ въ церковныхъ вещѣхъ, ино то есть кромѣ христіанскаго закона; негодится міряномъ попа ни судити, ни казнити, ни осудити его, ни слова на него немолвити; но кто ихъ ставитъ святитель, ино тотъ ихъ и судитъ и казнитъ и учитъ.» ³⁾ Въ Новгородѣ, когда новгородцы призвали управлять епархіею большаго, онѣмѣвшаго Антонія, они дали ему въ помощь, для управленія дѣлами епархіи, два мужа: Якуна Моисеевича и Микифора Щиткина.

Такимъ образомъ и въ административной части духовенство не стояло отдѣльно отъ общества; напротивъ изъ народной юридической практики, изъ обычаевъ народныхъ оно само внесло многое въ свою судебную дѣятельность, въ свою администрацію церковную. Оно судило вмѣстѣ съ народомъ свои дѣла, и поелику духовенство принадлежало обществу наравнѣ съ прочими лицами и классами, поелику оно составляло часть его: то очевидно оно могло быть судимо этимъ же обществомъ въ тѣхъ дѣлахъ, которыя затрогивали общественные интересы. Это и немогло быть иначе. Наше духовенство, хотя въ началѣ и чужеземное, не составляло касты; общественныя формы древнерусской жизни и самый характеръ восточнаго православія не-

1). Пол. Собр. Р. Л. стр. 183.

2). Въ Русск. Бесѣд. За 1857 г.

3). Истор. Акт. т. I. № 9.

могли допустить того, чтобы духовенство образовало изъ себя замкнутый институтъ. Христіанская вѣра, принятая Русью добровольно, стала вѣрою народною, національною. Духовенство, какъ служители вѣры, должно было сдѣлаться также національнымъ. Интересы земли должны были сдѣлаться и ихъ интересами; ибо наше духовенство не имѣло въ Византіи тавихъ интересовъ, какіе западное духовенство имѣетъ въ Римѣ. Откуда въ дѣлахъ церковныхъ вездѣ въ древней Руси проходить начало національное то въ видѣ власти князя, то въ видѣ власти братчинъ и под. Потому что самая церковь русская съ самыхъ первыхъ временъ, стала церковію національною, народною—въ полномъ смыслѣ *Русскою*. Въ ней по этому долженъ былъ отразиться и своеобразный русскій духъ и своеобразный общинно—земскій строй русскаго народа.

(Окончаніе впереди).

ЕЩЕ О НАРОДНЫХЪ ШКОЛАХЪ ВЪ КИЕВСКОЙ ГУБЕРНИИ.

(По поводу статьи г. Чечурина въ 72, 74, 76 № № С. Петерб. Вѣдомостей: Народныя училища въ югозападномъ краѣ).

На дняхъ мы прочитали вышедшую въ Кіевѣ маленькую брошюру: *Народныя училища гражданскаго вѣдомства въ кіевской епархіи*. Авторъ ея коротко и просто, на основаніи *официальныхъ источниковъ*, излагаетъ причины и ходъ открытія этихъ школъ, указываетъ ошибки дѣла, кривые пути, которые дозволили себѣ исполнители его и тѣ грустныя слѣдствія, къ каковымъ неминуемо и непосредственно ведутъ они. — Въ тоже время мы прочитали въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ статью г. Чечурина о томъ же дѣлѣ. Авторъ широко раскинулъ свой планъ, и обнялъ все положеніе народныхъ школъ въ кіевской губерніи. Но онъ излагаетъ это дѣло въ иномъ совсѣмъ видѣ: онъ пишетъ апологію учебному вѣдомству, учредившему народныя гражданскія школы, и сильно обвиняетъ духовенство въ несправедливости и неискренности, съ какими оно будто отнеслось къ «раціональнымъ» дѣйствіямъ его, въ невѣжествѣ и грубости, отъ которыхъ будто страдаетъ въ этой губерніи народное образованіе. — Кто правъ, кто виноватъ? Уже одно то, что г. Чечуринъ въ качествѣ чиновника особыхъ порученій кіевского генералъ губернатора самъ же участвовалъ въ этихъ дѣлахъ учебнаго округа, былъ однимъ изъ агентовъ его (вмѣстѣ съ г. Туловымъ), слѣдова-

тельно хвалить самого себя, заставляет посторонняго слушателя осторожниѣ относиться къ его симпатіямъ и антипатіямъ. А безусловность, съ какою онъ обвиняетъ духовенство, и въ которой слышится только общія, старая, избитыя фразы, и ничего мѣстнаго, собственнаго, прямо дышетъ пристрастіемъ, предубѣжденіемъ. Г. Чечуринъ говоритъ въ концѣ своей статьи: «Надѣмся, что глубокое наше убѣжденіе, откровенно высказанное, оградитъ насъ отъ *несправедливыхъ* подозрѣній и *неблагодѣтельныхъ* обвиненій.» Такая надежда не основательна; потому только, что мы убѣждены глубоко и высказываемся откровенно, нельзя напередъ называть всякое подозрѣніе несправедливымъ и всякое обвиненіе неблагонамѣреннымъ. Можно быть глубоко убѣжденнымъ въ томъ, въ чемъ нужно бы убѣждаться осторожниѣ и рациональнѣе, и что, при болѣе спокойномъ, правильномъ отношеніи нашемъ, дало бы иныя убѣжденія; можно откровенно высказывать то, чего вовсе не слѣдовало бы высказывать, что не справедливо. Наши подозрѣнія и обвиненія г. Чечурина въ пристрастіи и предубѣжденіи совершенно оправдались, когда мы повѣрили дѣло *подлинными* документами,—мы увидѣли, что онъ убѣждалъ себя поспѣшно и—въ несправедливости, откровенно высказалъ то, что на дѣлѣ далеко не такъ было. Незнакомый съ самимъ дѣломъ можетъ подумать, что г. Чечуринъ, какъ очевидецъ и участникъ въ немъ, знаетъ его хорошо и излагаетъ вѣрно. Статья его, поэтому, пріобрѣтаетъ особенное вниманіе, и мы рѣшаемся раскрыть подлинную степень справедливости ея.

Г. Чечуринъ обнимаетъ всю исторію школъ въ югозападномъ краѣ, и описываетъ сначала школы священниковъ, а потомъ—процессъ учрежденія школъ министерскихъ, или, какъ ихъ называютъ здѣсь, народныхъ.

Сначала онъ говоритъ объ учрежденіи приходскихъ школъ. Онъ напираетъ здѣсь на то, что *инициатива* этихъ школъ принадлежитъ *гражданской власти*,—что духовенство *не само взяло* на себя трудъ народнаго образованія, а онъ *возложенъ* на него,—что дѣятельность духовенства была въ этомъ дѣлѣ *недобровольная*, вызванная *не любовью къ ближнему и желаніемъ общей пользы*,—что правительственная власть возложила этотъ трудъ на духовенство только потому, что необходимость школъ *застигла се* (*насъ* выражается г.

Чечуринъ) совершенно въ расплохъ, — что такъ поступила она только «въ крайнемъ случаѣ.» На этомъ онъ основываетъ потому оправданіе мѣстной правительственной власти, которая могла поступить съ школами священниковъ, какъ съ своею собственностью, основываетъ и обвиненія духовенству, которое не захотѣло впоследствии безусловно подчинить свои школы всѣмъ требованіямъ этой власти.—Что сказать объ этомъ? Народъ нашъ, до извѣстнаго манифеста, находился въ такомъ положеніи, что съ какой бы стороны ни подойти къ нему, вездѣ встрѣчались такіе щекотливые вопросы, которыхъ никто не въ силахъ былъ разрѣшить, кромѣ власти правительственной, замкнувшей въ своихъ рукахъ всякое чужое свободное возбужденіе. Само министерство просвѣщенія, въ пятьдесятъ сличкомъ лѣтъ своего существованія, ничего почти не сдѣлало въ этомъ отношеніи для народа. Даже, наконецъ, само верховное правительство не могло сдѣлать тутъ ничего. Екатерина II-я съ Бецкимъ долго мечтали о народномъ образованіи, но успокоились только на проэктахъ, и сочли лучшимъ обратиться къ смольному институту. При Александрѣ I-мъ, еще жарче взялись за это дѣло, и опять ничего не сдѣлали. Въ 1828 году, Высочайше утвержденъ даже проэктъ и программа народныхъ школъ, но на этомъ и покончили. Но кому же принадлежитъ у насъ честь перваго, дѣйствительнаго учрежденія народныхъ школъ? Духовенству. Еще въ 20-хъ годахъ въ южныхъ губерніяхъ видны были слѣды народныхъ школъ въ каждомъ приходѣ. Въ свое время, эти школы удовлетворяли тогдашнимъ потребностямъ народа, и между послѣднимъ было тогда несравненно больше грамотныхъ, чѣмъ въ настоящее время. Но мѣстная гражданская власть не хотѣла и знать этихъ школъ, и школяровъ разгоняла, какъ бродягъ, или какъ дармоедовъ. Крѣпостное право усилилось, отецъ не могъ располагать свободно и 8 лѣтнимъ сыномъ, помѣщикъ имѣлъ для него свою всегдашнюю *панцину*. Учитель такой школы, носившій названіе *директора*, занимавшій въ тоже время должность церковнаго пѣвца, обреченъ только на эту послѣднюю должность, которая затѣмъ унижена въ глазахъ народа, осталась при одномъ названіи *дьячковства*. Каковы бы ни были эти школы, выдержавшія борьбу съ польскимъ гнетомъ онѣ,

при поддержкѣ, могли бы выполнить свое назначеніе, какъ выполняли его въ своемъ началѣ (16 и 17 вѣтъ), онѣ поддерживали бы и развивали бы въ народѣ православно-русскій элементъ, какъ это дѣлали прежде, и нынѣшнія продѣлки польской пропаганды не застали бы никого «врасплохъ.» Но поддерживать ихъ не могла тогда никакая сила, кромѣ правительственнаго содѣйствія *Правительственная власть* на старалась даже знать о нихъ, и потому онѣ всѣ уничтожились.— Съ 1835 года духовенство начало хлопотать о постоянныхъ школахъ для народа. Побужденіемъ къ этому для однихъ былъ расколъ увлекавшій во многихъ губерніяхъ цѣлыя массы народа, для другихъ—простая и великая польза для народа отъ образованія. Къ 1843 году духовенство кievской губерніи открыло школы при каждой почти церкви. Но грустно вспоминать объ этихъ школахъ. Помѣщики приказывали палками выгонять учениковъ изъ школы *на панцину*, преслѣдовали священниковъ, раззоряли ихъ хозяйство. Одинъ помѣщикъ кievскаго уѣзда, генералъ N., прямо запретилъ священнику своей деревни заводить школу, и, потребовавъ къ себѣ письменное распоряженіе кievской консисторіи объ учрежденіи школъ, объявилъ, что отошлетъ его «къ губернатору для уничтоженія.» Такъ дѣйствовали тогда русскіе патриоты, нечего и говорить уже о шляхтичахъ. Всѣ жалобы духовенства, просьбы о содѣйствіи оставались тщетными: гражданская власть, къ которой обращаемы были эти просьбы и жалобы, льстила патриотамъ—генераламъ, исправники и становые жили на хлѣбахъ у шляхтичей. Понятно, что школы эти не могли устоять. Остаются до сихъ поръ только тѣ изъ нихъ, которыя заведены священниками въ деревняхъ государственныхъ имуществъ, потому что министерство не стѣсняло ихъ, а въ 1843 году, по Высочайшему повелѣнію, взяло ихъ въ непосредственное свое управленіе. Наконецъ явился манифестъ о созваніи дворянъ для освобожденія крѣпостныхъ. Прежде чѣмъ гражданская власть приняла къ мысли объ учрежденіи школъ, духовенство кievской губерніи по мѣстамъ уже открывало ихъ. Такъ школа въ м. Ольховцѣ (звенигород. уѣзда) открыта свящ. Вас. Олтаржевскимъ въ 1858 году; въ томъ же году существовала уже школа въ с. Студичной (звенигород. уѣзда), въ с. Соловйнкѣ (рад. уѣз.) и въ др. Дѣло это, по мѣрѣ приближенія завѣтнаго срока

освобождения, безъ всякаго сомнѣнія, развилось бы и устроилось само собою, безъ участія гражданской власти, которая, послѣ освобождения крестьянъ, не такъ уже нужна для священника, только бы не мѣшала она ему.—Послѣ сего, какой смыслъ въ фразѣхъ г. Чечурина: духовенство *не само взяло* на себя народное образованіе, а оно *возложено* на него правительственною властью,—«дѣятельность духовенства въ этомъ дѣлѣ была *недобровольная*, вынужденная *не любовію къ ближнему и желаніемъ общей пользы*, а возложено на него?» Справедливо ли, что *инициатива* школъ народныхъ въ кievской губерніи принадлежитъ гражданской власти? Если гражданская власть, возбуждаемая съ одной стороны успѣхами польской пропаганды, съ другой стороны напряженною, при всей матеріальной безпомощности своей, дѣятельностію православнаго духовенства поднялась наконецъ на подвигъ народнаго образованія, и пригласила духовенство къ этому дѣлу, вовсе незнакомому для нея, и давно знакомому для духовенства, которое столько хлопотало предъ нею объ этомъ прежде; то можно ли отрицать въ духовенствѣ любовь къ ближнему и желаніе общей пользы, а представлять его только чертовымъ и пассивнымъ исполнителемъ распоряженій гражданской власти, которая—прибавимъ при этомъ—не имѣютъ въ подобныхъ дѣлахъ для духовенства обязательной силы?—Далѣе: г. Чечуринъ утверждаетъ, что гражданская власть только потому обратилась къ духовенству, что сама застигнута была «врасплохъ» (г. Чечуринъ и не подозревалъ, какой сарказмъ говорить онъ этимъ гражданской власти! Необходимость народнаго образованія, понятая турецкою и японскою гражданскою властью, давно провозглашаемая у насъ всеми почти со-словіями, кievскую гражданскую власть, въ 1860 году, застигла «врасплохъ»), и находилась «въ крайнемъ случаѣ» (опять комплиментъ!), и значить, вовсе не желала бы видѣть народное образованіе въ рукахъ духовенства, не симпатизировала его вліянію на народъ въ этомъ дѣлѣ. Не то читаемъ въ оффиціальныхъ отношеніяхъ князя Васильчикова къ епархіальному начальству въ 1860 году: въ нихъ щедро разсыпаны похвалы духовенству, подробно и опредѣленно (было, значить, время задумать) доказываются, что народное образованіе сроднѣе и ближе всего къ духовенству, что ни отъ кого другаго нельзя ожидать такихъ успѣховъ для этого дѣла, какъ отъ священника.

ковъ, которые одни могутъ положить прочныя основы для нравственнаго народнаго развитія. Выходить одно изъ двухъ: или г. Чечуринъ клеветаетъ на гражданскую власть, и значитъ не заслуживаетъ довѣрія въ своихъ показаніяхъ, или же онъ обнаруживаетъ такія свойства въ прежней кievской гражданской власти, по которымъ никакой честный и прямодушный человекъ не долженъ имѣть довѣрія къ ней.

Перейдемъ къ первоначальному состоянію школъ, открытыхъ духовенствомъ въ каждомъ приходѣ. Г. Чечуринъ представляетъ его въ самомъ жалкомъ видѣ, онъ видитъ только недостатки, и притомъ самыя крайніе и случайныя, соединяетъ ихъ въ одно общее представленіе, исключющее всякое движеніе мысли и жизни, одуряющее и развращающее народъ, и это представленіе выдаетъ за вывѣску самой сущности священническихъ школъ. Это состояніе приходскихъ школъ полагаетъ онъ прямымъ слѣдствіемъ того состоянія умственнаго и нравственнаго, въ которомъ находится духовенство. По мнѣнію г. Чечурина, вся послѣдующая дѣятельность гражданской власти и учебнаго вѣдомства въ отношеніи къ народному образованію, зависѣла преимущественно отъ неспособности къ нему духовенства, и потому онъ старается возможно ярче представить эту неспособность его: умъ, нравственность, религіозность, администрація, домашній бытъ—все выдвинулъ онъ и представилъ въ безобразномъ видѣ. Мы не будемъ защищать духовенство отъ этихъ жалкихъ обвиненій, это значило бы сражаться съ мыльными пузырями, которыми бросаютъ въ васъ дѣти. Г. Чечуринъ положилъ себѣ цѣлю оправдать «дѣйствія учебнаго вѣдомства» въ такомъ дѣлѣ, къ которому судьба привязала и его; но эти дѣйствія ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть оправданы, если не будетъ обвинено духовенство, нужно, значитъ, обвинять изо всѣхъ силъ. Потому здѣсь и могли быть только общія мѣста, описанія и фразы, давно разбросанныя въ нѣкоторыхъ журналахъ, и теперь въ невинности сердца повторяемая людьми, которыхъ притиснетъ нужда и безплодіе на половинѣ дѣла, о которомъ по увлеченію, они взяли написать статью.—Намъ могутъ возразить, что г. Чечуринъ лично наблюдалъ бытъ сельскаго священника и приходскихъ школъ, слѣдовательно говорить о свѣжихъ дѣлахъ. Посмотрите же на его опыты и наблюденія: указать ихъ начало

и способъ значить раскрыть степень вѣроятности тѣхъ описаній, которыя построены на нихъ.— Г. Чечуринъ однако, имѣя возможность лично дознать то или другое, самъ не всегда полагается на свой опытъ, и занимаетъ его у другихъ. Такъ, онъ обращается къ опыту *Помяловскаго*: «Бурсацкіе типы,» чтобы доказать «безобразіе духовныхъ училищъ»—аргументъ весьма важный для него, потому что изъ него, какъ по маслу плывутъ увѣренія, что духовенство неспособно къ народному образованію, что оно только уродуетъ умъ и нравственность крестьянскихъ дѣтей. На этотъ опытъ мы и тогда не согласились бы, если бы вы признали, что напр. «Губернскіе очерки»—*Щедрина* списаны съ высшаго кievскаго чиновничества. Въ *Отеч. Запискахъ* тогда же объявили, что типы Помяловскаго крайне изуродованы и рѣшительно невѣрны. Самъ же Помяловскій потомъ, когда нѣкоторые писатели признали его первый очеркъ за вывѣску современности, выразилъ свою досаду на нихъ, и объявилъ, что его типы относятся къ давно минувшимъ днямъ. «И жаль, и досадно, говоритъ онъ въ заключеніи «Бурсацкихъ типовъ» что нѣкоторые писатели заявили, будто я все исчерпалъ въ «Зимнемъ вечерѣ въ бурсѣ».... Бурса будетъ въ моихъ очеркахъ, какъ и на дѣль было, постоянно улучшаться. Чтобы постепенно дойти до современнаго состоянія своего предмета, онъ требуетъ «восемь очерковъ,» восемь степеней, и въ послѣднихъ общаетъ вывести «симпатическіе типы,» свѣтлыя стороны. «Но если придется, говоритъ онъ, ограничиться этими двумя очерками, то будетъ очень жаль, потому что читатель тогда не получитъ полного понятія о томъ, что такое бурса, и потому относительно составитъ о ней ложное представленіе.»—Въ другомъ случаѣ г. Чечуринъ, утверждая, что духовенство до того узко понимаетъ свои улучшения, что ограничиваетъ ихъ одною матеріальною стороною, ссылается на духовные журналы. Но кто читалъ духовные журналы хотя въ теченіи 2—3 мѣсяцевъ, для того эта ссылка г. Чечуринъ покажется крайне легкомысленною и недобросовѣстною.—Такъ онъ пользуется чужими опытами. Онъ знаетъ о нихъ по отрывкамъ, по слухамъ, передаваемымъ въ извѣстномъ кружкѣ, въ которомъ вся сумма представленій и выводовъ состоитъ изъ сплетней, потому что у него нѣтъ ни времени, ни охоты выискать въ дѣло. Понятно, послѣ сего, каковы будутъ собственные опыты

г. Чечурина, такая односторонность и *ложь* будетъ въ его наблюденияхъ. Онъ крѣпко стоитъ на точкѣ аристократа—чиновничей, и преданъ ей въ невѣстности сердца, какъ единственному спасенію грѣшного міра. Съ этой-то точки онъ дѣлаетъ свои наблюдения, ею извѣряетъ достоинство каждаго предмета. Въ одномъ случаѣ онъ является глубоко вѣрующимъ въ образовательное и нравственное значеніе паркета, сошле il faut—наго общества, которое коробитъ одна мысль о домашнемъ хозяйствѣ, бѣдной хатѣ, обращеніи съ мужикомъ. «Священникъ *бѣденъ*—наблюдаетъ г. Чечуринъ—живетъ въ *тѣсной и бѣдной хатѣ*. Все время его, свободное отъ церковной службы и духовныхъ требъ, занято заботами о *хозяйствѣ и материальномъ его положеніи*. Такая жизнь—дѣлаетъ онъ выводъ изъ своего наблюдения—какъ извѣстно (ному же кромѣ одного кружка?) *мало способствуетъ развитію духовной стороны челоука и убиваетъ всякую уметвенную дѣятельность*, не говоря уже о томъ, что отрпшеніе отъ общества (какого же?) и пребываніе *въ грубой средѣ* (бѣднѣй русскій народъ! когда же наконецъ аристократическій взоръ увидитъ въ тебѣ другую твою, свѣжую и здоровую сторону?) *влечетъ за собою разные пороки*.» И такъ, священникъ, въ глазахъ г. Чечурина, находится въ уметвенной летаргіи, сталъ жалкимъ существомъ потому, что не ходитъ по паркетному полу, не живетъ въ *хорошемъ обществѣ*! Можетъ быть это, можетъ быть и совершенно другое въ деревенскихъ обстановкахъ, тамъ же какъ и въ *хорошемъ образованномъ* обществѣ выростають и глупцы и люди умные. Другой опытъ. Представивъ учебную и административную часть священническихъ школъ въ самомъ безобразномъ видѣ (съ точки аристократизма и типовъ Номяловскаго), а отсюда потомъ—необходимость для народа особыхъ школъ, онъ захотѣлъ сдѣлать все это голосомъ и желаніемъ самаго народа. Кто же теперь изъ передовыхъ людей не прибѣгаетъ къ голосу народа? Но грустно смотреть, какъ они вытягиваютъ изъ народа его голосъ! Въ рукахъ г. Чечурина одно изъ могущественныхъ средствъ—заставить народъ дать такой голосъ, какой ему угодно, именно—чиновничество, онъ и держится всѣхъ правилъ бюрократизма. «Въ каждомъ селеніи, говорить онъ есть *маленько передовыхъ крестьянъ, которыхъ можно назвать прогрессистами*; весьма часто *правдаый* голосъ

ихъ заглушается дикими и упорными криками невѣдущаго большинства.» И такъ, въ цѣломъ обществѣ онъ выдѣляетъ для себя только нѣкоторыхъ лицъ, и отъ нихъ хочетъ узнать голосъ народа; большинство гдѣ кроется дѣйствительная мысль и нужда народа, онъ презираетъ какъ дикое и упорное невѣжество. Но кто же эти лица «передовые крестьяне, которыхъ можно назвать прогрессистами?» «Они—говоритъ г. Чечуринъ о себѣ и о г. Туловѣ, по приѣздѣ въ селеніе, тотчасъ собирали *выборныхъ должностныхъ лицъ*, и обращались къ нимъ...!! И такъ, старшины, десятекіе—вотъ «передовые крестьяне, которыхъ можно назвать прогрессистами.» Какъ чиновникъ, онъ не хочетъ имѣть дѣла съ нечиновною толпою. Но кто же, кромѣ рьяныхъ чиновниковъ, не видитъ, что *выборные чины* у народа теперь не тѣ лица, которыхъ желалъ бы народъ, а тѣ, которыхъ подставляли ему посредники, помѣшники и земская полиція,—что народъ поэтому не довѣряетъ имъ,—что эти простодушные хранители невѣдомаго имъ закона теряются въ присутствіи высшей власти, и всякое слово ея принимаютъ какъ приказъ, карающій за неисполненіе его? Но «передовые, прогрессисты» созваны: наѣхали чиновники отъ губернатора, стушай слушать приказъ. Какъ же дознаютъ эти чиновники отъ нихъ народный голосъ! Спрашиваютъ ли ихъ просто о мнѣніи народа? Нѣтъ, напередъ дадутъ имъ почувствовать весь ореолъ своего значенія; потомъ декламируютъ цѣлыя тирады о попечительности начальства, о благѣ народномъ отъ нея и проч., наконецъ уже спрашиваютъ—простодушный прогрессистъ даетъ имъ какой угодно отвѣтъ «Они собирали... и обращались къ нимъ *съ рѣчью* (!) о необходимости грамотности и о пользѣ просвѣщенія, въ чемъ крестьяне по большей части соглашались.» Какъ это дико! Къ чему тутъ *рѣчь*, въ которой мужикъ ничего не пойметъ? Вы говорили о пользѣ просвѣщенія, а нашимъ прогрессистамъ за спинами вашими видѣлся грезный становой приставъ, еще грознѣе событія, сопровождавшія предъ тѣмъ введеніе уставныхъ грамотъ. «*Затѣмъ* имъ предлагали учредить у нихъ народное училище.» Старшины, разумѣется, вполне согласились. «Всегда при этомъ имѣлось въ виду побудить крестьянское общество (съ которымъ вы и не видѣлись) участвовать въ дѣлѣ учрежденія училища какими либо денежными сборомъ.» Опять полное согласіе. Прогрессисты

возвращаются по деревнямъ и объявляютъ: «царь приказалъ уничтожить священническія школы, и заводить другія.» Народъ недоумѣваетъ, къ чему это, когда онъ доволенъ вполне священническою школою, ему отвѣчаютъ, что они и сами не знаютъ, къ чему это, но—«сами чиновники говорили,» отвѣчаютъ они. Народъ упрямится, ему грозятъ наказаніемъ, напоминаютъ обстановки введенія уставныхъ грамотъ. Когда священникъ м. Мошенъ Левъ Крамаренковъ пришелъ на сходъ по этому дѣлу, то засталъ тутъ всѣ горькіе плоды рѣчей гг. Тулова и Чечурина: «какъ только кто изъ присутствовавшихъ крестьянъ начинаетъ говорить противное, старшина тотчасъ прерываетъ его словами: *«мы уже разъ напуганы царскою волею, и теперь боимось и не слушать,»* напоминая тѣмъ о послѣдствіяхъ волненія по дѣлу уставныхъ грамотъ.» А гг. Чечуринъ и Туловъ, выѣхавши такъ же послѣ своей рѣчи изъ селенія, доносятъ начальству, публикуютъ въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ: «можетъ быть мы ошибаемся? Можетъ быть мы слишкомъ пристрастнымъ и поверхностнымъ взглядомъ окинули двухлѣтнюю дѣятельность сельскаго духовенства? Спросите *самихъ крестьянъ*: и они, при ихъ неразвитости, при всей ихъ нетребовательности, *скажутъ вамъ тоже*; и это невыгодное, но вполне справедливое *мнѣніе ихъ* о теперешнемъ обученіи ихъ дѣтей, доказываетъ сознаніе необходимости лучшей грамотности, основанной на болѣе прочныхъ и справедливыхъ началахъ.»

Вотъ опыты г. Чечурина, аргументы, на основаніи которыхъ онъ безусловно антагонизируетъ религіозность, умъ, нравственность и всю духовную дѣятельность сельскаго духовенства. Прибавимъ къ этому, что, передавая какой либо фактъ, говорящій не въ пользу духовенства, онъ говоритъ: «въ *одномъ мѣстѣ*.!!!, а защищая учебное вѣдомство выражается: (это сдѣлано) «по *разнымъ* причинамъ.» Манера, скажутъ, деликатная: и ловкая, прибавимъ мы, потому что устраниваетъ всякую возможность повѣрить фактъ.

Но мы должны еще, для полной обрисовки аргументовъ г. Чечурина, представить и логику его соображеній, при обвиненіи духовенства. Сразу взваливъ на духовенство всю вину неудовлетворительности школъ, онъ, чрезъ нѣсколько строкъ, вдругъ, самъ не сознавая, что это ведетъ къ уничтоженію толь-

ко что сказаннаго, рисуетъ непобѣдимыя трудности для успѣшнаго хода дѣла, за которое принялось духовенство. «Если у насъ весьма часто не исполняется законъ, напечатанный русскими буквами въ Сводѣ, то еще чаще не исполняются многія частныя распоряженія правительства. Исполнители *очень ловко умѣютъ парализовать* дѣйствія распорядительной власти своимъ *нехотѣниемъ и небрежностью*... «Это говорить онъ въ самомъ началѣ, когда приступаетъ къ оцѣнкѣ учебной дѣятельности духовенства. Но чрезъ 15 строкъ онъ уже забылъ объ этомъ свойствѣ духовенства, и описываетъ забитость духовной стороны въ священникѣ, неспособность его къ обученію. Какъ же помирить *очень ловкое умѣнье парализовать* чужія мудрыя распоряженія съ душевною забитостью, крайнею ограниченностью?—нехотѣніе и небрежность съ неспособностью и неумѣнемъ? Что нибудь одно изъ двухъ: или неспособно, или ловко отдѣляется, хоть и можетъ. Но г. Чечуринъ не хочетъ сообразить подобныхъ мелочей, и ровно чрезъ столбецъ въ томъ же № газеты описываетъ то, что уже опровергаетъ оба эти противорѣчія, именно—что дѣло учрежденія и развитія школъ покинуто было всѣми сословіями края, боролось съ громадными препятствіями отсюду, и держалось только на рукахъ духовенства. «*Крестьяне или народъ... неприязненно и холодно* глядѣлъ сначала на усилія правительства (которое, однакожъ, усиливалось только на бумагѣ) и духовенства обучить молодое поколѣніе.» (Приводится нѣсколько отговорокъ крестьянскихъ, совершенно вѣрныхъ въ это время крѣпостной зависимости). «*Помѣщики*—польская шляхта, жившая крѣпостнымъ трудомъ южно-русскаго крестьянина, встрѣтила съ *недоброжелательствомъ* начинъ въ дѣлѣ просвѣщенія народа. *Неприязненныя отношенія ея къ нашему сельскому духовенству парализовали совершенно усилія послѣдняго* (усилія? а нехотѣніе и небрежность?! Парализовали помѣщики? А внутренняя сословная неспособность, духовная мертвенность священниковъ?!) склонить ее къ какимъ либо матеріальнымъ пожертвованіямъ. Шляхтичи смотрѣли на это дѣло какъ на совершенно имъ чуждое и *могущее* противудѣйствовать ихъ собственнымъ стремленіямъ и мечтамъ. Впрочемъ—спѣшить онъ замаять этотъ аргументъ, совершенно справедливый—понимая вполне матеріальную несостоятельность

вновь открываемыхъ школъ, а такъ же *слабую ихъ сторону въ учебномъ отношеніи*, (они рѣшительно не видали этихъ школъ!) помѣщики не дѣлали серьезныхъ препятствій.» Но правда неотступчива: «но это отрицательное положеніе, въ которое они поставили себя относительно приходскихъ школъ, было, можетъ быть, *вреднѣе противудѣйствія.*» «*Дружія сословія края* здѣшняго въ дѣлѣ учрежденія школъ грамотности при сельскихъ приходсахъ *не участвовали*, оставались къ нему совершенно равнодушными... *Общественная благотворительность*... такъ же *не замѣтила* того бѣдственнаго положенія, въ которомъ находилось народное образованіе.» Со стороны *гражданскаго правительства*, «единственнымъ матеріальнымъ пособіемъ при учрежденіи этихъ школъ, было извѣстное количество пожертвованныхъ букварей.» Что же—скажетъ безпристрастный читатель—можетъ сдѣлать тутъ хоть какой человѣкъ? При всѣхъ недостаткахъ этихъ школъ, духовенству нужно отдать полное сочувствіе и помощь за то, что оно одно удержалось среди общей антипатіи къ народ. образованію и противудѣйствія ему... Нѣтъ, отвѣтитъ г. Чечуринъ, духовенство «очень ловко парализовало это дѣло своимъ нехотѣніемъ и небрежностью,» виновато одно оно....

Вотъ способы, посредствомъ которыхъ г. Чечуринъ получилъ и передаетъ увѣренія, что духовенство нерелигіозно, неправдиво, — что воспитаніе его самаго, а отъ него и народа—безобразное, уродливое. Духовенство исполняло свой долгъ добросовѣстно: на первыхъ порахъ, побѣждая всеобщее равнодушіе сословія, оно открыло повсюду въ своихъ домахъ школы, покупало книги для учениковъ на свой счетъ (кромѣ учебниковъ, народные журналы и др. сочиненія для простаго народа), нѣкоторые священники строили на свои деньги особые училищныя дома) жертвовали для всѣхъ учениковъ полный уборъ. Въ учебномъ отношеніи школы свои они довели до значительнаго по многимъ мѣстамъ совершенства, такъ что крестьяне государственныхъ имуществъ отбирали своихъ дѣтей изъ казенныхъ школъ, жители городскіе отбирали изъ приходскаго министерскаго училища (напр. въ г. Тарашѣ) и отдавали въ соеѣдныя священническія. Плодомъ этой дѣятельности было то, что сознаніе необходимости образованія проникло въ массу народа, тогда какъ въ началѣ она холодно и недовѣрчиво глядѣла на

привыкъ къ образованію. Прогрессисты, соглашавшіеся съ словами гг. Тулова и Чечурина о пользѣ просвѣщенія, не съ неба же упали, но масса гораздо лучше ихъ понимаетъ это дѣло, что засвидѣтельствовала она, вслѣдъ за формальнымъ освобожденіемъ отъ крѣпостной зависимости, многочисленными пожертвованіями на свои школы, постройкою домовъ для нихъ, наймомъ помощниковъ священникамъ и под., тогда какъ «прогрессисты» разжирѣвшіе на выгодномъ хлѣбѣ, только глядѣли, нѣтъ ли въ этихъ сходкахъ народа чего нибудь незаконнаго, за что власть можетъ оштрафовать и смѣнить ихъ самихъ. Только аристократо-чиновничій формализмъ и школьное педанство не могутъ замѣтить этихъ внутреннихъ вліяній и успѣховъ священническихъ школъ.

Переходимъ къ самому дѣлу, для оправданія котораго г. Чечурину необходимо было такъ глубоко унижить духовенство. Видно, дѣло непрямодушнее. Чтобы раскрыть это дѣло, мы не будемъ напередъ, подобно г. Чечурину, прибѣгать къ отвлеченнымъ соображеніямъ о чиновничествѣ и учебномъ вѣдомствѣ, — не будемъ судить о первомъ по «Губернскимъ Очеркамъ» — Щедрина, о послѣднемъ, объ гимназическомъ и университетскомъ образованіи по описаніямъ «Ясной Поляны» графа Толстого, а расскажемъ самое дѣло по живымъ документамъ.

Въ началѣ 1862 г., покойный князь Васильчиковъ обратился къ министру народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ, не ожидая времени приведенія въ дѣло министерскаго проекта о народномъ образованіи, открыть такія школы въ вѣреннѣхъ ему губерніяхъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, *гдѣ населеніе православное смѣшано съ католическимъ* и гдѣ потому духовенству *неудобно* имѣть школы для всего населенія. Такъ гласитъ формальная сторона этого дѣла. Но не секретъ другая сторона, толки и вліянія, вызвавшія это ходатайство. Учебное вѣдомство, спокойно почивавшее, пока дѣло школъ представляло огромныя трудности, теперь, когда эти трудности побуждены духовенствомъ, явилась возможность предаться исключительно учебной сторонѣ школъ, оно стало предъявлять свои права и привилегіи на *народное просвѣщеніе* съ устраненіемъ отъ него духовенства. О взаимномъ участіи не было и рѣчи: люди, не видѣвшіе ни разу священническихъ школъ, стали говорить, что священники не способны къ обученію на-

рода, что они только уродуютъ крестьянскихъ дѣтей; нелѣпные слухи выдавались за живой фактъ, мимолетный, узкій взглядъ какого нибудь пролетарія—прогрессиста, накропавшаго безсвязную статейку въ газетѣ, принимаемъ былъ за сильный аргументъ; враждебныя духовенству мнѣнія посредниковъ—поляковъ, польско-католическихъ стремленій которыхъ сами прежде боялись, возбуждая духовенство противудѣйствовать имъ, теперь получили вѣсъ и значеніе. Словомъ, составилось то мнѣніе и описаніе школъ и духовенства, какое выдаетъ г. Чечуринъ за собственныя наблюденія. Государь Императоръ повелѣлъ «школы духовенства оставить неприкосновенными, съ тѣмъ чтобы министерство народнаго просвѣщенія оказывало содѣйствіе преуспѣванію ихъ по мѣрѣ возможности.» Г. министръ народнаго просвѣщенія въ то же время писалъ къ попечителю кievскаго учебнаго округа: «1). Заботиться не о числѣ, а больше о достоинствѣ народныхъ школъ; 2). Стараться устроить положеніе священниковъ въ этихъ школахъ такъ, чтобы мстное духовенство желало учрежденія ихъ, и чтобы приходскій священникъ считалъ себя въ награду учрежденіе въ его селѣ народной школы; 3). Не привлекать въ нихъ учениковъ священническихъ школъ никакими мѣрами убѣжденія; 4). При открытіи этихъ школъ имѣть въ виду, чтобы заботливость министерства о распространеніи ихъ не была принята, какъ новое бремя на низшее сословіе.» Очевидно, это распоряженіе не согласовалось съ тѣмъ, что желалось. Что же дѣлаютъ? Оставляютъ ли школы духовенства неприкосновенными? Идутъ ли къ миролюбивому соглашенію съ духовенствомъ?

11 мая 1862 года управляющій кievскимъ учебнымъ округомъ обратился къ высокопреосвященному Арсенію съ предложеніемъ слить школы существующія при церквахъ съ имѣющимися открытыя школами учебнаго округа. Это сліяніе понималось такъ, что учитель и главный распорядитель школы будетъ назначенъ учебнымъ вѣдомствомъ, которое переводитъ на себя и всю инициативу школы, священникъ остается только законоучителемъ, подчиненнымъ учителю. Раціонально ли было такое предложеніе? Мы уже не говоримъ о томъ, что уничтожались школы священническія; во имя блага народнаго, можно было принять сліяніе, еслибы оно принесло гораздо луч-

щее состояніе этимъ школамъ и разумное устройство. Но кто такой учитель и распорядитель школы, которому будетъ подчиненъ священникъ? Г. Чечуринъ ловко заходитъ общественное мнѣніе, называя этихъ учителей магическимъ титуломъ «молодаго поколѣнія»; онъ боится описать познанія, способности и нравственное достоинство этого сорта «молодаго поколѣнія», и когда ему приходится рѣшительно сказать, что это «молодое поколѣніе»—исключенные семинаристы и гимназисты, юнкера, дьячки, онъ простодушно увѣряетъ, будто не понимаетъ, что тутъ смѣшнаго, и, стараясь увѣриться, что тутъ рѣчь идетъ о *званіи* (?), смѣло отвѣчаетъ: «Мы не видимъ тутъ ничего смѣшнаго, и отвѣчаемъ, что въ педагогической школѣ, (въ которой обучали этихъ лицъ методамъ преподаванія) есть люди, отъ которыхъ не требуютъ *ни дворянскихъ метрикъ, ни аттестатовъ*, весьма часто свидѣтельствующихъ о препровожденіи времени въ извѣстномъ учебномъ заведеніи, а требуютъ опредѣленныхъ (въ чемъ же? Нигдѣ объ этомъ не говорится у него) познаній и желанія посвятить себя дѣлу народнаго образованія.... Вѣдь предлагаютъ же образовать учителей для народа *изъ среды самаго народа.*» Словоохотливый въ описаніи духовной стороны священниковъ, г. Чечуринъ вотъ какъ обходитъ ту же сторону новыхъ народныхъ учителей. Пишущій эти строки весьма хорошо знаетъ многихъ изъ бывшихъ учениковъ педагогической школы и нынѣшнихъ народныхъ учителей. Двое изъ нихъ—числившіеся два года вольнослушающими въ университетѣ, а одинъ окончившій курсъ семинаріи. Эти три кандидата были такою счастливою находкою для учебнаго вѣдомства, что для нихъ сочли низкимъ пройти трехмѣсячный курсъ педагогической школы, и отправили ихъ на первыя мѣста тотъ часъ по заявленіи ими желанія. Но эти лица (да простятъ они намъ) ни въ какомъ случаѣ не идутъ въ рядъ съ обыкновеннымъ священникомъ. Но если эти 3 лица были находкою, то что сказать объ остальныхъ? Одинъ изъ нихъ исключенъ изъ семинаріи въ 50-хъ годахъ, и, до поступления въ педагогическую школу, былъ дьячкомъ; и этотъ оказался лучшимъ изъ 40 учениковъ школы, и потому опредѣленъ учителемъ вслѣдъ за первыми. Другіе ученики этой школы—исключенные изъ 5 класса семинаріи и изъ гимназій, юнкера и под. Какія же у нихъ *опредѣленные* познанія? Къ

чему туманить людей, приписывать этимъ лицамъ «желаніе по-свящать себя дѣлу народнаго образованія,» когда имъ просто некуда было дѣваться, рады готовому куску хлѣба, а между тѣмъ предлагаютъ 100 руб. отъ министерства, 100 руб. или и болѣе отъ общества, такъ же квартиру, огородъ и съветные принасы, участокъ поля (содержаніе, превышающее окладъ профессора семинаріи!)? Въ педагогической школѣ этихъ лицъ обучали методамъ преподаванія, въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ и менѣе. Обучаютъ напр. методамъ преподаванія русской исторіи того, кто не слушалъ самой исторіи! или же о методахъ преподаванія русскаго языка такихъ лицъ, которыя пяти словъ не умѣютъ написать грамотно! И всѣ такіе учителя поѣхали на службу—просто, америку открывать! Было ли бы рациональнымъ подчинять такимъ учителямъ священниковъ? Въ с. Исаякахъ священникъ Креминскій, окончившій курсъ семинаріи студентомъ, былъ шесть лѣтъ учителемъ въ духовномъ уѣздномъ училищѣ, а учебное вѣдомство послало туда учителемъ бывшаго дьячка! Въ с. Гребенкахъ священникъ имѣетъ академическую степень кандидата богословія—какой же смыслъ подчинять его исключенному ученику, котораго туда послали учителемъ?! Что касается нравственности этихъ учителей, которая въ народномъ учителѣ едвали не важнѣе образованія умственнаго, то учебное вѣдомство не представляло никакихъ ручательствъ за нее. «Влѣзть въ чужую душу, говорить г. Чечуринъ съ точки чиновничьяго формализма, трудно (вотъ бѣда!), но въ государствѣ есть законъ, который караетъ преступленіе и охраняетъ соблюденіе гражданскихъ и нравственныхъ обязанностей.» Насколько въ этой наивной фразѣ знакомства съ духомъ и силою преподаванія, видитъ всякій чиновникъ и не невѣжда. Будете поджидать, пока ставовой привезетъ вамъ мнимаго возмутителя народнаго. Дальше съ государственнымъ закономъ не пойдете, духъ обыкновеннаго нравственнаго вліянія не доступенъ ему. Учителя новыхъ народныхъ школъ—исключенные изъ разныхъ вѣдомствъ, или совершенно не имѣвшие хода въ нихъ, а потому далеко неразвитые нравственно. Въ своемъ дѣлѣ они предоставлялись самимъ себѣ, будучи удалены отъ мѣстъ учебнаго вѣдомства. По всѣмъ этимъ причинамъ, его высокопреосвященство кievскій митрополитъ Арсеній соглашался на сліяніе церковныхъ школъ только съ

условіемъ—подчинить новыхъ учителей священникамъ и духовнымъ наблюдателямъ школъ. Въ случаѣ несогласія на такое вліяніе, митрополитъ предложилъ г. попечителю открывать особыя школы, общая дать въ нихъ особыхъ законодателей, съ жалованьемъ, какое можетъ дать учебное вѣдомство. Г. Чечуринъ желчно описываетъ это послѣднее предложеніе. Но онъ забываетъ или скрываетъ то, что оно вынуждено самимъ учебнымъ вѣдомствомъ. Каждый священникъ занятъ своимъ приходомъ и школою, возлагать на него преподаваніе еще въ министерской школѣ было бы не всякому по силамъ; поэтому необходимо было раздѣлить этотъ трудъ, иначе дѣло не пошло бы успѣшно ни въ той, ни въ другой школѣ. Тяжело духовенству дѣлить скудные доходы прихода, но оно принесло вамъ эту жертву. Притомъ же, новые законоучители назначались не по принужденію, а по свободному согласію. Учебное вѣдомство удѣлило имъ 50 руб. сер. въ годъ, и г. Чечуринъ скорбитъ, что это цифра большая! Но почему же для учителя не большая цифра 100 р. отъ министерства, 100 отъ общества, квартира и проч.? Если вы заботитесь «не о числѣ, а о достоинствѣ школъ,» какъ говоритъ министръ, то нѣтъ мѣста вашимъ жалобамъ на скудость отпущенныхъ вамъ суммъ (5 т. р. сер.). Но достоинство поставлено на второмъ планѣ, главное—число....

Г. попечитель кievскаго учебнаго округа не далъ опредѣленнаго отвѣта на условія митрополита. Признали не рациональнымъ, подчинять новыхъ учителей священникамъ—соединить свои учебныя средства съ нравственнымъ вліяніемъ, какимъ пользуется въ деревнѣ священникъ, и какого никогда не могутъ имѣть эти учителя, а значить и удовлетворять нуждамъ деревни, давать силу и значеніе образованію. Учитель такой достигнетъ апогея своей славы, когда наплодитъ въ деревнѣ бойкихъ знатоковъ ариметики, русскихъ склоненій и спряженій, князей и царей; знаніемъ городовъ, рѣкъ и подъ въ Англии, Франціи; больше этого онъ не въ силахъ сдѣлать, какъ по количеству, такъ и по характеру своихъ свѣдѣній, вынесенныхъ изъ 5—6 класса гимназій или семинарій (будучи притомъ въ нихъ худшими учениками), отрывочныхъ, непредставляющихъ для крестьянина очевидной связи съ дѣйствительными, насущными потребностями его. Какимъ образомъ—спрашиваетъ и теперь крестьянинъ—знаніе Азии и Африки, Англии и Фран-

ци улучшить его матеріальный бытъ? Какъ можетъ знаніе склоненій и спряженій и разныхъ былей и небылицъ—сдѣлать его честнымъ человѣкомъ, лучшимъ, чѣмъ онъ теперь? На всѣ эти справедливыя требованія школа не даетъ отвѣта ему, потому что не имѣетъ его въ себѣ: во всѣхъ школахъ эти предметы не имѣютъ образовательнаго значенія, а только готовятъ ученика для другихъ, высшихъ наукъ, образующихъ его, и невозможныхъ въ нынѣшней деревенской школѣ, между прочимъ и по той простой причинѣ, что сами учителя ихъ не проходили, или знаютъ въ предѣлахъ только учебника. Черезъ два-три года и лучшіе ученики забудутъ и склоненія и спряженія, забудутъ *говорить по русски*, дѣлать дроби и именованныя числа, будутъ полагать Парижъ въ Китаѣ, а Пекинъ въ Россіи, останутся тѣми же мужиченками, какими ихъ сверстники, не бывавшіе въ школѣ, а отцы ихъ будутъ грустно поговаривать, глядя на нихъ: «и правда, что наука бесполезна.» Эти познанія не принесутъ никакой пользы не потому, чтобы они были сами въ себѣ для крестьянина бесполезны, но потому, что они сами получаютъ свою жизнь и силу изъ другой науки, основной при первоначальномъ образованіи, возбуждающей міросозерцаніе, развивающей интересъ къ знанію, стремленіе искать и усваивать полезное въ природѣ, книгѣ и проч. Что же способно вызвать эту силу въ душѣ крестьянскаго дитяти, оживлять и двигать его способность пониманія? Укажемъ здѣсь на опытъ человѣка, долгая и неоцѣненная практика котораго надъ образованіемъ крестьянскихъ дѣтей, его глубокія познанія въ народной педагогіи признаны людьми, вполне изучившими народъ,—графа Л. Н. Толстого. Всѣ познанія, какія передавалъ онъ своимъ ученикамъ, усвоились ими холодно, механически: училъ онъ «грамотѣ, объяснялъ явленія природы, рассказывалъ какъ въ азбучкахъ, что плоды ученія сладки,» читалъ русскую исторію, принимался за всеобщую и географію,—выходили отвѣты часто бойкіе, но отвѣчавшій видимо не понималъ дѣла, всѣ были безучастны къ познанію, и скоро забывали выученное. «Я попробовалъ читать имъ библію, и вполне завладѣлъ ими. Они полюбили и книгу, и ученье, и меня. Мнѣ оставалось только руководить ими дальше.» Возобновились потомъ прежнія науки, и пошли весьма успѣшно. Отецъ повторилъ этотъ опытъ во многихъ крестьянскихъ шко-

лахъ и семействахъ, и всюду получилъ одинаковые результаты: отрывочныя безцѣльныя свѣдѣнія систематизировались, получали живую силу, интересъ для учениковъ, развивавшейся все больше и больше. Толстой убѣдился, что возбудить въ крестьянскомъ ученикѣ міросозерцаніе не можетъ ничто, кромѣ Библии. «Я не могу себя представить, какое возможно было бы образованіе, если бъ не было этой книги? «Толстой увлекся, по обыкновенію, этимъ фактомъ, и сдѣлалъ о немъ по этому одно-стороннее заключеніе. Но, очевидно, что въ библии дѣйствовалъ на учениковъ религіозный духъ, религіозныя начала, присутствующіе здѣсь во всей своей цѣльности и общедоступности. Тайственный мезанизмъ простой души разрѣшается самъ собою при соприкосновеніи съ ключемъ религіи, покоющіяся силы природы отзываются родственнымъ сочувствіемъ на голосъ религіи.... Религіозность есть единственная точка съ которой нужно начинать народное образованіе, если хотять, чтобы оно было сознательно, прочно, чтобы познанія не умирали въ ученикѣ, по выходѣ его изъ школы. Г. Чечуринъ вѣруеть въ безусловное значеніе русской литературы для народнаго образованія на томъ основаніи, будто образованное общество не разрывало связи съ народомъ, онъ называетъ нелѣпыми различныя комбинаціи о сближеніи этихъ двухъ лагерей. Блаженная вѣра! Но зачѣмъ же онъ тутъ же соглашается, что «книгъ для народа нѣтъ у насъ,—что всѣ бывшія попытки до сихъ поръ не удались,» когда вся, такъ называемая у насъ народная литература, представляетъ только переводъ понятій и требованій образованнаго общества, русской литературы на языкъ и складъ народный? Онъ, очевидно, не знакомъ съ народною литературою, выдѣлываемаго петербургскими и московскими литераторами—печальниками народнаго образованія; когда встаетъ противъ мнѣнія, что «народъ нашъ не пойметъ русской литературы,» и говоритъ, что «до сихъ поръ мы этого не знаемъ, потому что не видѣли на опытѣ.» Между тѣмъ, постройка комбинацій о сближеніи этихъ двухъ областей развивается все больше и больше и дѣлаетъ обширные успѣхи, какъ у насъ, такъ и въ Германіи. Но крѣпче всѣхъ изъ нихъ у насъ стоитъ та, которая въ существенныхъ пунктахъ сближенія полагаетъ религію, какъ основу внутренняго народнаго міра. Не будемъ, послѣ этого, распространяться о томъ, что священ-

никъ, какъ представитель религіи, какъ человѣкъ самый близкій къ внутреннему состоянію своего прихожанина, имѣеть важное значеніе въ первоначальномъ обученіи крестьянскихъ дѣтей, онъ даетъ ему возбужденіе, силу и опредѣленность, — то, чего не дадутъ ни грамматика, ни исторія, ни географія, ни ариметика; но необходимо, чтобы онъ вполне пользовался своимъ значеніемъ. Условія митрополита открывали возможность организовать такое полное и живое обученіе въ крестьянскихъ школахъ, соединивъ средства учебнаго округа и духовенства.

Но условія эти не вызвали никакихъ дальѣйшихъ соображеній къ взаимному соглашенію, учебное вѣдомство приступило къ открытію *особыхъ* школъ. Какъ же ведется это дѣло? Гражданская власть предписала мировымъ посредникамъ объявить обществамъ крестьянъ, что школы народныя, особыя отъ священническихъ, будутъ открываемы всюду, по заявленіи крестьянами согласія на это. Два года назадъ, эта самая гражданская власть справедливо хлопотала о томъ, чтобы устроить поляковъ отъ народнаго образованія, такъ какъ единственнымъ желаніемъ ихъ въ этомъ случаѣ служить не образованіе, а полонизмъ и католицизмъ народа. Теперь та же власть даетъ участіе въ народныхъ школахъ этимъ полякамъ! Мы уже упоминали, что выѣшніе старшины сельскіе почти всюду избраны по вліянію помѣщиковъ и посредниковъ, а не по желанію народа, на первыхъ порахъ рѣшительно не понимавшихъ ни условій, ни значенія и выгодъ избирательности, и что народъ рѣдко гдѣ въ ладахъ съ старшинами своими, понимающими свои выгоды, или ничего непонимающими, и потому только повинующимися посредникамъ и всякому начальству. Писаря, ближайшіе хранители и знатоки сельскаго закона, темнаго для старшинъ и народа, на половину поляки, остальные отставные чиновники и солдаты, которыхъ во всякое время можетъ смѣнить мировой. Посредники въ деревняхъ—диктаторы. И такъ объявленіе о народныхъ школахъ, переданное чрезъ посредниковъ, давало послѣднимъ всю возможность повести это дѣло такъ, какъ имъ угодно. Слѣдствіемъ этого было *уничтоженіе священническихъ школъ*. Посредники не требовали голоса отъ народа, и передали старшинамъ распоряженіе начальства. Послѣдніе приняли *приказъ*, и употребили всѣ энергическія мѣры къ исполненію его, народъ игралъ пассивную роль, ему не

объявили, что священническія школы могутъ оставаться. Вслѣдъ за тѣмъ, гг. Туловъ и Чечуринъ пріѣзжали въ деревни, «созывали выборныхъ должностныхъ лицъ, и говорили имъ *речь...*» Старшины получили такимъ образомъ все побужденіе дѣлать такъ, а не иначе. Мы уже упоминали, какъ старшина и Мошенъ объявилъ о своемъ приказѣ обществу—уничтожить школы священниковъ и завести другія, въ которыхъ священники не были бы учителями: «мы уже разъ напуганы царскою волею—отвѣчалъ онъ на возраженія народа и священника—и теперь боймось ия не слушать.» На общемъ крестьянскомъ сходѣ священникъ «увѣрился, что намѣреніе и желаніе крестьянъ обучать дѣтей своихъ въ церковно-приходскихъ школахъ неизмѣнно, и что другаго ученія они не желаютъ.» Но приговоръ отъ лица *общества* нисколько въ немъ не участвоваго подписанъ старшиною и писаремъ, предназначавшимся въ учителя новой школы, и посланъ посреднику. Тотъ часъ многіе изъ народа пришли къ священнику увѣрить его, что они «не давали своего согласія на этотъ приговоръ,» а напротивъ желаютъ, «чтобы дѣти ихъ учились въ церковной школѣ» (нужно замѣтить, что школа свящ. Крамаренкова одна изъ лучшихъ, и что самъ онъ извѣстенъ въ духовныхъ журналахъ умными статьями о разныхъ общественныхъ нуждахъ деревни). «Крестьянинъ Харитонъ Захарченко объявилъ, что онъ вовсе не былъ при составленіи этого приговора, и подписанъ на немъ *безъ его вѣдома.*» Крестьянамъ, говоритъ свящ. Крамаренковъ, выставлено было это дѣло «какъ *непремѣнная и обязательная воля царская*, отчего и самыя училища названы царскими, и потому неисполненіе сего есть *сопротивленіе царю*»¹⁾. Въ м. Виноградъ, въ с. с. Рѣпкахъ и Павловкѣ, волостной старшина, по предписанію посредника, «*строга приказалъ* старшинамъ сельскимъ, чтобы они отклоняли общества отдавать дѣтей своихъ въ церковно-приходскія школы, и *на мѣсто ихъ* учреждали бы народныя, *угрожая за неисполненіе его приказаній денежными штрафомъ.*» За симъ, старшина и писарь, претендовавшій и получившій школу свящ.

¹⁾ Донесеніе св. Крамаренкова черкасскому протоіерею отъ 19 Дек. 1862 года.

Варгулевича (бывшаго нѣсколько лѣтъ учителемъ въ кievскомъ уѣздномъ училищѣ) открыли въ цѣлой волости народныя школы, «*посредствомъ десятскихъ* забрали дѣтей изъ школъ церковныхъ,» и наняли учителей «едва умѣющихъ читать,» и то только «славянскій букварь и часословъ.» Въ м. Лысянкѣ, Бояркѣ и въ др. пяти селахъ, «по распоряженію мировыхъ посредниковъ,» крестьяне, «*принуждаемые* своими старшинами, должны были согласиться на учрежденіе народныхъ школъ и приговорить извѣстную сумму. Но когда они узнали (конечно не отъ старшинъ и посредниковъ), что ихъ приходскія школы, открытыя духовенствомъ, могутъ существовать и на будущее время, если только они сего пожелаютъ, давъ имъ отъ себя обезпеченіе, то сіи общества съ полною готовностью добровольно согласились приговоренную на открытіе народныхъ училищъ сумму обратить на свои церковно-приходскія школы, и дѣтей своихъ оставить въ завѣдываніи духовенства» ¹⁾. Въ м. Брусиловѣ волостной старшина, по внушенію писаря, составилъ приговоръ: священническую школу обратить въ народную, учителемъ и распорядителемъ долженъ быть писарь, а священникъ его помощникомъ, — созвали сельскихъ старшинъ, и приказали и имъ поступить такъ же въ своихъ деревняхъ, увѣряя, что за это «имъ будетъ награда отъ начальства» ²⁾. Священники сс. Масловки и Емчихи доносятъ наблюдателю школъ церковныхъ каневского уѣзда: «6-го *декабря* козинскій волостной старшина, созвавъ въ волость общества масловское и емчихское, *строго приказалъ* отцамъ обучавшихся полтора года въ церковно-приходскихъ нашихъ школахъ дѣтей, чтобы они высылали съ того времени своихъ дѣтей въ народную школу, устрояющуюся при волостномъ правленіи въ м. Козинѣ... Мальчиковъ гоняли въ м. Козинѣ чрезъ сотскихъ и десятскихъ» ³⁾. Это было въ декабрь. И такъ справедливо передаютъ въ Кіев. Телеграфѣ, что «сотскіе и десятскіе гонятъ босыхъ дѣтей зимою изъ одной деревни въ другую въ школу,» только это дѣ-

¹⁾ Донесеніе свящ. Варгулевича митр. Арсенію 26 окт. 1862 г.

²⁾ Донесеніе свящ. Демченка радомисл. протоіерею 6 окт. 1862 г.

³⁾ Донесеніе священниковъ наблюдателю школъ канев. уѣз. 23 декабря 1863 года.

лается далеко не духовенствомъ... «Сельскій староста *насилъно и противъ воли родителей* забралъ изъ моей школы учениковъ» въ школу волостную ¹⁾ пишетъ свящ. с. Яцюковъ Ѳ. Левицкій. Такія сцены открылись во всѣхъ почти уѣздахъ.

Въ другихъ мѣстахъ ограничивались только прегражденіемъ всякаго хода къ матеріальному улучшенію священническихъ школъ. Стали запрещать крестьянамъ давать дѣльмъ обществомъ обезпеченіе для этихъ школъ, по предложенію священниковъ. Одною статьею «Положеній» о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, признается незаконнымъ тотъ мірской сходъ, на которомъ было менѣе $\frac{2}{3}$ домохозяевъ, имѣющихъ право на голосъ. Писаря—поляки отказывались присутствовать на сходахъ, и по окончаніи ихъ, объявляли, что на сходѣ не было $\frac{2}{3}$ домохозяевъ. Иногда, послѣ этого, домохозяева сами собою снова сходились, тогда писарь прямо отказывался принимать участіе въ этомъ дѣлѣ и угрожалъ старшинѣ судомъ и штрафомъ отъ начальства. Въ м. Коростышевѣ, послѣ первой сходки, писарь—полякъ, объявивъ ее незаконною, не согласился на вторичный сходъ, не смотря на желаніе народа и старшины; священника и уѣзднаго протоіерея онъ привялъ грубо, и коротко объявилъ имъ: «старшина ничего не понимаетъ, я за все отвѣчаю, онъ не смѣетъ сдѣлать что либо безъ моего распоряженія.» Народъ самъ собою снова собрался, и требовалъ утвердить приговоръ. Но старшина, по уходѣ крестьянъ, «объявилъ, что писарь запретилъ ему подписать приговоръ» ²⁾. То же было въ с. *Синявкѣ*: послѣ вторичной сходки, видя желаніе старшины скрѣпить, по настоянію міра, приговоръ, писарь, полякъ Дидковскій «сталъ грозить ему мировымъ посредникомъ и судомъ,» и староста побоялся подписать ³⁾. Посредникъ 5 участка канев. уѣз. Тарнавскій объявлялъ сходы незаконными за то, что они дѣлались подлѣ церкви, а не подлѣ волостнаго правленія. Звенигородскаго уѣзда посредникъ Крицкій объявилъ всѣмъ обществамъ сво-

¹⁾ Доносить благочинному А. Креминскому.

²⁾ Донесеніе радом. уѣзд. протоіерея митр. Арсенію 2 нояб. 1862 г.

³⁾ Доносить благоч. П. Колтоновскій помощнику наблюдателя школъ П. Артемовскому.

его участка напередъ, что тѣ изъ нихъ подвергнутся суду и штрафу, которыя дадутъ обезпеченіе священнической школѣ ¹⁾. Въ с. *Вильно* (радом. уѣз.) писарь, полякъ Добжанскій, послѣ разныхъ отказовъ подписать приговоръ, объявилъ, что безъ мирового посредника, онъ не можетъ этого сдѣлать. Священникъ поѣхалъ къ посреднику; но послѣдній сказалъ, что не можетъ этого сдѣлать безъ мирового съѣзда, Священникъ поѣхалъ на съѣздъ; тутъ сказали ему, что нельзя этого сдѣлать безъ губернскаго присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, и предложили ему ѣхать въ Кіевъ. Священникъ счелъ за лучшее возвратиться домой, и прекратить это дѣло ²⁾. Въ с. *Березовкѣ* (радом. уѣз.) крестьяне заготовили матеріалъ и приступили къ постройкѣ дома для школы на *церковной* усадьбѣ. Тогда посредникъ Зубовскій приказалъ остановить постройку, на томъ основаніи, будто земля эта спорная. Восемь старожилловъ тотъ часъ составили актъ, въ которомъ объявляли, что усадьба эта болѣе 20 лѣтъ уже находится въ непрекословномъ владѣніи церкви, и только въ послѣднее время мѣстный помѣщикъ секретно *подсымалъ* одного крестьянина напасть на эту усадьбу, и отобрать ее отъ церкви.

Гражданская власть и губернское присутствіе по крестьянскимъ дѣламъ, на сообщеніе объ этихъ фактахъ епархіальнаго вѣдомства, отвѣчали, съ голоса мировыхъ посредниковъ, что сходы общественные дѣлались незаконно. Но мы видѣли, кто и какимъ образомъ выставлялъ ихъ незаконными... Далѣе говорили, съ того же голоса, что духовенство *принуждаетъ* крестьянъ къ составленію приговоровъ. *Кіев. Епарх. Вѣдомости* тогда же заявили справедливое требованіе указать факты принужденія, а не выставлять однѣ общія фразы объ этомъ; но фактовъ до сихъ поръ не представлено. Мы рѣшительно не понимаемъ, какимъ образомъ священникъ, совершенно выдѣленный отъ всякаго формальнаго участія въ общественныхъ дѣлахъ деревни, можетъ *принудить* цѣлое общество дѣлать денежный сборъ на школу!... Заключали свой отвѣтъ представ-

¹⁾ Донесеніе благоч. Ильяшевича прѣосв. Серафиму, 12 нояб. 1862 г.

²⁾ Донесеніе благоч. П. Сенаторскаго прѣосв. Серафиму, 23 февр. 1863 г.

леніемъ, что теперь, когда крестьяне обременены множествомъ расходовъ и сборовъ, нельзя вводить ихъ въ какіе либо новые расходы. Это отвѣчали въ то время, когда чиновники отъ учебнаго округа и генераль—губернатора, собирая выборныхъ должностныхъ лицъ, говорили имъ рѣчи, между прочимъ съ цѣлію, какъ говоритъ одинъ изъ нихъ, г. Чечуринъ: «*побудить* крестьянское общество участвовать въ дѣлѣ учрежденія училища (отъ министерства) какимъ либо *денежнымъ сборомъ* въ пользу дополнительнаго содержанія учителя,» и когда ученикамъ педагогической школы напередъ объявляли, что вромѣ 100 руб. жалованья отъ министерства, они будутъ получать отъ общества: столько же рублей, квартиру, огородъ!.. Народъ знаетъ своихъ священниковъ, приходскую школу считаетъ *своею*, потому что она явилась единственно по непосредственному соглашенію съ нимъ священника, онъ во всякое время повѣряетъ эту школу, съ священникомъ онъ—свой человѣкъ. Школы же, открываемыя посредниками и волостью, «по приказу начальства,» называютъ *казенными*, интересомъ посредника, писаря и старшины. На священническую школу они жертвуютъ по добровольному и общему приговору; приговоры на казенныя школы составляются старшиною и писаремъ, и только впоследствии объявляются народу для непремѣннаго исполненія. На чьей же сторонѣ принужденіе?

Разумѣется, что сдѣлавшіе чрезъ мировыхъ посредниковъ распоряженіе о народныхъ школахъ вовсе не имѣли въ виду всѣхъ указанныхъ нами результатовъ, а желали только узнать объ этомъ голосъ народа. Но нельзя сказать, что распоряженіе это сдѣлано не опрометчиво. Если когда, то именно въ этомъ случаѣ шляхта проявила несостоятельность учебной стороны сельскихъ школъ, зная напередъ, что учебное вѣдомство и гражданская власть не могутъ дать вдругъ учителей для 1400 деревень, и что она сама чрезъ мировыхъ посредниковъ будетъ избирать и назначать для нихъ учителей, и управлять школами. Идеалъ недавно совершившихся событій, невозможно сказать, чтобы дѣятеля посредниковъ и писарей—шляжковъ имѣли въ виду интересы русскаго правительства и русской народности, всякій полякъ въ душѣ отказался бы отъ такой чести. Священники тогда же всюду особенно въ родномъ. уездѣ говорили это самое. Мировой посредникъ Т., на котораго ~~наиболѣе~~

жалобъ отъ священниковъ, на прозбу священника с. О. утвердить приговоръ общества объ обезпеченіи приходской школы, сказалъ, что утвердить, если школу «подчинять его вліянію, и если въ приговорѣ будетъ написано: *и подѣ вліяніемъ мирового посредника.*» Въ декабрѣ прошлаго года посредникъ созвалъ подвѣдомыхъ старшинъ, а гораздо болѣе шляхты на экзаменъ въ народной школѣ села И. и, предваривъ первыхъ рѣчью: «вотъ посмотрите, какъ *наши* учителя учать, не то что ваши попы и дьяки, они ничему васъ не научать.» Старшины не знали, что ученики новой (*панской*) школы всѣ почти два мѣсяца назадъ отобраны отъ священника, у котораго они учились уже около двухъ лѣтъ, и простодушно удивлялись, какъ это паны въ два мѣсяца такъ многому научили дѣтей. Самимъ ученикамъ напередъ было заказано, при публичномъ спросѣ, отвѣчать, что нигдѣ прежде сего ничему ни учились, что и исполнено «хотя нѣкоторые изъ высшихъ учениковъ и посмѣялись этой выходкѣ»—замѣчаетъ мѣстный священникъ. «Дрязги, мелочь, не стоющая вниманія»—скажетъ холодный читатель. «Смотрѣть, скажемъ словами г. Чечурина, представившаго подобную *мелочь* со стороны духовенства, сдѣлавшую *нѣкоторыми* лицами *при нѣкоторыхъ* торжественныхъ случаяхъ (жаль, что не указано прямо какими лицами и при какихъ случаяхъ; но такова ужъ метода его)—смотрѣть серьезно на подобную выходку нельзя; но можно записать ее какъ характеристическій фактъ, свидѣтельствующій объ извѣстномъ (уровнѣ развитія и образованія, говоритъ онъ)» расчетъ шляхты на народное образованіе и на разьединеніе народа отъ духовенства.—Кому полезно такое разьединеніе? Какимъ образомъ нельзя было предвидѣть всѣхъ этихъ случаевъ (а сколько было скрытныхъ и непрямыхъ!), дѣлая извѣстное распоряженіе чрезъ мировыхъ посредниковъ? Нынѣшняя власть сама признала, что прежняя сдѣлала такое распоряженіе поспѣшно ¹⁾.

Нѣ эти произвольныя и никѣмъ не оправдываемыя поступки, скажутъ намъ; они не имѣютъ никакой связи съ тѣми приемами, какіе избирало учебное вѣдомство при открытіи сво-

---

¹⁾ Отношеніе г. генералъ-губернатора на имя преосвящ. Серафима. 16 марта 1863 года.

ихъ школъ. Мы сильно желали бы убѣдиться въ этомъ, но на перекоръ этому убѣжденію идутъ факты за фактами.

1). Учебное вѣдомство, минуя вполне рациональное распоряженіе «заботиться болѣе о достоинствѣ, а не о числѣ школъ,» рѣшило открыть свои школы въ *каждой* деревни. Но не грустна ли эта затѣя въ окружномъ учебномъ вѣдомствѣ? Если на 19 открытыхъ имъ школъ оно набрало учителями *исключенныхъ* семинаристовъ, гимназистовъ, юнкеровъ и проч. то кого бы и гдѣ бы нашло оно на 1400 школъ? А надзоръ за этими школами—вѣдь 5 т., отпущенныхъ министерствомъ на каждую губернію, едва стало бы на однѣ разѣзды (безполезныя) чиновниковъ учебнаго округа?! Устраивать школы, опредѣляя въ нихъ учителями отставныхъ солдатъ, какъ пришлось бы, волостныхъ писарей и под., только бы не священниковъ, не значило ли бы это, только уничтожить школы священниковъ? Указанное нами распоряженіе гражданской власти предъявляло объ этомъ намѣреніи учебнаго вѣдомства, и мы видѣли, что произвело оно по деревнямъ. Въ этихъ результатахъ нельзя не винить и учебнаго вѣдомства. При открытіи въ деревнѣ такихъ школъ, общимъ вопросомъ было бы: что же школы священниковъ? Отвѣтъ подразумѣвался: онѣ ниже всякой критики»—г. Чечуринъ объявляетъ объ этомъ. Затѣя эта недавно только оставлена простымъ стороннимъ объясненіемъ, что на 5 т. можно учредить не болѣе 20 школъ, а не 1400.

2). Мы уже видѣли, каковъ былъ первый шагъ чиновниковъ, посланныхъ для открытія новыхъ школъ. Наше правительство, относительно народнаго образованія, рѣшилось слѣдовать англійской системѣ. Англійская система—лучшая изъ всѣхъ, и весьма желательно, чтобы она утвердилась у насъ; но тамъ чиновники не ѣздятъ по деревнямъ, и не выкликаютъ непонятными для народа рѣчами: не хочетъ ли кто правительственной школы? Тамъ ожидаютъ инициативы дѣла отъ самаго народа. Съ другой стороны, англійскій чиновникъ не то для своего народа, что чиновникъ русскій для народа русскаго; тамъ отношенія ихъ свободны, а у насъ одинъ страхъ проникаетъ мужика въ присутствіи губернскаго чина, хотя бы этотъ чинъ велъ себя какъ только можно либеральнѣе. Далѣе, тамъ народные выборы правители вполне связаны съ интересами своей деревни, а у насъ пока этой связи нѣтъ, потому что

народъ еще не опытенъ въ свободѣ сужденія и голоса, а дворянская среда далеко не покинула своего духа касты и исключительности личныхъ интересовъ, особенно въ западныхъ губерніяхъ. Вотъ почему поѣздка чиновниковъ нашихъ для полученія народнаго голоса, нераціональна, она можетъ только задавать народу чиновничій голосъ, приказъ. Превосходная англійская система въ рукахъ нашего чиновничества стаетъ дикою, деморализующею народъ. Очевидно, что для этой системы не пришло еще у насъ время.... Одно можетъ служить оправданіемъ такихъ поѣздокъ, это необходимость поспѣшить школами при напорѣ польской пропаганды. Но разумно ли будетъ сказать, что исключенный семинаристъ, гимназистъ и под. успѣетъ лучше оградить русскую народность въ простомъ народѣ, чѣмъ священникъ? Не смѣшно ли будетъ полагать, что обученіе дѣтей арифметикѣ, русскимъ склоненіямъ и спряженіямъ и под. разъяснитъ народу его національность? Мужикъ несравненно крѣпче всякаго гимназиста понимаетъ, что онъ—не полякъ, а русскій, и это пониманіе основываетъ почти исключительно на религіи; до исторіи, политики, вообще до научныхъ пріемовъ ему нѣтъ никакого дѣла, да и слишкомъ не скоро еще примется онъ за нихъ. И такъ, надежда поддержать народность при нынѣшнихъ польскихъ затѣяхъ, посредствомъ новыхъ народныхъ школъ неосновательна. Что же послѣ этого можно сказать объ этой поспѣшности учредить особыя школы для народа?

3). Какъ открывались эти школы? Соблюдена ли при этомъ та священная заповѣдь первоначальнаго образованія, которая отрицаетъ духъ касты, вражды, вызывающей не образованіе, а возбужденіе къ одностороннимъ узкимъ стремленіямъ? Послѣ указаннаго нами отвѣта митрополита на предложеніе о сляніи школъ, вели дѣло это безъ всякаго сношенія съ духовною властью, не смотря на то, что встрѣчались съ ея значеніемъ на каждомъ шагу. Въ деревнѣ священникъ узнавалъ объ открытіи новой школы только тогда, когда пріѣзжалъ уже учитель и начинались воинственные отношенія къ школѣ церковной. «6 октября, пишетъ священникъ села Потокъ, прибылъ въ Потокъ *какой-то* (вотъ какъ учредители школъ удаляли священниковъ отъ участія въ этихъ дѣлахъ) учитель, и съ 17 числа началъ въ управѣ обучать мальчиковъ....» Новая школа

учреждалась такъ, что священникъ видѣлъ себя вдругъ отрѣ-
шеннымъ отъ своей школы, ученики и домъ его училища ока-
зывались въ рукахъ *какого-то* учителя. Г. Чечуринъ увѣря-
етъ, что того желали сами отцы этихъ учениковъ и весь на-
родъ, по сознанию будто бы неудовлетворительности священни-
ческаго обученія. Это совершенная клевета, подѣсанная толь-
ко для оправданья чисто чиновничьихъ приѣмовъ въ учрежденіи
школъ. Мы видѣли, на чьей сторонѣ былъ народъ, при объяв-
леніи ему старшинами о волѣ начальства касательно школъ,—
видѣли, въ комъ гг. Туловъ и Чечуринъ думаютъ видѣть на-
родъ и его голосъ. Говорить такъ со словъ пугливыхъ предъ
чиновникомъ, предупрежденныхъ *рѣчью* старшинъ (но мы
крѣпко сомнѣваемся, чтобы даже старшины могли сказать объ
этомъ такъ, какъ говоритъ г. Чечуринъ), значить поступать
слишкомъ опрометчиво и недостойно чиновниковъ—представи-
телей двухъ высшихъ вѣдомствъ края. Но на дѣлѣ было со-
вершенно обратно. «Того же числа—продолжаетъ священникъ
с. Потокъ—сельскимъ старостою *самовольно* забраны прежніе
наши ученики изъ квартиръ дьячка и дьякона въ ту же упра-
ву.» ¹⁾ «Свѣтскіе—пишетъ священникъ м. Стеблева, отлично
устроившій свою школу—позавидовали вѣроятно дому для шко-
лы, по моему совѣту, прекрасно устроенному, и потому ми-
нистерская школа наипервѣе, по уѣзду, устроена въ моемъ при-
ходѣ, въ домѣ назначенномъ прежде для моей школы и *от-
нятомъ изъ моихъ рукъ*» ²⁾. И въ каждомъ мѣстѣ, гдѣ
только открыты эти школы онѣ являлись только превращеніемъ,
посредствомъ мѣстной полиціи, школъ священническихъ. Народъ
только пугливо глядѣлъ на эту новую для себя государствен-
ную повинность; боясь, чтобы его голосъ не назвали возмуще-
ніемъ, бунтомъ, и спѣшили заявить священнику своему свое
несочувствіе къ дѣлу старшинъ, и желаніе, чтобы его дѣти
«навсегда оставались въ завѣдываніи православнаго духовенства,»
какъ это мы выше упоминали о прихожанахъ м. Мошенъ, м.

¹⁾ Донесеніе свящ. Соболевича мѣстн. наблюдателю школъ
19 окт. 1862 года.

²⁾ Донесеніе свящ. Левичаго мѣст. наблюдателю школъ
24 окт. 1862 года.

Лысянки, Боярки и др. Въ м. Сарнахъ священникъ Купріевичъ узвалъ о путешествіи сюда гг. Тулова и Чечурина только тогда, когда писарь—полякъ и старшина купили еврейскій домъ для школы, и рѣшили забрать для ней учениковъ священника «по приказу самаго царя.» Но въ ближайшій воскресный день, послѣ литургіи, всѣ прихожане подлѣ церкви объявили, что «они всѣ не согласны на учрежденіе новой школы, а желали бы дать лучшее устройство церковноприходской школѣ, которою всѣ остались довольны» ¹⁾. Такъ учреждались и всѣ прочія школы: старшина и писарь, во «исполненіе воли начальства, приказа царскаго,» безъ вѣдома народа и священника полагали окладъ на учителя, отнимали всѣ средства отъ школы священнической, посредствомъ десятскихъ приказывали ученикамъ ходить къ новому учителю. Шли за тѣмъ толки въ деревнѣ, почему это начальство запрещаетъ священникамъ обучать дѣтей, а даетъ учителей «отъ казны?» Что говорили на это въ рѣчахъ своихъ гг. Туловъ и Чечуринъ, объ этомъ они сами не объявляютъ, хотя они, держась совершенно въ сторонѣ отъ духовенства, не могли не предполагать этихъ толковъ, и не сказать въ предупрежденіе ихъ что нибудь. Откровеннѣе и рѣзче всего рѣшала эти вопросы беззащитная шляхта: она объявляла, что все это сдѣлано по ея старанію, что священники не умѣютъ учить, и «только обманываютъ народъ,» что «имъ не нужно вѣрить ни въ чемъ» ²⁾. Мы уже упоминали о рѣчи одного мирового посредника каневского уѣзда, которою онъ предупредилъ старшинъ, созвавъ ихъ на экзаменъ въ министерскую школу с. Исаекъ: «вотъ посмотрите, говорилъ онъ, какъ наши учителя не то что ваши попы и дьяки, они ничему васъ не научатъ.» (см. выше). Писаря—поляки были эхомъ посредниковъ; старшины твердили, что «такова воля царская» начальство не хочетъ священниковъ.—Что же сами учителя? Намъ грустно приводить то, что рассказываютъ о мнѣніи ихъ въ этомъ дѣлѣ священники. Малоразвитость, независи-

¹⁾ Донесеніе свящ. Купріевича наблюдателю школъ Киселевичу 24 февр. 1863 года.

²⁾ Донесеніе благочиннаго Иллешевица (звенигор. уѣз.) преосв. Серафиму 12 нояб. 1862 года.

мость въ деревнѣ, напутствованіе ихъ общими риторическими фразами о самоотверженіи, о высокому служеніи и значеніи ихъ, дали имъ мнѣніе о себѣ, какъ о колумбахъ своего рода. «Что ожидаетъ васъ, обращается къ нимъ г. Чечуринъ, въ новой сферѣ избранной вами дѣятельности? Жизнь въ *глуши*, въ бѣдной и *грубой* средѣ (вотъ перлы въ грязи, подумаешь!), трудъ тяжкій и ничѣмъ не поощряемый, суровыя требованія принятой вами обязанности. Это съ моральной стороны. Съ матеріальной—васъ ожидаетъ 100 руб. жалованья, можетъ быть, *столько же* дополнительнаго содержанія отъ крестьянъ, тѣсная комнатка, кусокъ земли... и *больше ничего!* (Окладъ этотъ равняется, и даже превзойти жалованье профессора семинаріи). Служба ваша не считается государственною службою (какая жалость!)... Что же побудило васъ избрать этотъ *мужой* и *тернистый* путь? (Кусокъ хлѣба, выгодный для нихъ, по ихъ способностямъ и прежнему положенію, знаемъ мы несомнѣнно). *Разумѣется не матеріальныя выгоды...* Въ вашихъ сердцахъ есть предчувствіе того *важнаго значенія*, какое вы *получите* въ раждающейся жизни народной. Въ вашей готовности пойти тяжкимъ путемъ труда есть своего рода *героизмъ*; *благородное* и *высокое побужденіе* даетъ вамъ силы обречь себя на *бѣдность* (!) и трудъ. Бѣдный сельскій учитель, *темнаго* происхожденія (г. Чечуринъ остается убѣжденнымъ, что улыбки при видѣ этихъ учителей вызываются только ихъ *происхожденіемъ*), не имѣющій *ни чиновъ*, *ни крестовъ* (глубокое горе чиновничье!) и *едва-едва* имѣющій кусокъ насущнаго хлѣба (!), получаетъ въ жизни народной *большее значенія*, *чѣмъ совѣтникъ губернскаго правленія...*» Подумаешь, что это отрывокъ изъ «Дневника темнаго человѣка» (въ Рус. Словѣ). И предъ кѣмъ расточаются эти фразы? Вѣдь намъ извѣстны почти всѣ эти учителя; несравненно полезнѣе было бы научить ихъ, въ чемъ состоитъ народное образованіе, да улучшить ихъ собственныя познанія, далеко не отвѣчающія потребностямъ народа. Такъ и поѣхали эти учителя только съ увѣренностію, что они имѣютъ *важное значеніе*, *большее, чѣмъ совѣтникъ губернскаго правленія*, что они показываютъ великое самоотверженіе, забываясь въ *глуши*, въ бѣдную и *грубую* среду! Пришли за тѣмъ вѣсти, что первымъ дѣломъ ихъ было поссориться съ священникомъ—

прежнимъ учителемъ народа, и выставить народу на видъ, что прежняя наука ихъ дѣтей была только уродствомъ, что не даромъ же его прислало само министерство. *Тайныя покутенія священниковъ*—говоритъ г. Чечуринъ—*повредить* въ самомъ началѣ вновь рождающимся училищамъ заключались въ доносахъ и *распущеніи ложныхъ слуховъ* о поведеніи и худой нравственности народныхъ учителей. » Вотъ какъ относится г. Чечуринъ къ голосу священниковъ! Одно дѣло, дѣйствительно по жалобѣ священника, разбиралъ самъ г. Тудовъ, и г. Чечуринъ, на основаніи этого разбирательства вины овоего птенца, считаетъ себя въ правѣ сказать: «*Доносы эти по тщательной повѣркѣ оказались ложными.* »

«Цѣль этой статьи—заключаетъ г. Чечуринъ—показать публикѣ *раціональность дѣйствій учебнаго вѣдомства въ дѣлѣ народнаго образованія* и высказать безъ всякой горечи *истину нашему духовенству....* » Но мы видѣли, на сколько раціональны дѣйствія этого вѣдомства, и насколько въ статьѣ г. Чечурина истины о духовенствѣ кievской епархіи.—Считаемъ нужнымъ еще сдѣлать два замѣчанія: а). Духовенство кievской епархіи никогда не считало народнаго образованія своею исключительною привилегіею, собственностью своего званія, оно стояло за мысль, которой всегда будетъ держаться, что первоначальное образованіе тогда только прочно, развитіе тогда правильно будетъ, когда оно будетъ начинаться и сопровождаться религіознымъ духомъ,—что и народъ нужно и можно возбуждать къ истинному, полезному для него, а не къ пустому и бесполезному образованію только съ точки религіозной. Если оно настаиваетъ, что народное образованіе нужно теперь поручить ему, то это потому, что учебное вѣдомство русское далеко не въ состояніи дать народнымъ школамъ своихъ *хорошихъ* учителей, и еще не скоро найдетъ ихъ у себя, и потому, что народъ самъ предпочитаетъ учителя—священника всякому другому. б) Духовенство дѣйствительно недовольно новыми министерскими школами въ селахъ; но не потому, чтобы оно, во имя какихъ нибудь своихъ правъ и привилегій, само хотѣло завладѣть народнымъ образованіемъ, и чтобы оно счи-

тало свѣтскую науку—«заморскою мудростью, невѣрующею въ Бога,» какъ старается увѣрить въ этомъ себя и другихъ г. Чечуринъ, а потому, что школы эти дѣйствительно дурны, по неразвитости своихъ учителей, по насилію народной воли, наконецъ по враждебности къ духовенству, какою проникнуть весь процессъ устройства ихъ. У священника есть своя святая школа, въ которой онъ можетъ всегда и всѣхъ, а не однихъ дѣтей прихожанъ, поучать всему доброму, развивать міросозерцаніе и нравственныя силы ихъ,—берите отъ него школы грамотности, если чувствуете себя въ силахъ къ этому, и если считаете это своимъ патентомъ, гербомъ, но давайте народу лучшее, а не худшее, иначе духовенство, которое, и по историческимъ своимъ судьбамъ, такъ рѣзко напоминаемымъ нынѣшними польскими стремленіями, и по своему служенію, тѣснѣе всѣхъ связано съ народомъ, никогда не будетъ молчать, хотя бы противъ него выступали и сотни такихъ почтенныхъ импровизаторовъ, какъ г. Чечуринъ, забывающихъ, или же затемняющихъ истинное достоинство новыхъ школъ, и выѣзжающихъ только на безусловномъ поражении достоинствъ духовенства.

Е. Ер—скій.

Приложенія къ предыдущей статьѣ о народныхъ школахъ.

1.

ЕГО ВЫСОКОБЛАГОРОДИЮ,

господину мировому посреднику 5-го участка, радомысльскаго уѣзда,

хабенскаго волостнаго правленія,

прошеніе.

Такъ какъ при открытіи въ мѣстечкѣ Хабномъ народной школы инспекторомъ казенныхъ училищъ, существовавшія въ нашей волости двѣ приходскія школы имѣли быть уничтоженными, то хабенское волостное правленіе по общему совѣту признало необходимымъ оказать хотя и съ трудностію всевозможное содѣйствіе въ открытіи народной школы. Нынѣ же, когда приходскія школы незакрыты и таковыя существуютъ, въ которыхъ, какъ

замѣчено нами, что крестьянскіи дѣти болѣе пользуются науками, чѣмъ въ народной школѣ, а тѣмъ паче, что въ настоящее время мы нестѣсняемся ни какимъ платежемъ, ни другими вознагражденіями за обученіе дѣтей въ приходскихъ школахъ, а потому хабенское волостное правленіе честь имѣеть покорнѣйше просить вашего высокоблагородія сдѣлать со стороны своей надлежащее распоряженіе, отнестись куда слѣдуетъ, или, на основаніи предписанія г. начальника кіевской губерніи, отъ 16 прошлаго августа, конмъ предоставлено на волю временно-обязаннымъ крестьянамъ отдавать дѣтей въ народныя или приходскія училища, дозволить намъ самимъ просить объ уничтоженіи народной школы, и тѣмъ самымъ отвратить отъ насъ излишніе расходы; въ чемъ и подписался хабенской волостной старшина Михайль Возмоновъ.

2.

Приговоръ саливанскаго общества.

1863 года мѣсяца января 8 числа, собранъ былъ сельскій сходъ, на которомъ разсуждено: октября мѣсяца прошлаго 1862 года послѣднихъ числахъ прибылъ въ нашу волость неизвѣстно кто, по фамиліи Крымскій и получено нами 72 руб. 50 коп. серебр. денегъ на его содержаніе, съ тѣмъ, что онъ будетъ обучать нашихъ дѣтей; но до настоящаго времени деньги Крымскимъ почти всѣ забраны, а изъ селенія Гребенокъ никто не посылаетъ ни одного мальчика и что въ приходѣ нашемъ устроена нами школа церковноприходская подъ нашимъ попеченіемъ и надзоромъ священника, въ которой обучаются дѣти наши тому же самому, чему учитъ и г. Крымскій. Учитель этотъ постоянно дѣлаетъ претензіи къ обществу, требуетъ сторожа, котораго содержаніе намъ обходится почти столько же, сколько и вся церковная школа, требуетъ топлива, когда мы едва имѣемъ отапливать чѣмъ управу, перестройка, переноска гнилаго дома, когда у насъ не сдѣланъ магазинъ, постоянно скорить насъ съ г. мировымъ посредникомъ, жалуясь ему на насъ, что мы ему не даемъ мальчинокъ, отолченіе и проч. Этими самымъ такъ вооружилъ противъ себя, что никто нехочетъ имѣть съ нимъ дѣла, и староста сельскій отказывается имѣть какія либо пособія учителю Крымскому на томъ основаніи, что (§ 46 прим. 6) старосты сельскіе не обязаны нисколько заниматься училищемъ, заведеннымъ не отъ общества. Съ водвореніемъ учителя Крымскаго у насъ постоянное неспокойствіе, ненужные хлопоты, а ученіе его намъ совсемъ излишне, за имѣющимися тремя церковноприходскими школами въ волости Гребенкахъ, Пиньчувахъ и самихъ Саливанкахъ, которыхъ содержаніе упрочено приговорами сельскихъ сходоу; стало быть для г. Крымскаго казенныя деньги тратятся совершенно напрасно, и самъ онъ кое что дѣлаетъ противно на-

шему благочестію, что памь хорошо извѣстно. Вслѣдствіе какого приговора и разсужденія, просимъ покорно волостное правленіе ходатайствовать, гдѣ слѣдуетъ, чтобы учитель г. Крымскій былъ отъ насъ отозванъ и употребленъ въ другое мѣсто, гдѣ въ немъ нуждаются. Въ томъ и подписались: деревни Саливановъ сельскій староста Григорій Пуринъ; жители, крестьяне: Евфимъ Майка, Никита Индыкъ, Семень Периченко, Павелъ Дещенко, Дорншъ Индыкъ, Яковъ Дещенко, Кузьма Пуринъ, Логвинъ Пуринъ, Саустьянъ Тонковидъ, Игнатъ Тонковидъ, Мойсей Зануда, Федоръ Зануда, Федоръ Пуринъ, Ковдрать Яценко, Наумъ Яценко, Иванъ Рябуха, Авраамъ Степаненко, Сакъ Литвиненко, Прохоръ Плоденко, Данило Степаненко, Лаврентій Сиденко, Лукьянъ Литвиненко, Мина Корпѣенко, Василій Шафранъ, Олексій Лютий, Никита Тонковидъ, Степанъ Степаненко, Яковъ Степаненко, Петръ Лисинъ, Сверидъ Чайка, Данило Тонковидъ, Иванъ Черношкуръ, Степанъ Усь, Прокопъ Степаненко, Емельянъ Рябуха, Антоновъ Григоренко, Игнатъ Руденко, Константинъ Губенко, Захарій Щербакъ, Авдій Бугай, Исаія Бугай и Софронъ Кулида; а за нихъ, неграмотныхъ росписался, крестьянинъ: Оеодоръ Плоденко¹⁾.

---

¹⁾ Эти приложенія переданы съ буквальною точностію.

Откликъ «Вѣстника» «Голосу.»

Мы дали себѣ обѣтъ—«не громить соломенныхъ сноповъ нарѣзными пушками;» но, нѣтъ правила безъ исключенія,—и вотъ мы вынуждены направить пушку (быть—можетъ и не нарѣзную,—боимся, чтобы какой нибудь *голосъ* не назвалъ насъ самохвалами) нашу на одинъ снопъ, черезъ чуръ соломенный. Мы разумѣемъ выходку противъ «Вѣстника юго-западной и западной Россіи,» помѣщенную въ 148 № «Голоса.» Выходка эта обнаруживаетъ недобросовѣстность ея автора и ложный взглядъ на нѣкоторые вопросы первой важности, рѣшенные Вѣстникомъ непоколебимо—вѣрно. Качества выходки—какъ видите—хоть и соломенные, но довольно крупныя для того, чтобы можно было оставить ихъ безъ всякаго выстрѣла.

1). Недобросовѣстность «Голоса» доказывается умысленнымъ искаженіемъ цитаты и смысла объявленія о продолженіи изданія Вѣстника и навязываніемъ ему такихъ идей и выраженій, которыя къ нему *существенно* не относятся. Въ выпискѣ цитаты, Голосъ—то навязываетъ Вѣстнику свои идеи, то опускаетъ тѣ, которыя принадлежатъ ему и которыя даютъ совсѣмъ иной смыслъ цѣлой цитатѣ. Если искать этому поступку литературному сближенія въ сферѣ поступковъ нравственныхъ, то его можно, въ своемъ родѣ, сравнить съ кражею чужой собственности и подбрасываніемъ воровскихъ вещей другому, для отвода отъ себя слѣдовъ преступленія. Гдѣ, наприм., «Голосъ» вычиталъ въ объявленіи Вѣстника то, что онъ «началъ издаваться въ то время, когда Россія стояла на краю пропасти, *поколебленная* (?) въ своей вѣрѣ, ослабленная въ своей народности, запутанная въ своихъ между-народныхъ отношеніяхъ, но явился Вѣстникъ—и вынесъ (?) ее на своихъ плечахъ?» Ужъ не *голосъ* ли это человѣка, говорящаго во снѣ?

Быть может эта греза имѣетъ связь съ духомъ объявленія, если не его фразой? Конечно, нѣтъ! Въ объявленіи, правда, сказано, что Вѣстникъ подмѣтилъ кое-какія подкопы современнаго нигилизма подъ твердыни нашей вѣры, кое-какія сепарации, покушенія на цѣлость Россіи и обличилъ ихъ; но, кто изъ людей, изучавшихъ Вѣстникъ, смѣетъ сказать, что это не правда, а тѣмъ болѣе,—кто позволить себѣ вынести изъ этихъ скромныхъ услугъ Вѣстника то заключеніе, что Россія стояла на краю пропасти,—явился Вѣстникъ—и вынесъ ее на плечахъ своихъ! Если въ Россіи есть двѣ-три тысячи нигилистовъ, космополитовъ, два-три десятка вырожденцевъ, ужели она стояла на краю пропасти; если Вѣстникъ, по долгу чести и совѣсти, долженъ былъ обличить ихъ, ужели онъ вынесъ Россію на плечахъ своихъ? Жалкая логика при богатствѣ фантазіи! Далѣе: «его (Вѣстника) фраза (!) бичевала всѣхъ посягателей на цѣлость нашей вѣры и народности и проч.» Сколько бы вы ни курсивили, а несомнѣнно то, что фраза Вѣстника бичевала, громила всѣхъ, кто заслужилъ эту кару. Кто знакомъ съ Вѣстникомъ, тотъ согласится, что мы выразились немножко пластично—образно, но за то—точно и выразительно. Выразиться иначе—значитъ выразиться невѣрно. Но отъ чего бичевала, громила фраза (такъ, по крайней мѣрѣ, можно понимать курсивъ Голоса),—не мысль, не чувство, спросить Голосъ? Отъ того, что мысль и чувство, *сами по себѣ*, бичевать не могутъ, что для бичеванья нужно посредствующее, физическое орудіе, *littera docet, littera nocet*. Далѣе: «онъ (Вѣстникъ) преслѣдовалъ не столько дѣло, сколько намѣреніе и проч.» Голосъ позволилъ себѣ при этой выдержкѣ чисто воровской поступокъ,—онъ укралъ изъ фразы (послѣ слова—преслѣдовалъ) слово—*тутъ*, и смыслъ фразы вышелъ такой, что ее можно, пожалуй, напечатать и курсивомъ. Но честно ли это, предоставляемъ судить всякому честному человѣку? Чтобы законнѣе осудить эту кражу литературную Голоса, посмотримъ какой выходитъ смыслъ этой фразы въ Голосѣ и какой въ объявленіи Вѣстника, съ прибавленіемъ украденнаго Голосомъ—*тутъ*. Голосъ говоритъ, какъ ни въ чемъ не бывало, что Вѣстникъ больше занимается преслѣдованіемъ намѣренія, нежели дѣла. И это—не порокъ, и преслѣдованіе намѣренія—опаснаго, *готоваго* проявиться въ разрушительныхъ фактахъ—

дѣло честное, достойное патриота: но въ объявленіи Вѣстника все-таки мысль эта поставлена совсѣмъ иначе, несравненно частиѣе,—приспособительно къ исключительнымъ явленіямъ. Объявленіе говоритъ: «мы избѣгали (выражаемся короче) полемики; но тамъ, гдѣ выстрѣлы, хотя часто и безвредные, направлены были (не забудьте—только направлены, и выстрѣлы—притомъ—безвредные) въ сердце нашихъ святынь,—въ твердыни нашей Вѣры и народности, Вѣстникъ не щадилъ своихъ средствъ. Онъ преслѣдовалъ *туть*,—въ вышеобъясненномъ случаѣ, не столько дѣло, сколько намѣреніе и проч.» Кто не замѣчаетъ, что слово *туть* даетъ здѣсь мысли совсѣмъ особый отбѣнокъ, что оно составляетъ силу мысли, что оно намекаетъ на тотъ случай и моментъ, когда Вѣстнику нечего было преслѣдовать, кромѣ намѣренія! По неволѣ спросишь опять: честно ли это? А между тѣмъ Голосу такъ понравилось это воровство, что онъ *мотивировалъ* его дважды.

Выдергивая также фразы изъ контекста объявленія съ нужными для Голоса прибавленіями, пропусками и дойдя до того мѣста, гдѣ говорится (и, замѣтимъ, весьма резонно), что Вѣстникъ обличилъ и опровергъ (вмѣсто—*стопталъ въ грязь*, какъ говоритъ Голосъ) бездну лжей и клеветъ, искаженій исторіи и современности, которыя разсѣвали на счетъ Россіи ея недруги,—Голосъ весьма *деликатно и основательно* добавляетъ: «до сихъ поръ, разумѣется, неизмѣющіе (недруги) понятія о Вѣстникѣ.» Голосъ украсился новою добродѣтью—клеветою или незнаніемъ дѣла. Что Вѣстникъ знакомъ его недругамъ, это доказывается и тѣмъ, что съ нимъ немножко знакомъ даже авторъ злостной противъ него выходки. Но Вѣстникъ не слишкомъ гордится этимъ знакомствомъ,—онъ можетъ доказать цифрами, что кругъ его знакомыхъ весьма обширенъ для молодаго изданія: онъ расходуется въ числѣ 2000 экз.; его читаютъ (кто можетъ) во всѣхъ европейскихъ столицахъ и обобщаютъ его идеи съ тѣми, которые по русски читать не могутъ. Его высылаются за границу около 50 экз. и въ томъ числѣ около 20 западнымъ славянамъ. Нѣкоторыя статьи его, напечатанныя по требованію публики—и нашей, и заграничной—отдѣльными брошюрами, разошлись сотнями и тысячами. Брошюра статьи: «Образчикъ миролюбія и правдолюбія поляковъ» была расхватаана въ Галиціи въ 1 часъ вся, безъ остатка.

Брошюры статьи: «Объясненіе одной фразы» и проч. было заказано около 4000 экземпляровъ и проч. и проч. Но мы никогда бы не окончили бесѣды нашей съ Голосомъ, если бы захотѣли исчислять всѣ права и данныя на извѣстность Вѣстника его недругамъ. Не проходитъ недѣли, чтобы Вѣстникъ не получалъ отъ членовъ революціоннаго комитета, то угрозъ, то обольщеній, то прокламацій ¹⁾. Стало быть Вѣстникъ попадаетъ въ цѣль и на не извѣстность свою «недругамъ» пожаловаться не можетъ.

Выдернуть снова изъ объявленія Вѣстника нѣсколько фразъ, ничего не говорящихъ въ пользу намѣренія, которымъ задался Голосъ,—онъ еще хотѣлъ уличить Вѣстникъ въ нескромности и прибѣгнуть къ любимому приему своей полемики,—онъ *подкинулъ* объявленію слово: *собственнаго*, укралъ контекстъ и весьма нужная для дѣла слова: «друзьямъ и сотрудникамъ.» Но оставимъ въ сторонѣ слова и посмотримъ на дѣло. Въ редакціи Вѣстника такъ много данныхъ для подтвержденія той истины, что у Вѣстника много друзей и притомъ изъ числа личностей, дружбою которыхъ можно гордиться и толстѣйшимъ и старѣйшимъ изъ собратій Вѣстника, что обнародованье (не бракуемое скромностью нѣкоторыхъ журналистовъ и авторовъ) ихъ составило бы книжку потолще Вѣстника. Но Вѣстникъ этого не сдѣлалъ по чувству весьма понятному; стало быть, если намекнулъ на своихъ друзей, то именно для того только, чтобы воспользоваться случаемъ благодарить ихъ. Гдѣжь тутъ нескромность? Не называетъ ли тутъ, по обычаю, Голосъ вещи превратными именами?

Вообще Вѣстникъ не имѣлъ ни нужды, ни намѣренія прибѣгать къ *самовосхваленію*. Всякое положеніе объявленія онъ можетъ *подтвердить цѣлымъ рядомъ статей, не прошед-*

---

¹⁾ Что Вѣстникъ не напечаталъ этихъ прокламацій (онъ ихъ имѣетъ 5) это показываетъ его благоразуміе: онъ не хотѣлъ дѣлать того, что нравится врагамъ Россіи,—распространять въ 2000 экземплярахъ тѣ ядовитые памфлеты, которыхъ агитаторы польской революціи не могутъ распространить безъ опасности жизни и 200, и которые могутъ иногда соблазнить не твердыхъ въ политической вѣрѣ.

шихъ безслѣдно въ духъ истиннаго патріота. Самъ Голосъ не заявилъ никакихъ доводовъ въ обличеніе цѣ сувеличенности тѣхъ положеній объявленія, которыя онъ цитировалъ въ своей выходкѣ, не указалъ резонновъ для отрицанія тѣхъ заслугъ Вѣстника, которыя (отрицанія) легче назвать, нежели доказать. Одно изъ двухъ: или Голосъ не изучилъ Вѣстника, или онъ имѣетъ *личныя* причины не раздѣлять убѣжденій, не соглашаться съ выводами и резонами Вѣстника. Если у него есть эти причины, просимъ покорно подѣлиться ими съ нами; иначе мы будемъ имѣть право сказать Голосу: вы сердитесь, слѣдовательно, вы не правы; вы кричите, слѣдовательно, вы не можете сказать дѣла. Когда мы сказали въ началѣ объявленія: «не намъ судить, какъ Вѣстникъ рѣшилъ свою задачу,» потомъ на концѣ: «Вѣстникъ старался выбить непріятелей изъ всѣхъ почти позицій,» то мы ясно отказались отъ обязанности судей въ собственномъ дѣлѣ и поставили на видъ только свои усилія къ одолѣнію непріятелей,—такимъ образомъ альфа и омега нашего объявленія слишкомъ далеки отъ самовосхваленія. А если въ срединѣ этого объявленія и исчисляется краткій переченьъ работъ, которыми занимался Вѣстникъ и которымъ заявили полное сочувствіе всѣ лучшіе друзья Россіи и православія—*сверху до низу*; то этого требовала справедливость и отчетность Вѣстника предъ своими читателями и почитателями. Видали мы, какъ иные толстые журналы самоуслаждались ояміамомъ самовосхваленія и навязывали себѣ такіе подвиги, которые можно усвоить имъ также, какъ пишущему это—взятіе Пуэблы. А Вѣстникъ сдѣлалъ все то, что назвалъ въ своемъ объявленіи и сдѣлалъ, скажемъ безъ самохвальства, добросовѣстно, честно, съ замѣтною пользою для интересовъ нашей вѣры и народности. Доказывать эту истину, значить переписывать здѣсь большинство статей Вѣстника.

Единственное quasi—доказательство Голоса *сыромъ*ности (?) Вѣстника состоитъ въ цитировкѣ нѣсколькихъ словъ и выраженій, выписанныхъ имъ изъ статейки «Современныя недоразумѣнія,» помѣщенной въ «*Приложеніи къ Вѣстнику.*» Эти слова—«дьявольское упорство, уродливая сепаративность, своенравіе, безуміе нѣкотораго рода, мода въ родѣ недуга,» по мнѣнію Голоса—это «самыя унизительныя выходки, самыя ужасныя побранки.» Мы думаемъ, что Голосъ кричитъ, а все-

таки не говорить дѣла. Отъ чего онъ не потрудился доказать, что это брань, что это низость, тогда какъ авторъ статейки наглядно доказалъ, что это истина, что упорство нѣкоторыхъ хохломановъ оязычить малорусское нарѣчіе (не говорите языкъ, иначе вы будете называть вещи чужимъ именемъ) имѣть всѣ примѣты почитованнаго имъ латинскаго афоризма, всѣ признаки сепаратизма, маніи. А какимъ образомъ деликатный Голосъ нашелъ брань и низость въ словахъ: «своеправіе, мода въ родѣ недуга,» мы никакъ себѣ не возьмемъ въ толкъ. Но крупнѣе всего въ этомъ крикъ (о хохломаніи поговоримъ ниже) Голоса то, что онъ подкинулъ эту статейку Вѣстнику, тогда какъ она— совершенно отдѣльное отъ него «*Приложеніе къ Вѣстнику*» (состоявшее внѣ его редакціи)—подарокъ его подписчикамъ, и, въ тоже время, похитилъ фразу: «*Приложеніе къ Вѣстнику.*» Тутъ съ неподражаемымъ искусствомъ Голосъ убилъ однимъ зарядомъ зайца и щуку, сочетавъ въ одномъ поступкѣ двѣ *добродѣтели*. Развѣ нѣкоторые толстые журналы въ состояніи отвѣтить за всю гниль и грязь заграничныхъ романовъ, которыми дарили они, въ видѣ отдѣльныхъ приложеній, своихъ подписчиковъ, и развѣ кто считалъ эти прибавленія самыми журналами?

2). Теперь о хохломаніи. Голосъ думаетъ, что, если **самъ г. Костомаровъ** заявилъ въ немъ (*самомъ* Голосѣ), что хохломаны добиваются того (только), «чтобы грамота перестала служить для народа буквою, которою пугаютъ дѣтей и проч....,» то онъ «объяснилъ это (вопросъ о хохломаніи) со всею силою здравомыслія?» Крайнее, хоть, можетъ быть, и невинное, заблужденіе! Вотъ что значить жить на окраинѣ Россіи и составлять убѣжденія съ чужаго *голоса*! Вотъ что значить смотрѣть на предметъ въ 1500 верстномъ отъ него разстояніи! Не будетъ ли это тоже, что писать путешествіе по Бразиліи, не выѣзжая изъ Петербурга? Вы думаете, что воль скоро, сказалъ кто либо въ Голосѣ, что для народа русскаго русская и славянская азбука—бука, что эти буки пугаютъ дѣтей народа, что онъ не понимаетъ русскаго говора,—то такъ тому и быть? Гдѣ же вы видѣли этотъ народъ, этихъ дѣтей; кто вамъ донесъ, кромѣ немногихъ недѣлимыхъ (также знакомыхъ съ народомъ и дѣтьми его, какъ и вы), что для этихъ дѣтей русская азбука—бука, когда онѣ, безъ усилія немногихъ,

не прошенныхъ народомъ, хохломановъ не имѣлибы и понятія о хохлацкихъ грамоткахъ, не зналибы о существованіи чего либо, кромѣ этихъ буквъ, на которыхъ выучились большія тысячи дѣтей, никогда не пугавшихся этихъ буквъ и понимающихъ ихъ далеко легче и скорѣе, нежели тотъ венигреть изъ польско—русскаго *уніатскаго* нарѣчія, который навязываютъ имъ нѣкоторыя упорныя, либе, злонамѣренныя головы и отъ которыхъ отбивается и руками и ногами народъ, стыдящійся за себя и за васъ, когда вы говорите къ нему по—*мужицки*? Ужели вы потеряли способность убѣждаться тѣми непоколебимыми, какъ скала гранитная, резонами—логическими, историческими, филологическими, тою массою фактовъ, которые сгруппированы въ разныхъ статьяхъ Вѣстника и другихъ періодическихкихъ изданій ¹⁾, и которые способны убѣдить всякое разумное, благонамѣренное существо въ тѣхъ аксіомахъ, что народъ малорусскій, бѣлорусскій совершенно понимаетъ человѣка, правильно и ясно говорящаго по—русски, что онъ презираетъ малорусскую грамотность, что усилія 500 хохломановъ не приобрѣли доселѣ и 500 прозелитовъ хохломанизма, что малорусскія книжонки если и проскользаютъ разными путями въ сельскія школы, въ книжныя лавки, то будутъ тлѣть тамъ до тѣхъ поръ, пока не источатся червями, что «Основа»—библіографическая рѣдкость въ Малороссіи, что хохломаны страдаютъ или упорствомъ или сепаратизмомъ, *ищушь своихъ си*, а не пользы народной, что малорусское нарѣчіе рѣшительно не пригодно, бесполезно и вредно для сельской школы, для русскаго единства? Вы думаете, что въ словахъ: «да будетъ *анаѡема* тотъ, кто думаетъ объ отдѣленіи отъ Россіи»—не можетъ быть иносказательнаго смысла? Знаете ли вы, что *анаѡема* тоже значить отдѣленіе, и что это проклятiе можетъ имѣть такое же значеніе и характеръ, какое имѣла клятва цыгана, доказывавшаго свою невинность слѣдующими словами: «черна земля, пусть будетъ еще чернѣй, если я это сдѣлалъ?» Да

¹⁾ Смотр., между прочимъ, статью г. Гогоцкаго: „На какомъ языкѣ слѣдуетъ обучать народъ въ сельскихъ школахъ югозападной Россіи,“ напечатанную въ 33, 34 и 35 ММ Кіевск. Телеграфа 1863 г. и перепечатанную въ многихъ журналахъ и газетахъ.

и безъ отдѣленія можно мѣтить на разныя федераціи, при несостоятельности самобытности. То-то, господа, молчали бы лучше, когда не знаете дѣла, вмѣсто того, чтобы претендовать на всевѣденіе! Поживите здѣсь, изучите темное для васъ дѣло по нашему, вооружитесь наблюдательностію, здравомысліемъ и безпристрастіемъ, и тогда вы не будете рознить намъ ни на полтона ¹⁾, а тѣмъ болѣе не выкинете такого парадокса: «малороссійскій ребенокъ не пойдетъ далѣе сельской школы.» Вотъ вамъ и гуманность, и плоды развитія простаго народа! Такъ вы безусловно осуждаете большіе мильоны на малорусскую *только* грамотность и закрываете для этихъ мильоновъ всѣ учебныя заведенія, открытыя нашимъ вѣкомъ, прогрессомъ, здравымъ смысломъ, волею Освободителя народа отъ неволи ума и свободы—для всѣхъ и каждаго? А знаете ли, читатель, для чего понадобился этотъ парадоксъ? Вотъ для чего: въ сельскихъ школахъ нужно учить по малорусски; но вѣдь во всѣхъ другихъ школахъ вужно же учить по русски, какъ же тутъ быть? Да просто—на просто—не пустить ни въ какую школу, кромѣ сельской, дѣтей народа. Вотъ вамъ и прогрессъ! «Вотъ куда можете метнуть» сепарация или слабоуміе!

Съ такимъ же *безпристрастіемъ, знаніемъ дѣла и деликатностію*, Голосъ относится къ представителямъ нашей религіи—духовенству. Не будучи въ состояніи заподозрить знанія его, какъ учителей народныхъ, въ другихъ предметахъ современнаго обученія въ сельскихъ школахъ, Голосъ налегаетъ на самую, по его мнѣнію, слабую сторону духовнаго образованія—на ариѳметику, и думаетъ, что духовенство потому не можетъ учить простой народъ, что оно не знаетъ ариѳметики. Очевидно, что Голосъ также знаетъ духовенство, какъ юго-западный народъ—и уровень духовнаго образованія также, какъ

---

¹⁾ Оттого и пропаганда, затѣявшая изданіе хохладкиихъ книжонокъ, собраніе денегъ на вредное дѣло и самое изданіе этихъ книжонокъ—могла приютиться не здѣсь,—не въ Кіевѣ, Полтавѣ и проч., а въ Петербургѣ; что для него эта пропаганда—дѣло темное, что тамъ легче убѣждаются въ тѣхъ нелѣпостяхъ, что хохломаны выполняютъ требованіе народа, что онъ не понимаетъ русскаго языка и проч. и проч.

малорусское просторѣче ¹⁾). Образование современнаго сельскаго настыря такъ широко, что не боится никакого сопоставленія въ дѣлѣ общечеловѣческаго развитія. Ариметику онъ изучилъ *окончательно* еще въ уѣздныхъ училищахъ, закрѣпилъ это знаніе при изученіи алгебры и геометріи въ семинаріи и постоянно дѣлаетъ примѣненія этого знанія къ дѣлу въ быту житейскомъ—хозяйственномъ и церковно—административномъ. Какъ же можно, не нарушая правилъ чести и совѣсти, сказать, что священникъ не можетъ обучать ариметикѣ даже дитя нашего простолюдина, для котораго, по принятой настоящей программой обученія въ сельскихъ школахъ, обязательно знаніе только *первыхъ 4 дѣйствій* ариметики? И для чего—это дитяти, которое «не пойдетъ дальше сельской школы,» нужно такое громоздкое, такое бесполезное въ быту сельскомъ знаніе ариметики, каковаго не имѣетъ и въ какомъ не нуждается священникъ? Нечемъ было уколоть священника, доказать его неспособнѣсть заправлять сельской учебой, такъ хоть ариметикою! И какъ будто кто запрещаетъ учить въ школахъ (особенно «въ *народныхъ*») кому угодно. Рѣшительно, никто! Дѣло только въ томъ, что нельзя отстранить отъ этой школы священника, нельзя оставить ее безъ его контроля, безъ его зоркаго и постояннаго наблюденія надъ характеромъ обученія и образомъ мыслей и поступковъ учащихся и учащихся въ этой школѣ, нельзя исключительно поручить сельскую школу большинству той современной молодежи, убѣжденія которой *отчасти* намѣчены въ статьяхъ Вѣстника: «О характерѣ и дѣятеляхъ народнаго образованія.» Иначе нравственно—религіозное чувство народа изсякнетъ и Россія станетъ на пути къ страш-

¹⁾ Это еще полбѣды, но цитовать такъ безграмотно польскія фразы, какъ это дѣлаетъ Голосъ,—изъ рукъ вовъ непростительно. Можно ли, напр., изуродовать фразу больше этого: *Bardziej kuć niż za wade?* Кто догадается, что это значить: *Bardzo dziękujęmu za gadę* (по Голосу выходитъ—за порчу, а не за совѣтъ)?... Можно ли не знать и бѣлорускаго нарѣчія до того, чтобъ утверждать,—будто бѣлороссы говорятъ вмѣсто *сто* (нужно читать это) *чото* (вмѣсто это)? Моги бы, кажется, Голосъ спросить у другихъ о томъ, чего самъ не знаетъ.

нымъ потрясеніямъ и неизбежной гибели. Такимъ образомъ дѣло идетъ не объ «обладаніи», не о чиновническомъ управленіи сельскою школою, а о нравственномъ ея заправленіи, отеческомъ наблюденіи за школою и воспитаніемъ дѣтей простаго народа въ религиозно—нравственномъ настроеніи духа. Правда, и Голосъ не отвергаетъ участія духовенства въ дѣлѣ народнаго образованія, но это участіе поставлено у него слишкомъ темно и приурочено *«только къ настоящему времени»*. А послѣ? Послѣ, вѣроятно, духовенство окажется не нужнымъ въ сельской школѣ, когда, то есть, нравственно-религиозное образованіе выйдетъ изъ программы обученія въ сельской школѣ и когда священникъ въ ней будетъ совершенно лишнимъ даже въ роль законоучителя или наемника. Не такъ ли? По неволѣ, право, удивляешься упорству или слѣпотѣ Голоса и подобныхъ ему, когда вспомнишь всѣ тѣ резоны, которыми подтверждена въ нашей прессѣ непоколебимость истины, что духовенство должно заправлять нашими сельскими школами, и которые (резоны) въ такомъ обиліи разсыпаны по всему пространству Вѣстника, особенно въ названной нещадно статьѣ его. Какъ бы Голосъ ни кричалъ, онъ можетъ только осипнуть и надорваться, но не ослабитъ и на одну іоту тѣхъ вѣковѣчныхъ аксіомъ, на которыхъ утверждена эта истина въ этой статьѣ. Голосъ любитъ голословно отвергать заключенія, когда не въ силахъ бороться съ посылками.

Быть можетъ люди, которымъ не хочется ввѣрить образованіе народа духовенству, думаютъ объ немъ на основаніи поведенія и затѣй оо. іезуитовъ? Мы подняли этотъ вопросъ недаромъ: у насъ вошло въ обычную слабость—мѣрять свое чужою мѣркою и приурочивать разныя стороны быта нашего къ потребностямъ чуждой намъ цивилизации. Сближеніе не основательное! Наше духовенство также различается отъ іезуитовъ, какъ православіе отъ католичества—если не болѣе. На сколько католическіе протекторы свѣтской власти папы и политическіе интриганы—патеры желаютъ отклонить народъ отъ нормальныхъ отношеній его къ власти, закону и обществу и сдѣлать его орудіемъ своихъ затѣй и намѣреній, настолько же православное духовенство усиливается поддержать и закрѣпить союзъ народа съ властью, уваженіе къ закону, къ обязанностямъ семейнымъ и гражданскимъ. У первыхъ религія стоитъ на зад-

немъ планъ образованія, нравственнаго воспитанія итъ и въ помятъ, а все вниманіе обращено на іезуитскую дрессировку, притворство, обманъ, умноженіе прозелитовъ ордена, его богатствъ и происки политическіе; послѣднее, при образованіи русскаго народа, ни о чемъ болѣе и не думаютъ, какъ о сообщеніи этому образованію религіознаго характера въ духѣ православія, о воспитаніи для общества нравственно-честнаго гражданина, способнаго на все доброе. Первые, заправляя образованіемъ народнымъ, столько же могутъ причинить зла, сколько послѣднее принести пользы обществу.

3). Голосъ былъ такъ деликатенъ, что называлъ Вѣстникъ изданіемъ *сыромятнымъ*. Мы не беремся разгадывать смыслъ этой нѣжности; это дѣло довольно трудное,—но если сыромятный нужно здѣсь понимать въ томъ же смыслѣ, въ какомъ этотъ эпитетъ примѣняется къ кожѣ; то мы не прочь отъ усвоенія его Вѣстнику: безчестія ему этотъ эпитетъ не дѣлаетъ. Въ этомъ смыслѣ аттестация Голоса будетъ значить то, что Вѣстникъ также продуктъ русскаго духа, какъ сыромятная кожа—продуктъ русской производительности, что онъ также дорогъ, что на него такія же большія требованія, какъ на кожу сыромятную, что онъ также, какъ она, крѣпокъ, неизносимъ, что можно его мять, пачкать, грызть зубами, но разорвать нельзя, что въ немъ есть свой духъ, что онъ «Русью пахнетъ.» Но если для параллели захотѣлось бы намъ поискать равносильнаго сыромятному названія для Голоса; то, ни на секунду не задумываясь, мы назвали бы его *лоскутнымъ* изданіемъ. Названіе изумительно точное! Въ Голосѣ, какъ въ лоскутномъ балаганѣ, чего хочешь, того просишь; въ немъ вы найдете и лоскутъ *ліонскаго бархату* и поношеную *чамарку*, *свиту* и отрывки нѣмецкаго *фрака* и проч., не найдете только цѣльнаго произведенія русской фабричности и меркантильности. И въ Парижѣ, и въ Варшавѣ, и въ Лондонѣ этотъ балаганъ будетъ на мѣстѣ.

Но, вѣроятно, въ Голосѣ совѣмъ иначе звучитъ слово сыромятный, нежели въ употребленіи. На эту догадку наводитъ насъ темное желаніе Голоса уронить Вѣстникъ въ глазахъ читающаго міра: онъ усвоитъ сему послѣднему названію *обскуранта*, *непримимаго націоналиста*. Очевидное дѣло, что Голосъ звучитъ бранью, только лишь издастъ такіе невнятные

звуки, что скорее поймешь ихъ намѣреніе, нежели смыслъ. Что такое обскурантъ? Не чловѣкъ ли, который не поддакиваетъ модному софизму, ходячему парадоксу, крѣпко держится вѣковѣчныхъ истинъ разума и Откровенія, отворачивается съ презрѣніемъ отъ ядовитыхъ теорій матеріализма, нигилизма, индиферантзма, либерализма, больше всматривается, вслушивается въ *свое* нежели *чужое* и т. д.? Если да, то великое спасибо Голосу за доброе слово. По крайней мѣрѣ къ Вѣстнику нельзя примѣнить обскурантизма въ иномъ смыслѣ. Если же Голосъ понимаетъ (виноватъ! *голосъ* вѣдь понимать не можетъ) это слово иначе; то не мѣшалобъ ему доказать, что пониманіе его резонно, что Вѣстникъ «умствуетъ» не логично, фальшиво. Не угодно ли, въ самомъ дѣлѣ, Голосу попробовать своихъ силъ на этой аренѣ? Впрочемъ, вызывая Голосъ противъ акціомъ Вѣстника, мы еще не говоримъ, что будемъ имѣть честь защищать ихъ противъ Голоса; мы только желали бы, что бы люди съ критическимъ умомъ наглядно убѣдились въ бессиліи всѣхъ средствъ, которыми кто либо захотѣлъ бы поколебать положенія Вѣстника.

Почти тоже нужно сказать и о другомъ названіи Вѣстника—*нетерпимымъ націоналистомъ*. Если Вѣстникъ есть такой націоналистъ, который *не терпитъ* ничего враждебнаго нашей національности, бичуетъ всѣхъ посягателей на цѣлость нашей Вѣры и народности,—то—новое спасибо Голосу отъ Вѣстника за усвоеніе ему самаго лестнаго названія. И отъ чего бы, кажется, Голосу не сочувствовать подобной нетерпимости, очевидно обязательной для всякаго патріота! Ужъ не служить ли «и нашимъ, и вашимъ», не гладить ли по головкѣ и враждебныхъ намъ національностей, относиться гуманно къ душегубцамъ, изувѣрамъ, сочинять комплименты для клятво-преступниковъ, клеветниковъ и ненавистниковъ дорогой намъ Россіи? Пусть ужъ извинитъ насъ вѣжннй Голосъ,—такой терпимости отъ такого націоналиста, каковъ Вѣстникъ, онъ никогда не дождется. По этому предоставляя любви Голоса космополитизмъ, мы лучше согласны «понимать» и любить свою отчизну, хоть «по китайски,» чѣмъ служить ей, подобно исповѣдникамъ «польскаго катихизиса,» чѣмъ ненавидѣть ее по польски. Если китайцы подъ именемъ патріотизма разумѣютъ, подобно Вѣстнику, безграничную любовь къ родинѣ, вѣрѣ, языку предковъ, если они, подобно

русскимъ патриотамъ, готовы жертвовать всѣмъ для цѣлости, чести и пользы своего отечества; то они дѣлаютъ честь Вѣстнику, честь русскимъ патриотамъ, а сіи послѣдніе должны гордиться тѣмъ, что понимаютъ патриотизмъ по китайски. Не у всякаго вѣдь сердце такъ широко, что въ немъ могутъ свободно улечься привязанности ко всѣмъ національностямъ,—даже и въ моментъ враждебнаго настроенія этихъ національностей—нашей собственной. Не знаете ли вы, что Богъ (по откровенію тайновидца Іоанна Богослова) хотѣлъ сдѣлать съ тѣми, которые *ни теплы, ни холодны?*....

Наконецъ Голосъ былъ такъ снисходителенъ, что назвалъ Вѣстникъ, между прочимъ,—*не бесполезнымъ*. Слишкомъ скупъ Голосъ,—но мы благодарны скупцу и за малое подаеніе—и, что бы не остаться у него въ долгу, въ свою очередь подаримъ Голосъ названіемъ *не безвреднаго*. Названіе—довольно характерное. Мы увѣрены, что люди съ русскимъ умомъ и сердцемъ не разъ замѣчали, что Голосъ иногда немножко рознить русскому тону, что онъ вытягивалъ ноты, несродныя нашимъ вокальнымъ средствамъ. Замѣчали это и мы, даже собирались дать почувствовать Голосу, что онъ не туда тянетъ, немножко фальшивить, да помня пословицу: «на начинающаго Богъ,» рѣшились молчать до поры—до времени, тѣмъ болѣе, что этотъ Голосъ былъ почти одинокъ и диссонансы его не превышали еще мѣръ терпѣнія. Но, когда Голосъ первый выступилъ противъ патриотическаго изданія съ бранчивою и голословною нескладицей, мы вспомнили пословицу: «какъ аукнешь, такъ и откликнется,» а вмѣстѣ съ тѣмъ вспомнили и кое—что такое, что дало намъ право, назвать Голосъ—*не безвреднымъ*. Голосъ, конечно, не смѣлъ прямо тянуть: *Boże coś Polskę...*, но тонкое лукавство въ его *голосъ*, но пониженіе тона тамъ, гдѣ онъ долженъ быть повышенъ, и наоборотъ, весьма часто и весьма болѣзненно поражали русское ухо и сердце. Мы не будемъ спорить съ Голосомъ, тѣмъ болѣе, что симпатіи—дѣло вкуса, что ощущенія стоятъ внѣ законовъ критики,—а только намѣтимъ слегка тѣ діазы и бемола, которыя неприятно отдавались въ нашемъ ухѣ. Голосъ нѣсколько разъ изъявлялъ подобоострастное до колѣнопреклоненія благоговѣніе къ патриотизму и другимъ добродѣтелямъ настоящихъ польскихъ революціонеровъ. Мы бы могли сказать Голосу, что у него нѣтъ ни слу—

ха, ни глазъ, если онъ не слыхалъ о тѣхъ эпизодахъ польскаго патріотизма, въ которыхъ сокрушены до атомовъ обѣ скрывали заповѣдей Господнихъ, если онъ не читалъ тѣхъ кровавыхъ страницъ, въ которыхъ обрисованъ бѣгло терроризмъ польскій и которыя запятнали исторію человѣчества; но мы не хотимъ полемизировать съ Голосомъ. Голосъ задаетъ иногда такой тонъ, что амнистія, дарованная польскимъ революціонерамъ, явно обнаружила планы, которыми намѣренъ руководствоваться ея Король въ будущемъ. Можетъ быть и такъ, еслибъ эта амнистія не была дерзко отвергнута, еслибъ она не была сигналомъ болѣе ожесточенной демагогіи, болѣе циническаго душегубства. Какъ будто отвергнутая амнистія даетъ право думать, что она продолжится вѣчно; что люди, поглумившіеся надъ благостію и человѣчествомъ,—люди вдвойнѣ преступные, могутъ избѣгнуть правосудія закона, остаться не наказанными. Даже Вѣчная Любовь обращается въ правду, когда отвергается благость. Голосъ проговорилъ однажды что-то въ родѣ этой фразы: Заявленіе вѣрноподданническихъ чувствъ всѣми сынами Россіи, не должно питать нашей народной гордости; оно не болѣе комплимента, но отнюдь не воинственный кличъ громадной Россіи, не желаніе возстать поголовно для сокрушенія будущихъ враговъ Россіи. Оттого, въ томъ же 148 №, Голосъ, передавая статью финляндской газеты: Finlands Allmänna Tidning, не озаботился пропустить нѣсколько строкъ (стр. 579 столб. 4 35—42), которыя пахнутъ тѣмъ же дымомъ и безъ которыхъ ничего не потерялъ бы ни Голосъ, ни финляндская публицистика. Оттого Голосъ страшно раскричался на студентовъ университета, когда они, *въ свободную минуту отъ занятій*, хотѣли опровергнуть взведенную на нихъ клевету и отчасти принести политическое раскаяніе въ нѣкоторыхъ прегрѣшеніяхъ юности. Какъ будто благородной, развитой, огромной корпораціи студентовъ можетъ быть запрещено то, что не запрещено ни одному простолудину! Не большее ли право имѣютъ на заявленіе патріотическихъ чувствъ тѣ, патріотизмъ которыхъ былъ подвергнутъ врагами Россіи сомнѣнію и которыхъ молчаніе, при всеобщемъ патріотическомъ кличѣ, былобъ ужъ весьма подозрительнымъ и грустнымъ. Голосъ не издалъ ни одного звука по поводу роковой статьи: «Роковой вопросъ,» тогда какъ его слово невольно было вызываемо пропечатаннымъ

въ Голосѣ объявленіемъ о запрещеніи журнала «Время» за эту уродливую статью. Можно было, пожалуй, промолчать объ ней въ моментъ объявленія о закрытіи Времени, но за то ничто уже не мѣшало сказать что либо объ этомъ явленіи послѣ,—тѣмъ болѣе, что въ Голосѣ есть даже рубрика: «обозрѣніе газетъ и журналовъ», въ которой не забываются Вѣстники, тогда какъ Роковые вопросы проходятся полнымъ молчаніемъ. Не есть ли это молчаніе знакъ согласія?... Правда, Голосъ что-то проговорилъ послѣ о несостоятельности польской цивилизаціи; но это слово было такъ запоздало, такъ безотносительно къ «Роковому вопросу», такъ лукаво ввернуло въ свою тираду новое каждепіе польскому патріотизму и тремъ другимъ, мнимымъ, добродѣтелямъ поляковъ. Голосъ постоянно трактуеть, что «Россія сдѣлаеть все, что только возможно для Польши»¹⁾. Откуда это взялъ Голосъ? И за что эта милость любезной Польшѣ? Не за то ли, что она начала вѣшать, наконецъ, вѣрныхъ Богу и Государю священниковъ нашихъ? Не за то ли?... Но мы исписалибъ этими—*не за то ли* цѣлыя томы, и никогда бы не кончили нашихъ вопросовъ. Быть можетъ мы обязаны это сдѣлать для Польши въ угоду нѣкоторыхъ господъ, слишкомъ яггло и фамиліарно указывающихъ намъ приемы семейной нашей управы, или изъ трусости нѣкоторыхъ пугаль, держащихъ на насъ кулакъ въ карманѣ? Такъ пускай же сперва эти пугалы потрудаются покорить насъ, тогда ужъ не такъ безчестно будетъ согласиться и на постыдныя условія. А въ томъ то и вся суть, что покорить насъ они также могутъ, какъ луну, не было бъ только между нами *ни теплыхъ, ни холодныхъ*, да была бъ у насъ одна душа, одно тѣло. Голосъ вопіеть: «прискорбно только (то), что, въ случаѣ войны, Польша останется въ потерѣ.» Не то, дескать, прискорбно, что можетъ пострадать отъ войны Россія, что на неизвѣстный срокъ остановится ея ростъ,—внутренній и внѣшній, что она понесеть нѣкоторыя (конечно вознаграждаемыя) потери, а то прискорбно, что пострадаетъ *добрая, невинная* Польша. И какъ,

¹⁾ Подлинныя слова Голоса, а въ другихъ случаяхъ ми передавали болѣе содержаніе фразъ и намеки мыслителя, нежели его фразы.

въ самомъ дѣлѣ, не пожалѣть о горѣ *дружелюбной* сестрицы!.... Передовая статья 155 № Голоса состоитъ изъ одного только пророчества (вѣроятно написаннаго полякомъ), помѣщеннаго въ Daily News и трактующаго о томъ, что Россія согласится на извѣстныхъ 6 пунктовъ (обидныхъ и потому уже, что онѣ предложены Россіи западными державами, и что она смѣло можетъ принять эти низкія условія—въ надеждѣ, что Польша (?) ихъ отвергнетъ. Стало быть мнѣніе Daily News есть и голосъ Голоса. Вообще Голосъ потому напустился на китайскій націонализмъ Вѣстника, что онъ не со всѣмъ равнодушенъ къ космополитизму и что, лишь только Вѣстникъ заговорилъ объ немъ,—объ «искусственномъ нейтралитѣтѣ нѣкоторыхъ органовъ между двумя непріятельскими лагерями, между прямымъ долгомъ и скрытою полуизмѣною,» — Голосъ невольно ухватился *за шапку..... и минулъ украдкой на Петра*. Да, если тонъ и направленіе Голоса расходятся съ Вѣстникомъ, то тѣмъ хуже для Голоса.

Довольно съ Голоса; надѣмся, что бесѣда наша съ нимъ не повторится.

Редакція Вѣстника.

ВОЕВОДА ВОЛЧІЙ ХВОСТЪ.

ПОВѢСТЬ КРАСНАЯ,

ВРЕМЯ ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ СВЯТОСЛАВА

И СЫНА ЕГО ВОЛОДИМИРА.

(Продолженіе).

ХІІ.

ВОЛЧІЙ ХВОСТЪ ХРИСТИАНИНЪ.

Безпредѣльное пространство лѣваго берега Днѣпра было покрыто весенними водами. Не большіе островки покрытые густою зеленью кустовъ вѣтывались въ лозы острыми пещаными полосами своихъ береговъ; кой гдѣ видѣлись полузатопленные домины рыбаковъ, кой гдѣ по островкамъ замѣчались рыбацкіе шалаши и вокругъ ихъ развѣшаныя для просушки рыболовныя сѣти. Въ разныхъ мѣстахъ безпредѣльнаго разлива скользили рыбацкіе *душубки*. Картина раздольнаго разлива съ лѣвой стороны обрамлялась едва замѣтною сизо-черноватою полосою лѣса, съ права ограничивали ее высоты града Кіева. Солнце еще спало. Востокъ былъ закрытъ такого же цвѣта целеною, какою выказывался и дальній лѣсъ. Всюду царствовало ночное безмолвіе. На небѣ горѣли еще звѣзды; градъ в боръ на Перевѣсницѣ и Аскольдовой—укрывались темнотою. Одишь только утренній прохладный вѣтерокъ гналъ рѣзвыя струи по разливу водъ Днѣпра и помавалъ вершинами деревъ, заставляя ихъ шумѣть какъ бы для сладости она кіевлянъ. Однакоже и въ ту раннюю пору было уже нѣсколько люда бодрствовавшего: не спали рыбаковы, да изъ чащи лѣса, покрывавшаго холмы возвышавшіеся внизъ по Днѣпру за Аскольдовой, слышались голоса люда, спускавшатося

съ высотъ къ берегу водъ. Голоса эти слышались все явственнѣе и слышнѣе, но мѣръ приближенія шедшихъ къ берегу. Долго и даже довольно долго нельзя было видѣть, за густотою то деревь шедшихъ, то кустовъ но наконецъ среди мрака показались черные ихъ фигуры. Замѣтно было, что въ толпѣ было не менѣе пятнадцати человѣкъ и въ числѣ ихъ почти наполовину женщинъ. Одна людина шедшая впереди подъ длиннымъ чернымъ покрываломъ, коимъ она была покрыта съ головы до ногъ, держала небольшой фонарь, въ коемъ горелъ огарокъ свѣчи, бросавшей длинную полосу волшебный свѣтъ на фигуры шедшихъ по сторонѣ людей и ближайшую къ нимъ мѣстность. Людина державшая фонарь то выказывала его на наружу, то закрывала покрываломъ и тогда толпа какъ бы исчезала въ безднѣ мрака.

Когда толпа шедшихъ приблизилась къ самымъ водамъ, востокъ едва начиналъ покрываться замѣтнымъ розово-золотистымъ отблескомъ и темонта уподоблялась какъ бы темно-сапфирному свѣту предстоящаго ранняго утра.

Пришедши къ водамъ толпа остановилась. Въ числѣ людей составлявшихъ толпу рѣзко отдѣлился отъ прочихъ людинъ сѣдовласый, дряхлый старикъ, державшій въ правой рукѣ книгу, а въ лѣвой кадилницу. Скудволосая и на темени совершенно лысая голова длинная совершенно бѣлая борода его, при согбенномъ положеніи старца, казалось спускалась почти до земли. Ясно было замѣтно, что старецъ былъ христіанскій священникъ; это еще болѣе подтвердилось, когда стоявшій рядомъ съ старцемъ высокій и плечистый мужъ, поддерживая дряхлеца, стоявшаго на сыпучемъ песку, произнесъ его имя — Григорій; нѣсколько впереди отца Григорія, ближе къ водѣ остановились двѣ женщины; одна изъ нихъ была въ старой истасканной синей эпончицѣ, дличныя ея волосы густыми прядями падали на плечи. Лѣвою рукою она старалась по какому то невыяснившемуся чувству закрывать свое лицо, на которомъ отражалось какое то спокойствіе и ожиданіе вождедевной минуты, но черты котораго выказывали весь пылъ минувшей юности этой женщины; другая женщина облеченная въ черную длинную эпонцацу, которою она, особо красиво покрыла и голову свою, была молодая, и не омотря на блѣдное лицо, привлекала красотою и необыкновенно пріятнымъ и спокойнымъ выраженіемъ своей осанки. Эта женщина часто обращалась къ сосѣдкѣ своей и что то ей говорила или посматривала на мужа остановив-

шагося подлѣ отца Григорія и произнося довольно громко слова свои говорила къ нему.

— Храблѣ, береги отца Григорія песокъ зыбучій, легко въ воду ноги его омочатся.

— Я удерживаю! — отвѣчалъ плечистый мужъ — это былъ нашъ Храблѣ, — но смотри за своею матерью, Юніа! — Присовокупилъ Храблѣ, продолжая поддерживать старца Григорія.

— Мать моя и сама въ силахъ устоять, хотя мы всѣ сильно полземъ съ берега въ воду, такой зыбучій песокъ.

За плечами Храбла остановились его дружки Петро и Ивой, а близъ нихъ стоялъ старикъ издавна жившій на Аскольдовой могилѣ, и еще въ малолѣтствѣ крещеный, такъ какъ и родился отъ крещенныхъ родителей. Когда то въ домину къ тому старику стучались Храблѣ и Костарь, ища Аскольдовой Олеля. По лѣвую сторону отъ старика помѣстилось нѣсколько окутанныхъ въ темнаго цвѣта эпончицы женщинъ, а нѣсколько по отдалѣ отъ всѣхъ три или четыре люди, начавшихъ пѣть протяжно, но тихо, въ то время, когда отецъ Григорій снялъ съ себя верхнюю мятлю и остался въ бѣлой полотняной ризѣ, на оплечіяхъ коей нашиты красныя семиконечныя кресты.

Юніа обратилась къ матери своей и, сказавши шепотомъ ей нѣсколько словъ, осторожно подвинула ее впередъ и заставила сбросить верхнюю мятлю и войти по поясъ въ воду. Храблѣ, увидѣвъ это, быстро сбросилъ съ себя верхнюю одежду и срачцу и твердымъ поступкомъ вошелъ въ воду, потомъ скрестивъ на груди руки, нѣсколько склонилъ внизъ голову. Понѣ Григорій началъ совершать обрядъ святаго крещенія. Тихо произнося слова молитвъ, боясь чтобы они не были услышаны звѣрскими перунщиками, преслѣдовавшими всякія тѣбы крещенныхъ и предававшими страшнымъ истязаніямъ и мучительной смерти тѣхъ изъ своихъ братій, кои отпадали отъ идолства и принимали христіанство. Поэтому-то почти среди ночи, — во мракѣ ея, на дикомъ отдаленномъ отъ града берегу Дитпра, куда въ такую пору никто не рѣшился придти, и совершалось среди безмолвія, среди только избранныхъ своихъ, великое таинство надъ бывшимъ упорнымъ перунщикомъ воеводою Волчьимъ-Хвостомъ и матерью Юніа — Аллою. Тихо вошелъ въ воды Дитпра и самъ дряхлый старецъ Григорій, наклонился къ струямъ, зачерпнулъ водъ пригорщею и троекратно залилъ каждому крещавшемуся на наклоненныя ихъ головы. Съ святымъ

умилеіемъ произносила слова молитвъ и творила знаменіе святаго благословія.—И какая чудная, святая картина представлялась тогда совершеіемъ въ ночную пору, на томъ дикомъ мѣстѣ, этого христіанскаго обряда! Темнота еще преобладала и только тусклый свѣтъ фонаря, поставленнаго въ густотѣ зелени прибрежнаго куста, надалѣ на струи Днѣпра и тысячами вгрызыхъ звонъ разбѣгался по нимъ, а на лицахъ тѣхъ, кои приближались къ тому мѣсту, гдѣ онъ стоялъ и освѣщаль ихъ полоскою свѣта.

Безмолвно и безъизвѣстно для жителей Кіева совершился великій святой обрядъ въ волнахъ Днѣпра какъ бы въ очищеніе водъ его не разъ оскверненныхъ требящами идолическими и кровію жертвъ приносимыхъ перуну; совершился святой обрядъ среди ночи, во тьмѣ ея, какъ совершался и до этого уже не одинъ разъ.....

И также тихо и осторожно какъ свуетилась вся эта толпа люда съ высоты — побрела она отъ водъ Днѣпра на высоты, пробираясь среди густоты кустовъ и высонахъ деревьевъ.

Впередъ шелъ Ивой, за нимъ Петро, потомъ попъ Григорій и рядомъ съ нимъ новокрещенные Храблъ—названный *Николаемъ* и Алла названная *Анною*; за ними одинъ за другимъ шли Юніа съ одною изъ женщянъ, старикъ и остальные лица. Всѣ безмолвствовали по принятому обычаю и необходимости скрывать всѣ свои дѣйствія отъ яростныхъ азычниковъ. Шли довольно скоро, стараясь сколько возможно было тихо пробираться среди чащи лѣса, чтобы трескъ сухихъ, павшихъ на землю вѣтвей и шумъ листьевъ не нарушалъ царствовавшего еще ночнаго безмолвія.

Всѣ вошли на полощину возвышенія, на небольшую площадку, образовавшуюся отъ осыпи верхнаго пещаннаго холма, изъ подъ котораго, во слою темно синеватой глины надился небольшой журчащій ручеекъ въ Днѣпръ.

На довольно пространной той площадкѣ всѣ остановались. Отецъ Григорій сталъ впередъ прочихъ, обратился лицомъ къ востоку, который съ высоты былъ свободно виденъ, такъ какъ чаща лѣса закрывала другіе стороны горизонта и скрывала эту площадку въ своей густой зелени, смаялъ съ головы своей небольшую черную шапочку, попъ началъ произносить молитву, стоящіе за нимъ тихо повторяли ее съ напѣвомъ и творили крестное знаменіе и поклоны. Молитва была кратка. Молвившіеся предлагались къ кресту, который держалъ шею

и обнявшись другъ съ другомъ, сошли съ площадки въ чашу кустовъ. Поць шелъ уже впереди и вотъ онъ еще наклонилъ и безъ того уже согбенный свой станъ и вошелъ въ мрачное, малое отверстіе, взрытое у подошвы холма, которое не было приметно за густыми вѣтвями кустовъ росшихъ у самаго отверстія, за попомъ одинъ за другимъ вошли всѣ людины.

Тусклый свѣтъ фонаря, который отъ берега Днѣпра несъ старикъ аскольдовецъ, озарялъ самое малое пространство узкаго и темнаго, но длиннаго подземнаго прохода, значительно всходявшаго въ глубину земную, проходъ былъ такъ тѣсенъ, что съ трудомъ можно было проходить въ немъ одному человеку и то въ наклонномъ положеніи и нѣскольکو бокомъ. Подземный гробовой мракъ, сырость и недостатокъ притока воздуха поражалъ каждого, который не свыкъ съ подземною жизнью въ вѣдрахъ приднѣпровскихъ высотъ. Пройдя извилистой подземный ходъ пещеръ, путники достигли не большой подземной келіи, въ пространствѣ которой помѣстилось до десяти человекъ. На пещаномъ сводѣ келіи были на концы свѣчею въ разныхъ мѣстахъ шести концевые кресты и кой гдѣ, грубо нацарапаны остриемъ на пещаныхъ стѣнахъ келіи изображенія святыхъ. Въ одной изъ стѣнъ, была вырѣта малая ниша, въ которой теплилась маленькая лампадка, жертвеннымъ свѣтомъ озарявша могольно мрачную эту келію; на земляномъ ложе, взрытомъ у противоположной стѣны, сидѣла Омель, въ ожиданіи возвращенія попа Григорія съ сыномъ ея и Аллою, и когда въ келію вошелъ поць Григорій и Храбль, Омель бросилась къ ногамъ священника, который не смотря на дряхлость свою старался ее приподнять и когда Омель облитая обильными слезами благодарности и удивленія къ Богу за спасеніе сына ея отъ смерти тѣлесной и духовной, приподнялась, то поць Григорій подалъ ей святой крестъ и она его облобизала съ истиннымъ христіанскимъ чувствомъ святой любви. Въ этой же подземной келіи, на не большомъ земляномъ возвышеніи, служившемъ престоломъ, отецъ Григорій тотъ часъ началъ совершеніе другаго великаго христіанскаго таинства—Евхаристія. Ниша вырѣтая въ стѣнѣ келіи, подлѣ ниши, въ которой теплилась лампадка, служила жертвенникомъ. Такъ просто и свято было до общаго христіанства въ Кіевѣ совершеніе христіанскихъ таинствъ первыми кіевскими христіанами, укрывавшимися отъ вооруженъ идоличковъ въ вѣдрахъ приднѣпровскихъ холмовъ, въ пещерахъ взрытыхъ варягами, прежде разбойничавшими

по Днѣпру и грабизшими суда торговцевъ плившихъ въ Греціи или въ Грецію. Съ благоговѣніемъ первыхъ вѣковъ христіанства, съ благоговѣніемъ, которое не вмѣстится въ узкія наши души, зараженныя лжеумудрствованіями, и нерѣдко глѣтворнымъ ученіемъ запада — молились предстояшіе предъ престоломъ, въ подземной келліи и когда окончилось совершеніе таинства, попъ Григорій раздѣлилъ святую трапезу между предстоящими и какое было духовное торжество, какое небесное наслажденіе наполняло сердца присутствовавшихъ въ томъ мрачномъ подземельи!...

О, какъ горячо обняла Олень сына своего, новаго христіанина, съ какимъ великимъ и святымъ чувствомъ прижала она его къ груди своей!

— Видишь ли гдѣ мы соединились! Крестъ возвратилъ тебѣ твою мать, а матери сына! Теперь и Юнія не чужда тебѣ. Съ Костаремъ, когда то ты положилъ ее младенцемъ на порогъ домины отца Григорія и Богъ возрастилъ ее, сколько разъ, ты съ идольскою злобою порывался убить мать и Юнію и сколько разъ этотъ крестъ святой отвращалъ твое преднамѣреніе и все, какъ нынѣ самъ видишь, для того, чтобы здѣсь, въ этомъ подземельи, соединились всѣ вмѣстѣ, слава Бога и единодушно исповѣдуя крестъ святой и пострадавшаго на немъ Спасителя — говорила Олень съ чувствомъ истинной христіанки. Храблъ съ умиленіемъ ее слушалъ, равно какъ и всѣ находившіеся въ пещерѣ, усѣвшіеся на земляныхъ ложкахъ и въ нишахъ изрытыхъ у стѣнъ пещеры.

— Когда тебя израненнаго и лишеннаго чувствъ, всего облитаго кровью, — продолжала Олень, обратясь къ сыну, ночью принесли отъ берега Днѣпра въ эту пещеру Юнія, Алла и я, когда отецъ Григорій, увидѣвши тебя въ такомъ отчаянномъ положеніи, помолился надъ тобою и въ восторгѣ, утѣшая меня, — тогда несчастную, ибо я тотъ часъ узнала тебя, — сказалъ: Богъ благоволитъ къ намъ, Онъ посылаетъ въ лицѣ этого измученнаго новаго христіанина, я день и ночь молилась надъ тобою, чтобы ты выздоровѣлъ и принялъ святой крестъ, ты пораженный чудеснымъ избавленіемъ тебя отъ смерти, прійди въ себя, дай мнѣ клятву выздоровѣвши принять крещеніе — и лобызаю тебе сыне мой, ты клятву свою свято исполнилъ и ты же причиною, что и свирѣпая прежде идольщица Алла, привлеченная къ намъ бѣжавшею отъ нее Юніею, послѣ того какъ Алла, при помощи Костаря, похитила ее изъ терема, во время осады Кіева печенегами, — Алла, которая всю жизнь

свою страдала, ища любимой и единственной дочери, также познала истиннаго Бога и приняла христіанство вмѣстѣ съ тобою....

— Да, сынъ мой,—началъ говорить отецъ Григорій, коего блѣдное старческое лице едва, едва озарялось тусклымъ свѣтомъ маленькой лампадки,—и онъ истинно представлялъ собою образъ святаго пещерожителя, рядъ которыхъ, быть можетъ, начинаясь отъ него выступилъ вскорѣ послѣ того времени, въ которое совершалось описываемое событіе.— Да, Николай, мать твоя произнесла, что ты пораженный чудеснымъ избавленіемъ тебя отъ неминуемой смерти, почувствовавшись, далъ клятву исповѣдать святой крестъ и клятву исполнить,—и она произнесла святую правду, которую и ты и всѣ мы сознаемъ, ибо ты чудесно избавленъ отъ смерти; слушай меня внимательно: израненный печенъгами на противоположной сторонѣ Днѣпра, ты съ дружниками своими оставилъ безъ всякой надобности ближайшую дорогу и переправу чрезъ Днѣпръ и переправился чрезъ рѣку противъ этого холма, у котораго и вышелъ на берегъ, на берегъ дикій и пустынный, на которомъ кромѣ насъ крещенныхъ не ступала нога идольщика, считая это мѣсто жилищемъ вѣдьмъ, упырей и всякой нечистой силы; нужно же было и такъ случится, что въ то же время возлюбленная тобою Юніа, привлекая къ намъ прежнюю идольщицу мать свою, вышла изъ пещеры вмѣстѣ съ нею и твоею матерью на берегъ Днѣпра показывать ей звѣзды небесныя. уча ея понимать все величіе Творца вселенной и все ничтожество идольской вѣры, нужно же было, повторяю — набрѣсти имъ въ nocturno мракѣ на тебя пораженнаго врагами и бездыханно лежавшаго у водъ Днѣпра. Не зная, кто ты, но желая по закону христіанскому, по святому долгу своему подать руку помощи каждому несчастному, онъ слабыя женщины, въ троимъ подняли тебя и внесли въ пещеру, омыли твои раны, перевязали ихъ и привели своею христіанскою заботливостію въ чувство.—О, сынъ мой, какъ велика была радость матери твоей, когда она въ изнуренномъ лицѣ твоемъ узнала сына своего, который такъ часто жаждалъ ее же умертвить, за то только, что она приняла христіанство. Какъ велика была радость и Юніа, которую ты до этого только чувственно могъ любить, но которая считая тебя всегда спасителемъ свой жизни и чрезъ то вмѣстѣ и просвѣщеною христіанствомъ. О, еслибы ты могъ тогда почувствовать сердцамъ ихъ,.. но ты обезсиленный отъ исте-

щенія крови, лежалъ на этомъ земляномъ одрѣ, на которомъ теперь сидишь,—конечно не могъ ни видѣть, ни слышать, а тѣмъ болѣе сочувствовать имъ. Но Господь молитвами твоей матери и Юніи спасъ тебя и ты обратился къ нему лицомъ своимъ и помстивъ чудесное было спасеніе твое отъ погибели.

— Святой отецъ! Ты знаешь, что князь Олегъ, питая вражду къ отцу моему воеводѣ Свѣнольду, убилъ сына его, брата моего Люта. Отецъ мой воскипѣлъ кровавою местию за смерть сына своего и предъ идоломъ перуна поклялся вочтобы то нестало отмстить Олегу. Местъ совершилась: отецъ мой для того востановилъ брата противъ брата: кievскаго великаго князя Ярополка на князя древлянскаго Олега, отецъ мой посовѣтовалъ Ярополку соединить область древлянскую съ кievскою. И выступилъ Ярополкъ съ тмою—темъ рать своей и настигъ Олега у града Овруча, гдѣ онъ свалился на плоть съ коня, упалъ въ ровъ и въ немъ погибъ въ грязи, задушившись подъ тяжестію труповъ войновъ и коней. Свѣдавъ о братоубійствѣ князь новгородскій—Владиміръ и страшася властолюбія брата своего Ярополка бѣжалъ изъ Новгорода за море къ варягамъ.—Я былъ любимымъ его воеводою, но онъ не предложилъ мнѣ остаться при немъ, но зная, что мать моя прещеная, слыша что я часто въ рѣчи моей съ нимъ высказывалъ, что крещеные вистинну справедливо дѣлаютъ, что не признаютъ подѣньевъ за боговъ, а почитаютъ бога того который на небѣ, который одинъ держитъ въ рукѣ своей всѣ звѣзды, мѣсяць, солнце и землю — Онъ считалъ меня отважнымъ витяземъ говорилъ, что я не истинный сынъ перуна и мнѣ было отрадно слышать такую его рѣчь и я съ самаго прибытія въ Новугородъ тосковалъ за Кіевомъ, за аскольдовою могиллою, тосковалъ за матерью, Юнією, Аллою, тосковалъ за всѣми и каждымъ крещенымъ, и даже за Кастаремъ, и тамъ то въ Новугородѣ, гдѣ совершенно вѣтъ ни одного крещеннаго, въ сердце моемъ зародилось зерно любви къ крещенымъ и къ самому кресту и зерно то разбухало въ сердце моемъ, развивалось при постоянныхъ дружескихъ бесѣдахъ съ Ивоємъ и Петромъ, которые никогда не оставляли меня какъ только бѣжалъ за море мой князь Владимиръ, мы замыслили возвратитися въ Кіевъ и оставили Новугородъ.

— И оставилъ уже давно—началъ поць Григорій,—десять недѣль ты почти безъ чувствъ, безъ памяти лежалъ страдаа отъ ранъ, да десять недѣль прошло съ тѣхъ поръ какъ ты

окуствовался и началъ мало по малу поправляться, теперь ты долженъ, служа великому князю, какъ воевода, послужить и Господу. На твоей обязанности лежитъ просвятить святою вѣрою ближнихъ къ князю, дѣйствовать благотворно и на его душу. Ты знаешь, что крещенные всегда страдали отъ перуницъ, была година, въ которую страданія уменьшались— это дѣлалось за жизнь великой княгини Ольги, когда князь Святославъ не могъ, какъ сынъ, тиранить крещеныхъ, но не стало Ольги и Святослава и перуницики мыѣ тиранять насъ, а что будетъ дальше, Богъ о томъ знаетъ... Ты воевода, можешь многое сдѣлать, положи только завѣтъ въ сердцѣ своемъ стараться всѣми силами своими служить во славу Христова имени и если будешь имѣть вѣру въ сердцѣ своемъ на горчичное зерно, то двинешь горы.

— Святой отецъ! Всю жизнь свою я посвящаю кресту... Когда Хроблъ, наклонивъ въ святомъ умиленіи голову, началъ говорить эти слова, въ пещеру два крещеныхъ рыбака ввели Костаря, онъ былъ необыкновенно блѣденъ и дрожалъ; изорванная въ куски нѣкогда багряннаго цвѣта, суконная эпанчица вся была мокрая и ручьи воды текли на полъ изъ нее, доска, къ которой обыкновенно привязывалась ремнями голова Костаря была сдвинута въ сторону и самая голова свисала къ лѣвому плечу. Костарь никогда не былъ въ пещерѣ и даже не подозрѣвалъ о существованіи такого подземнаго жилища. Увидѣвши окружавшихъ его, всѣхъ своихъ знакомыхъ и въ ихъ числѣ Хробла, Ювію, Аллу и Олень, онъ совершенно потерялся и немогъ довольно долго произнести слова. Рыбаки, приведшіи его, сказали, что онъ одинъ плылъ въ маломъ челнокѣ по теченію Днѣпра, выбившись изъ силъ не могъ грести и ладья его поплыла въ водоворотъ и опрокинулась. Костарь пошелъ уже было ко дну, но они ставившіе сѣти въ близкомъ отъ того мѣста разстояніи, спасли его, вытащивъ изъ воды и взявши на свою лодку.

— Костарь, Костарь! ты и меня не узнаешь? Отъывался къ нему Хроблъ.

— Узнаю, но я весь ужасно дрожу, и едва ли буду живъ.

— Если ты еще живъ, то не умрешь отъ того что съ тобой случилось. Сказалъ Ивой.

— Мы табѣ дадимъ сухую одежду и обогрѣемъ, процанешъ Петро.

Женщины и мужи обступили несчастнаго калѣку Костаря и начали ему оказывать помощь. Прежде всего Олень

перевязала ему доску за плечами, давши правильное положеніе головѣ, потомъ сбросила его мокрую одежду и дала сухую, затѣмъ наполнивъ теплымъ виномъ, усадила въ келліи, рядомъ съ Хробломъ. И это все сдѣлалось въ самое короткое время. Костарь пришелъ въ себя. На вопросъ Хробла, куда онъ ѣхалъ въ лодкѣ, Костарь отвѣчалъ, что давно уже предъ истуканомъ Перуна и другими богами не приносится жертвъ животныхъ и ему нѣчего ѣсть, что съ той поры какъ не стало его кормителей: Олели, Хробла, и Аллы, онъ занимался рыбною ловлею и что поймаешь, то только и употребляетъ въ пищу.

— Часто и такъ бываетъ, что я дня по два бываю безъ пищи, а въ особенности когда буря или дождь и я не въ силахъ править лодкой. Горе мнѣ, тяжкое горе!...

— Костарь, и ты все тотъ же печенежскій кудесникъ, все тотъ же жрецъ перуна, какимъ я тебя оставилъ въ градѣ Кіевѣ?.. Спросилъ Хробль.

— Видишь, воевода, каковъ я нынѣ. Одна страшная тѣнь осталась отъ меня и я самъ себя страшусь, мнѣ кажется, что я дѣйствительно челядникъ чернобога, а не человекъ.

— Прійми крестъ и будешь человекъ произвесь Ивой.

— Нѣтъ! Пусть онъ будетъ жрецъ перуна пока что. Онъ болѣе будетъ полезенъ кресту, прозвесь Хробль. Я радъ, что вижу тебя и ты сюда попалъ не простымъ случаемъ. Теперь я опять буду тебя кормить, будетъ кормить тебя Олель и Алла, и Юнія и всѣ мы. Ты меня первый научилъ понимать, что бревна, идолы, не боги живые, что Богъ крещеныхъ лучше боговъ идольщиковъ; я помню какъ; ты, напившись меду и будучи хмельной, кричалъ на перуновой площади, что перунъ не богъ, а полѣно, что истинные боги только извѣстны крещенымъ. Такъ, ты это говорилъ?

— Говорилъ!

— Ты сознаешь, что говорилъ истину.

— Конечно истуканы сдѣлавы изъ дерева такъ и есть бревна.

— Меня спасла отъ смерти крестная сила. Я увѣровалъ въ Христа и буду жить для того только, чтобы перунщиковъ, начиная отъ князя, образумить и привести къ истинному Богу. Мы всѣ, здѣсь находящіеся обрекли себя на это и ты долженъ намъ содѣйствовать, оставаясь еще жрецомъ перуна.

— Тотъ мой Богъ, который дастъ мнѣ кусокъ мяса и меду!..

— Ты тотъ песь, который кусаетъ, каждого на кого тебя т. е. пса напустить, произнесъ Ивой.

— Истинно такъ, повторилъ Петро, отецъ Григорій покачалъ головою, женщины молчали, а Храбль взялъ за руку Костаря и сказалъ: ты мой песь и на кого я уважу на того и будешь лаять. Намъ же всѣмъ святой крестъ велить стараться о немъ, дабы несчастные перунщики познали истиннаго Бога. Сказавши это Храбль всталъ съ своего мѣста, положилъ на себя троекратное знаменіе креста, обнялъ и поцѣловалъ отца Григорія, потомъ мать свою, потомъ Аллу и, поклонясь Юніи, обратился къ Костарю и стоявшимъ и сидѣвшимъ дружникамъ и сказалъ:

— Выйдемъ, поглядимъ на восходъ солнца, и я дамъ тебѣ Костарь свѣтлый пріютъ, гдѣ ты отдохнешь.

Всѣ приглашенные имъ встали, чтобы выдти на свѣтъ и, когда вышелъ онъ изъ пещеры, а за нимъ его дружина и слабый Костарь, поддерживаемый рыбакомъ, — въ то самое мгновеніе солнце огромнымъ розовозолотистымъ шаромъ выкатилось изъ за горизонта и отразилось въ безпредѣльномъ разливѣ Днѣпра, представлявшемъ гладкое зеркало, въ которомъ смотрѣлось небо и прибръжья.

— Видишь ли Костарь это великое солнце? Спросилъ Храбль.

— Вижу, какъ оно величественно взошло надъ Кіевомъ и озарило землю, — такъ скоро възойдетъ надъ Кіевомъ солнце креста и озаритъ такъ-же святою вѣрою и Кіевъ, и цѣлую Русь.

Сказавъ это, Храбль а за нимъ, его спутники вошли въ чашу кустовъ.

Конецъ первой часши.

Николай Сементовскій.

Кіевъ

8 марта 1863 г.

НѢСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ

ПО ПОВОДУ ВОЗНИКШИХЪ БЕЗПОРЯДКОВЪ ВЪ ЮГО ЗАПАДНОМЪ КРАѢ РѢССІИ.

Польскій вопросъ теперь особенно въ модѣ. Всѣ журналы, газеты варіируютъ непрестанно эту тему. — Польскій вопросъ у нихъ на первомъ планѣ. Куда бы вы ни пошли, съ кѣмъ бы ни встрѣтились, непременно услышите что нибудь о Польшѣ. Удивляюсь, какъ это парижане, такъ изобретательные на выкройки разнаго рода мужескихъ и женскихъ уборовъ, не выкроютъ до сихъ поръ сюртука или фрака, бурнуса, чепчика, мантильи или чего нибудь изъ многообразныхъ принадлежностей европейскаго туалета, à la Польша, à la Мирославскій, Лангевичъ, инсургентъ и проч. Парижане теперь совсѣмъ на себя не похожи. — Ужъ не прошла ли въ Тюльери мода на Польшу, ужъ не показался ли *лест виноградъ русскій зеленымъ*. А можетъ быть вниманіе Франціи поглощено всецѣло собственными дѣлами? — Покрайней мѣрѣ всякому извѣстно, какое горячее сочувствіе высказывали французы къ польской національности. — Это было очень не давно. Всѣ ихъ политическіе органы, одинъ передъ другимъ, спѣшили напутствовать поляковъ разными утѣшительными вещами, экзальтировавшими воинственное настроеніе ихъ духа. И я, въ то время, признаюсь, ожидалъ отъ нихъ какой нибудь выкройки à la Польша. Теперь ужъ отъ нихъ этого не жди. Теперь въ голоса ихъ газетъ звучитъ что то успокоительное, но ужъ не то, да и не такъ, а какъ-то совсѣмъ иначе: какъ то ужъ очень, *очень-но* политично. Французскія газеты стараются отдѣливаться полусловами, недоконченными фразами и вообще недомолвками. Замѣтно, что они чувствуютъ себя чрезвычайно не ловко; что ихъ что то такое неожиданно поразило, наврыло врасплохъ. Это замѣтно по ихъ манерѣ, по дикціи, по интонаціи голоса. — Если я не

ошибаюсь, перемена въ манерѣ и голосѣ французскихъ газетъ началась со времени заявленія бурноподданническихъ чувствъ, такъ энергически высказываемыхъ въ адресахъ, получаемыхъ со всѣхъ концовъ Россіи. Что ни говорите, а это хоть кого озадачить. Имѣть дело съ варварами никому не поздоровится. Тѣмъ болѣе, что такихъ варваровъ наберется не мало. Прогрессистовъ, которые бы дѣйствовали въ духъ передоваго изъ передовыхъ почтеннаго Герцена-Искандера, въ Россіи наберется очень не много; а то все, видите ли, варвары, у которыхъ постоянно одно и тоже на умѣ и на языкѣ: «мы за тебя Батюшка нашъ Царь въ огонь и въ воду!! Имущество, жизнь—все твое, располагай имъ, какъ хочешь. Пока мы живы,—пяди земли не уступимъ врагу.» Это говоритъ варваръ, до того закоренѣлый въ своемъ грубомъ невѣжествѣ, что и на золотыя грамоты, такъ нѣжно ласкающія слухъ и око самымъ вѣдомъ и названіемъ, не обратилъ никакого вниманія. Этого мало: варвары берутъ благодѣтелей, вяжутъ имъ руки и, вмѣстѣ съ золотыми грамотами, доставляютъ начальству. «Ты, говоритъ варваръ, звачится идешь, противъ нашего Батюшки Царя,—ты, стало быть, и нашъ врагъ. Ужъ какого отъ тебя ждать золота, коли ты самъ (вишь) какое золото!»

Не повезло бѣднымъ полякамъ!.. И англичане тоже теперь затѣваютъ совсѣмъ новую коммерцію. Известное дѣло-коммерческій народъ,—сегодня на одномъ торговомъ дѣлѣ барышничаетъ, а завтра на другомъ; на другомъ онъ надѣется больше барыша: взять, такъ и берется за другое. И винить его нельзя. Онъ, собственно говоря, по справедливости, и не заводилъ еще ни какой коммерціи съ Польшей, въ ущербъ Россіи, а такъ себя: имѣлъ некоторое намѣреніе, да и приостановился... Коммерческія дѣла англичане ведутъ очень осторожно.—Народъ практикованный, у! у!... какъ практикованный!

Вотъ и вспомнишь слово Евангельской истины: «не надѣйтесь ни на князя, ни на сына человеческаго, въ нихъ же нѣсть спасенія.»

Но, перенесемъ наше вниманіе отъ истинныхъ или мнимыхъ друзей Польшы къ ней самой. Какое легкомысліе со стороны поляковъ, какое неуваженіе къ собственной личности, какое страшное посягательство на совѣсть, честь, доброе имя свое и своей націи,—браться за оружіе противъ народа, съ которымъ породнились и жили въ одной семьѣ, ки-

кое преступленіе востать противъ Государя, который, въ самомъ началѣ польскаго бунта, не хотѣлъ вѣрить въ возможность направленія такого злодѣйства, какимъ начался онъ! Да какъ, скажите, вѣрить тому, что подданный за добро будетъ платить зломъ?—Чѣмъ, однакожь, объяснить нелѣпыя поступки поляковъ?

Допустимъ, что поляки могли успокоивать свою совѣсть тѣмъ, что пролагаютъ путь къ счастливому будущему своей націи. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, какая, по видимому, свѣтлая, благородная мысль: жертвовать жизнью, для блага отчизны! Но скажите намъ, гг. поляки на какихъ началахъ, на какихъ данныхъ думаете выстроить будущность своей отчизны? Ужь не на основаніи ли извѣстнаго намъ принципа, красующагося на вашихъ побѣдоносныхъ знаменахъ: «братство, свобода, равенство, независимость.»? Что же это, республику вамъ хочется ввести въ юго западномъ краѣ? Но, скажите, господа, положи руку на сердце, можемъ ли мы съ вами выполнить всѣ тѣ условия и обязанности, которыя налагаетъ республика на каждаго ея гражданина?

Условія, при которыхъ можетъ существовать республика, чрезвычайно строги и сложны. Обязанности каждаго гражданина республики требуютъ прежде всего служенія общему добру, безъ самохвальства, безъ расчетовъ на личную славу, корысть, требуютъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, самопожертвованій, безъ примѣся эгоистическихъ видовъ и, непременно, сдержанности въ порывахъ своихъ страстей и слабостей, какъ родовыхъ, такъ и благопріобрѣтенныхъ.

Наконецъ, гражданинъ республики долженъ уважать въ каждомъ человѣкѣ прежде всего его человеческое достоинство, и судить о человѣкѣ безъ лицепріятія, не дѣлая въ людяхъ ни родовыхъ, ни видовыхъ, ни словесныхъ, ни какихъ другихъ подраздѣленій. Республиканскія начала доступны народу образованному, развитому сознающему въ себѣ достаточный запасъ добрыхъ нравственныхъ силъ для того, чтобы не искушаться общечеловѣческими эгоистическими расчетами, заманчивыми по виду, ничтожными по существу. Заглянемъ въ глубь себя, господа, и мы скажемъ чистосердечно, (если только намъ не застилаетъ глаза какой нибудь предразсудокъ, затемняющій здоровую мысль, чувство, душу) что мы далеко не приготовлены къ братской любви, а потому и всякаго рода братство для насъ не мыслимо. Такимъ образомъ мы приходимъ къ убѣжденію, что громкія и звучащія слова:

«братство, свобода, равенство, независимость,» которыми, видимо, польскіе агитаторы хотять обманывать или себя, или другихъ, слова эти, говорю, не имѣютъ и не могутъ имѣть никакого смысла и значенія. Незабудьте еще, гг. мечтатели и того, что республика требуетъ природныхъ границъ, территоріальной, особыности, которую менѣе всякой другой націи можетъ похвалиться Польша, со всѣхъ сторонъ европейскаго материка, открытая для сосѣдей.—Между поляками, сколько мнѣ извѣстно, есть люди достаточно здравомыслящіе и благомыслящіе. Имъ я хочу предложить вопросъ: какимъ образомъ польскіе агитаторы могутъ навязываться съ своими предложеніями (въ родѣ извѣстныхъ) народу, который ни по какимъ правамъ имъ не принадлежитъ, который и слушать не хочетъ ни о какихъ предложеніяхъ? На это, пожалуй, скажутъ: народъ слѣпъ, не видитъ своей пользы; а покоренный оружіемъ будетъ радоваться и благословлять свою судьбу и вменна своихъ благодѣтелей, ощущая въ себѣ и кругомъ себя спокойствіе, довольство и все то, что называютъ счастіемъ. Ошибка, страшная ошибка, объясняемая только легкомысліемъ большинства поляковъ! Можно ли рассчитывать было на расположеніе того народа, который испыталъ такіа бѣдствія подѣ властью Польши? Онѣ сляшкомъ были сильны для того, чтобы изгладится изъ памяти. Онѣ переходятъ изъ вѣка въ вѣкъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе. Да, не добрая выпадала доля юго западному народу подѣ властью польскихъ королей и польскихъ магнатовъ. Ее трудно забыть: исторія Польша полна кровавыхъ сценъ, возмущающихъ душу, о которыхъ одно воспоминаваніе заставляетъ содрогаться и болезненно сжиматься сердце русское. Прошедшимъ своимъ Польша не можетъ похвалиться, а прошедшее Польша, больше или меньше, извѣстно каждому недѣльному народу русскаго. На это мнѣ могутъ сказать, что прошедшее нельзя сравнивать съ настоящимъ, что между поляками развелось много добрыхъ людей, что и злые люди переродились,—что, наконецъ, «польскіе агитаторы, не успѣвши подчинить себѣ юго западный народъ словомъ, дѣйствуютъ оружіемъ, для общаго же блага того народа. Что-жъ вы станете дѣлать, господа, когда этотъ народъ въ искренность вашихъ словъ, въ пользу вашихъ притязаній нехочетъ вѣрить. На слово, господа, въ наше время никому и ни въ чемъ, ужъ давнымъ давно не вѣрятъ; на все требуютъ фактовъ и доказательствъ. Настоящее ваше даетъ полное право этому народу гадать безошибочно о будущемъ. Эпизоды на-

стоящей рдани вашей, насилія надъ возмѣ, что удивляется цивилизаціей чедовѣчества, обличаютъ наглядно и живость вашихъ обѣтовъ, значеніе намѣреній. Не говорю уже о томъ, что возстаніемъ, ни на чемъ не основанномъ, вы прибавили къ исторіи Польши еще одно грязное пятно; еще одну варварскую страницу, но каковъ исходъ можетъ быть вашего возстанія, гдѣ надежда на лучшую участь Польши? Что вы можете сдѣлать съ Россіей, которая никогда такъ единодушно не стояла за свои права и своего Властителя, какъ теперь? И это поватно. Кому, какъ не русскимъ, охранять такого Царя, который всего себя отдалъ благосостоянію Россіи. Русскій чедовѣкъ добро помнить и не призадумается ни предъ какими жертвами, для того, чтобы защитить честь и права Царя—Освободителя, отстоять цѣлость Россіи и православія.

Допустимъ, что на Россію пойдетъ Франція, Англія.... вся Европа. Но, послушайте! Англичане, французы и итмды и другіе—все это народъ деликатнаго сложенія и высшаго образованія: имъ нужны котлеты, фрикасе и вслкіе тамъ деликатесы, безъ которыхъ они обойтись не могутъ, а русскіе, вѣдь варвары; они въ крайности помирятся и на сухарѣ. Намочить себѣ сухарей, въ манерочной крышкѣ, да и ѣсть; да еще какъ здоровъ, послѣ того.... на какого хотите звѣря пойдетъ. Извольте же переколотить всѣхъ этихъ варваровъ, когда они начнутъ по своему отстаивать свою землю, вѣру, своего Царя; мудроно, очень мудроно!

Недавно я имѣлъ случай подслушать разговоръ русскихъ варваровъ. Былъ чудный майскій вечеръ, одинъ изъ тѣхъ, которыхъ даже въ Кіевѣ было въ эту весну очень не много. Гуляющіе сѣлиши въ жандармскій садъ, подышать майскимъ вечеромъ, послушать пѣвучую трубу Германа. Пробирался и я въ жандармскій садъ. Иду Михайловской улицей и слышу пѣсню:

« Александръ нашъ отецъ
 « Мы совьемъ ему вѣнецъ
 « Отъ чистыхъ нашихъ сердець.»

Удареніе голоса замѣтно было въ особенноти на последнемъ словѣ каждаго стиха. Отраднo было слышать эту пѣсню, которая сложилась безъ натяжки и выливалась прямо изъ души. Вся пѣсня заключалась въ этихъ трехъ стихахъ, которые повторддлись съ большимъ и большимъ жаромъ, четырьмя дужими парнями. Замѣтно было, что имъ хотѣлось пѣть не пере-

ставая эти строки. Подъ вліяніемъ обаятельной импровизаціи парней, уклонясь отъ предположеннаго пути въ садъ, я незамѣтно дошелъ съ ними до распивочнаго, куда и вошелъ вслѣдъ за ними, стараясь прикинуться вихяго поля ягодой. Одинъ изъ нихъ потребовалъ 4 косушки и, за тѣмъ, всѣ усѣлись вокругъ стола. Вскорѣ между ними завязался тотъ задушевный разговоръ, который вамъ только можетъ удасться слышать отъ русскаго, когда онъ сидитъ за чаркою пениаго, или парой чая, въ обществѣ закадычныхъ друзей.

— «Ну, братъ ты мой, Митюха, говорилъ Пафнутій, наливая по чаркѣ, видѣлъ я сегодня поляковъ, какъ ихъ вели «связанныхъ. Рожі то у нихъ какія запыленные! Смотрѣтъ «скверно. Зшуны на нихъ какіе то; бороды тоже носятъ.... «Эхъ вояки, вояки, а право хоть....¹⁾), ну что съ ними воевать-то, съ погаными, коли они дураки! Вѣдь и собака не «пойдетъ на своего хозяина, не ставеть его кусать; а полякъ, «видишь, на нашего Батюшку-Царя идетъ; вѣдь Онъ и его «тоже Царь и для него тоже дѣлалъ милости, а онъ, видишь, «воевать сталъ!»

— «Землю хочеть отобрать отъ нашего Царя, замѣтилъ Василій.»

— «Понимаю я это, братъ ты мой! Да нешто ему дадутъ?.. «Недаромъ сказано: «полякъ безмозглый»... Царь слышь, про- «ститъ ихъ хотѣлъ. Оставьте, говорятъ, воевать, всѣхъ по- «милую. Нѣтъ таки, дѣзеть съ своимъ рыломъ поганымъ «воевать. Ну не дуракъ ли? Я бы засадилъ его въ сумасшед- «шія домъ; пускай бы тамъ воевалъ съ сторожами, въ же- «лѣзныхъ нарукавникахъ, право слово такъ!»

— «А я бы, говорилъ Митюха, перевѣшалъ всѣхъ, да пе- «рестрѣлялъ,—что съ ними много церемониться!»

— «Постой, постой, братъ Митюха, перебилъ Андрей, это- «го нельзя сдѣлать.»

— «Почему же нельзя, вопросительно смотрѣлъ Митюха?»

— «Да потому что агличане и хранцузы, слышь, засту- «пятся за нихъ.»

— «Эхъ, встряхнувши волосы назадъ, перебилъ Пафнутій. «У тебя, братъ Андрей, макуха здоровая, да, кажись, боль- «но крѣпко лобая!.. Нешто субординація ихъ намъ страшна? «Пусть агличанинъ или хранцузъ придетъ; ужъ мы вотъ «поправимъ мостовую, какъ слѣдуетъ быть; пусть его катаетъ-

¹⁾ Слово не деликатное въ печати.

«ся по мостовой, да какъ выѣдетъ то? Нѣтъ, братъ; шалишь!
«съ насъ взятки-гладки. Кривой! давай еще по косушкѣ, и
«онъ съ особеннымъ увлеченіемъ затынулъ:»

« Александръ нашъ отецъ

« Мы совьемъ ему вѣнецъ

« Отъ чистыхъ нашихъ сердець.»

Другіе дружно подхватили; чарки снова наполнялись и
«рѣчь, между ними, повелась самая оживленная, отрывистая.
«А что, братъ ты мой Митюха, говорилъ Пафнутій: коли
«придетъ агличанинъ, али хрѣнцузъ къ намъ, весело тебѣ
«будеть?»

— «Ну штожь! Что мое, что твое-дѣло, все однаково,....
«теперь камни дробимъ, а тогда будемъ головы»....

— «Въ обиду не дадимъ себя, Митюха?

— «Пусть попробуетъ, тогда увидить.

— «Что ты, Василій, съѣжился, али спать захотѣлъ?

— «Не трощь, Пафнутій, меня,-я думу думаю.

— «Какую жь ты думу думаешь?

— «Эхъ; Пафнутій!»... И Василій затрясъ головою. Въ го-
лось его зазвучала нота, которая защемила мнѣ сердце.
«Жаль мнѣ нашего Батюшку Царя!.. Христіанская вѣдь у
«него душа, добрая, ангельская душа; а вишь, какъ его-то
«огорчаютъ злодѣи!

Наступило молчаніе. Всѣ видимо были тронуты замѣча-
ніемъ Василя Пафнутія заговорилъ первый.

— «Василій!»

Василій поднялъ глаза.

— «Скажи ты мнѣ, братъ ты мой, нешто насъ могутъ
«впугать агличани, хрѣнтузы, али тамъ нѣмцы какіе? Нешто
«мы дадимъ кормильца, ваше красно-солнышко, нашего батюш-
«ку Царя въ обиду! .. Али грудь наша не сильна, али головъ
«нашихъ мало. Ну, штожь, помѣряемся, коли имъ хочется!
«На все есть воля Божія! Онъ насъ не выдастъ, а коли угод-
«но будетъ Богу жизнь нашу прекратить,-опять таки Его
«святая воля.-А пока будемъ живы,-берегись бусурманъ!»

Послѣ словъ Пафнутія, у всѣхъ заискрились глаза ог-
немъ той неотразимой силы, отъ которой, какъ говорится,
мурашки за кожей ползутъ.

Вошелъ городской, и Кривой засуетился.

— «Ну, что у тебя до сихъ поръ прохлаждаются, обра-
«тился городской къ Кривому?-Порядка незнаешь, что-ли?..
«Двѣнадцатый часъ!... Пора, заперать!».

Я поспѣшавъ выйти. И стало мнѣ на душѣ такъ громоздко, что воздуха, чуднаго майскаго вечерняго воздуха, казалось мало для моей груди. — Боже мой, Боже мой, думалъ я! да за что же себя губить народъ польскій? Неужели еще онъ не прислушался къ гласу русскаго народа? Неужели онъ можетъ разсчитывать на какую нибудь удачу въ своихъ преступныхъ замыслахъ, при такомъ всеобщемъ негодovaniи русскаго народа къ его возстанію. Для чего же идти на вѣрную свою погибель? Вѣдь это самоубійство! Или поляки такъ разочарованы жизнью, что имъ пріятнѣе умереть, чѣмъ жить? Но молодежь, которою поддерживается возстаніе, далеко еще отъ разочарованія въ жизни. Или ихъ возстаніемъ двигаетъ ожесточенное упрямство-поставить на своемъ или умереть? Къ чему это безцѣльное отчаяніе? Какую пользу можетъ принести національности эта гордость? Быть можетъ полякамъ стыдно положить оружіе, сознаться въ безразсудствѣ своей дерзости не по силамъ, не добившись той цѣли съ какой оно поднято? Но къ чему же поддаваться ложному стыду тому народу, который такъ сильно занятъ своей національністю?

Сложить оружіе, отдаться въ волю своего Государя и просить, съ чистосердечнымъ раскаяніемъ, Его помилованія—подвигъ едва ли былъ бы не лучшій изъ всѣхъ подвиговъ извѣстныхъ въ исторіи поляковъ. Этотъ подвигъ возбудилъ бы къ себѣ симпатію, пожалуй, всего русскаго народа. И, кто знаетъ!.. еслибы польскій народъ заявилъ, со временемъ, съ своей стороны, достаточно нравственныхъ силъ, для саморазвитія; еслибы онъ успѣлъ внушить къ себѣ то чувство уваженія, которое способны мы питать къ народу и къ каждому человѣку съ высокими качествами ума и сердца, почему и не получить ему тогда основъ своей самобытности? Но это могло и можетъ сдѣлаться не путемъ возстанія, не имѣющимъ ни какого смысла, какъ и всякое насиліе, а путемъ пересозданія себя, путемъ уничтоженія въ себѣ всѣхъ тѣхъ страстей и слабостей, которыя такъ сильно привились къ польской натурѣ, которыя такъ часто и ужасно губили страну и народъ въ прошедшемъ, а, не будучи подавляемы властью, отъ нихъ независимой, могутъ губить ихъ настоящее и будущее. Характеръ и результаты польскихъ страстей и слабостей едва ли кому нужно объяснять или доказывать. Для того, чтобы имѣть право требовать что нибудь, нужно прежде всего задать себѣ вопросы: каковъ я?... Чего заслу-

живаю? . Послужить ли въ мою пользу и въ пользу моей національности исполненіе требованія, котораго я неотступно домогаюсь? Вотъ тѣ вопросы, которые слѣдовало-бы задать себѣ полякамъ и рѣшить ихъ,—только, не съ-плеча, а путемъ строгаго надъ собой историческаго и психологическаго анализа.

Крючекъ Зацѣпа.

Современное положеніе Болгарь въ религіозномъ отношеніи.

(По нѣмецкимъ газетамъ.)

Национальныя стремленія настоящаго вѣка угрожаютъ Турціи рѣшительнымъ ея уничтоженіемъ. Быть можетъ, оно было бы не далеко отъ нашего времени, если бы союзъ Англіи и Франціи противъ Россіи въ послѣднюю крымскую войну, предпринятый въ интересахъ политическаго равновѣсія, не остановилъ русскаго оружія на берегахъ Чернаго моря. Союзныя державы, рѣшившись сдѣлать попытку оживленія Турціи, думали успокоить горячія чувства вѣры и національности греческой и славянской тѣмъ, что выудили у Порты торжественное обѣщаніе уравнять въ религіозной свободѣ христіанъ съ магометанами. Изданъ дѣйствительно, гатти-гумаюмъ. Но этотъ-то ясный документъ, которымъ хотѣли успокоить православныхъ славянъ, сознающихъ свою народность, опирающуюся на вѣру, далъ и даетъ имъ юридическое право—требовать національныхъ учрежденій. Сознаніе этого права и потребность національной жизни служатъ теперь внутренними живыми и могучими двигателями богатой натуры славянъ, страдающихъ подъ гнетомъ чужестранцевъ. Гнетъ этотъ тѣмъ чувствительнѣе, что страдальцы знаютъ о существованіи сильнаго государства, имъ соплеменнаго и единовѣрнаго. Они надѣются имѣть свою богатую будущность, только лишь бы освободиться имъ изъ подъ ига! Какъ ни мало вѣры въ Славянахъ, подвластныхъ турецкой имперіи, въ

добросовѣтность ея правительства, которое издало гатти-гумаюмъ, они хватаются крѣпко за права, дарованныя имъ въ немъ. Онъ обезпечиваетъ религіозную равноправность ихъ съ магометанами. Она хотятъ теперь, на основаніи его, имѣть свое собственное церковное управленіе, добиваются его, но встрѣчаютъ сильныя противудѣйствія къ исполненію ихъ желаніи. Порта очень неохотно можетъ согласиться сдержать свое обѣщаніе, — основаніе церковнаго національнаго управленія былъ бы важный и твердый шагъ къ самобытной жизни славянъ. Потому Порта не только не соглашается съ ихъ желаніями, но рѣшительно противудѣйствуетъ имъ. Къ этому, и настоящее церковное правительство между славянами, греческое — имѣтъ свой причины поддерживать свое значеніе въ славянской церкви. Естественно, по этому, патріоты славянскіе становятся не въ очень пріятныя отношенія къ грекамъ, — въ нихъ они видятъ теперь виновниковъ ихъ несчастнаго положенія, изъ котораго они же мѣшаютъ имъ выйдти. При такихъ отношеніяхъ неизбѣжны столкновѣнія между тѣми и другими. Болгары, быть можетъ, не безъ основательныхъ причинъ подозрѣваютъ греческое духовенство въ единодушныхъ связяхъ съ Портою для стѣсненія ихъ національныхъ стремлѣній. Они жалуются на греческихъ священниковъ и архіереевъ, которые присылаются къ нимъ, обвиняютъ ихъ въ корыстолюбіи, въ недоброжелательствѣ къ нимъ. Въ 1858 году болгары сдѣлали даже публичную демонстрацію противъ епископа Неофита въ Тирново, въ слѣдствіе которой епископъ переведенъ былъ на архіепископскую катедру въ Салоники. Подобныя столкновенія болгаръ съ греческими епископами Порта объясняетъ и принимаетъ, какъ демонстраціи противъ ея правительства, и, въ слѣдствіе этого, увеличиваетъ трудности славянской жизни. — Въ этомъ положеніи болгары думаютъ, и справедливо, найди поддержку въ своихъ стремленіяхъ въ покровительствѣ русской политики. Много путей (много точекъ соприкосновѣнія Болгаріи съ Россією) открывается русскому вліянію на ходъ событій въ Болгаріи. Единоплеменность, единовѣріе, сопредѣльность странъ, тысячелѣтняя историческая связь, обоюдныя сочувствія, теплыя, искреннія — все это такія точки соприкосновѣнія между русскими и болгарами, въ которыхъ судьба болгаръ тѣсно, неразрывно соединяется съ исторіей Россіи. По этому русская политика находигъ возмож-

ность поддерживать національныя стремленія ихъ. »И чѣмъ болѣе фанариотское духовенство константинопольскаго патриархата вступаетъ подъ вліяніе западныхъ державъ, тѣмъ рѣшительнѣе выступаютъ панславонистическія идеи русскихъ въ славянскихъ дѣлахъ» (Neue evangelische Kirchenzeitung. № 4, 1863). Противъ этихъ силъ константинопольскій патриархъ не можетъ устоять въ прежнемъ положеніи, — онъ долженъ согласиться на уступки требованіямъ болгаръ. Въ 1857 г., на собраніи высшего греческаго духовенства, въ Константинополѣ, рѣшено было—поставить болгарамъ епископа изъ ихъ племени, но съ тѣмъ, чтобы онъ имѣлъ резиденцію свою въ Константинополѣ, какъ представитель интересовъ своей церкви предъ духовнымъ греческимъ и турецкимъ свѣтскимъ правительствомъ. Но едва лишь поставленъ былъ епископомъ Иларіонъ Макариуполецъ, — болгаре не хотѣли удовольствоваться полуудовлетвореніями. Самъ новопоставленный епископъ, вскорѣ послѣ своего посвященія, выпустилъ имя константинопольскаго патріарха изъ церковныхъ молитвъ, позванъ былъ за это къ суду; при судѣ онъ открыто признался предъ высшими духовными сановниками восточной церкви, что его народъ желаетъ полной, древней церковной самостоятельности и независимости отъ константинопольскаго патриархата, и доколѣ не останется доволенъ своимъ положеніемъ, доколѣ не получитъ требуемаго. Въ этомъ духѣ поданы были записки отъ разныхъ болгаръ епископамъ и патриарху; распространены въ Константинополѣ брошюры. Въ тоже время Россія дипломатическою нотою жаловалась Оттоманской Портѣ на притѣсненія, которыя терпятъ болгаре. Назначена была слѣдственная коммиссія въ Болгарію, которою завѣдовалъ тогдашній великій визирь Мехмедъ Гибризли. Въ концѣ 1860 года коммиссія официально объявила о результатахъ своего слѣдствія. Вину всѣхъ безпорядковъ она сложила на отдѣльныя личности клира и на такихъ свѣтскихъ людей, которые, въ видахъ національныхъ, преданы русскимъ интересамъ. По этому случаю, національная болгарская партія, въ сознаніи правоты своего дѣла, обратилась съ адресомъ къ представителямъ великихъ державъ въ Константинополѣ, съ просьбою о защитѣ, но адресъ остался безъ послѣдствій. Три епископа, защитники національности и вѣры, отлучены отъ церковнаго общенія и подъ прикрытіемъ военнаго турецкаго конвоя отправлены въ

ссылку, въ началѣ 1861 года въ Кутаія, гдѣ они находятся, по увѣренію нѣмецкихъ газетъ, и доселѣ.

Пользуясь несчастнымъ положеніемъ болгаръ, протестанты и еще болѣе каколики пропагандируютъ свои вѣроисповѣданія. И такъ какъ болгары не отвергаютъ всѣхъ средствъ съ осуществленію своихъ національныхъ стремленій, а пропагандисты ободыщаютъ ихъ своими услугами, то пропаганда и имѣетъ видные успѣхи, — какъ католическая, такъ и протестантская. Вотъ нѣсколько извѣстій о нихъ въ нѣмецкихъ газетахъ.

Латинская пропаганда еще въ 1856 году ревностно пользовалась болгарскими движеніями въ свою пользу. Ею заправляетъ, при покровительствѣ французскаго посольства, лазаристъ—іезуитъ Боре (Boré). Существованіе съ довольно давнихъ временъ католическаго болгарскаго народонаселенія около Филиппополя и Никополиса, простирающееся до 15,000 душъ, облегчало дѣятельность Боре. Онъ сначала направилъ ее изъ Тесалоникъ во внутрь полуострова. Его знанія и способности ловкость—приноровляясь къ обстоятельствамъ, вліяніе, которымъ онъ пользовался со внѣ, по видимому, произвели значительное впечатлѣніе на славянское народонаселеніе. Его миссіонерскіе труды хвастливо расписаны въ *Journal de l'orient* и протрублены звучно по всей Европѣ; но при инспекторской ревизіи на мѣстѣ католическаго архіепископа константинопольскаго Брунона (Brunoni) они оказались во все не такъ славными, какъ пронеслась молва. Тѣмъ не менѣе въ 1860 году Боре очутился уже въ самомъ сердцѣ Болгаріи въ Тирново. Здѣсь онъ поіезуцки хитро проникъ въ духъ національной болгарской партіи, вмѣстѣ съ нею ревностно выступилъ противъ греческой православной іерархіи и отличался такимъ одушевленіемъ къ дѣлу, что его не узнали вѣрно—быль ли онъ іезуитъ, или католикъ, или славянинъ съ православною вѣрою. Вмѣшательство турецкаго правительства въ церковныя дѣла болгаръ въ отношеніяхъ ихъ къ константинопольскому патріархату, вмѣшательство, въ слѣдствіе котораго нѣсколько священниковъ было схвачено и посажено въ тюрьму, какъ нельзя болѣе поддерживали намѣренія Боре. Онъ разставлялъ при этомъ вѣти своей пропаганды. Одинъ изъ схваченныхъ болгарскихъ священниковъ счастливо ушелъ изъ тюрьмы и укрывся въ католическій монастырь св. Бенедикта въ Галатѣ. Здѣсь

его приняли съ распростертыми объятіями. Тутъ же явился и о. Боре. Отецъ іезуитъ не замедлилъ приступить къ несчастному, ищущему убѣжища отъ гибели, съ убѣждениями перейти къ римско-католической церкви. Стѣсненные обстоятельства, бѣдный священникъ рѣшился написать отреченіе отъ константинопольской церкви, которое предполагалось отправить въ константинопольскій патріархатъ. Но еще къ большому удивленію и совершенно неожиданно для отрѣкающагося отъ единенія съ восточною церковью оказывается, что Боре умѣлъ подобными же средствами склонить къ той же рѣшительности еще трехъ болгарскихъ священниковъ, которые вмѣстѣ съ своимъ соотечесленникомъ послали отреченіе къ патріарху, выразивъ въ немъ свое неудовольствіе «на злоупотребленіе греческаго духовенства», и извѣстіе, что они рѣшаются перейти въ католическую церковь «съ удержаніемъ болгарскаго языка и восточныхъ обрядовъ». Тотчасъ же была построена въ константинополѣ для католическихъ болгаръ церковь въ домѣ гдѣ живетъ епископъ армянскихъ католиковъ. Послѣ этого ревность Боре къ пропагандѣ утроилась: возбудилось пристальное вниманіе всѣхъ католиковъ, насѣляющихъ Лелантъ, къ новообращеннымъ и вообще ко всѣмъ болгарамъ; болгары пріобрѣли у католиковъ особенную попечительность, привѣтливость; дѣло Боре стало предметомъ особеннаго покровительства французскаго консульства. Все это дало возможность Боре пріобрѣсть вниманіе предъ римскимъ престоломъ. Благодаря этому вниманію, папа весной 1861 г. посвятилъ въ перваго латинско-болгарскаго епископа, протеже отца Боре, болгарскаго монаха Іосифа Сокольскаго, который для полученія сана отправился былъ въ Римъ. Въ Римѣ Сокольскій удостоился отъ папскаго двора получить выраженіе лестныхъ для него почестей и особенное благословеніе. Нанутствуемый имъ изъ Рима, Сокольскій съ почетомъ былъ принимаемъ въ Константинополѣ отъ католическаго населенія. Онъ хлопоталъ уже о томъ, чтобы ему дали титулъ патріарха болгарскаго, прежде возраста, который составляетъ одно изъ условій полученія этого титула. Но вдругъ, не болѣе, какъ послѣ трехъ недѣль по его возвращеніи, епископъ исчезъ... Куда и какъ?—Дѣло это теперь разъяснилось. Онъ изъ константинополя бѣжалъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ болгаръ, сначала на азиатскій

на азіатскій берегъ и потомъ, на русскомъ пароходѣ, въ Одессу... а отсюда, по распоряженію св. Синода, переведенъ въ Кіевъ. гдѣ и теперь состоитъ на покой въ Печерской Лаврѣ. Исчезновеніе его принесло значительный ущербъ латинской пропагандѣ въ Болгаріи. Семь священниковъ и другихъ духовныхъ лицъ обнародовали іезуитскіе происки въ Болгаріи, очень подорвали этимъ довѣріе къ нимъ въ своихъ соотечественникахъ, возвратились снова изъ латинско-болгарскаго вѣроисповѣданія въ православное греческо-болгарское, хотя не встали въ число приверженцевъ греческаго патріархата. Ультрамонтантская газета *Vulgaria* потеряла почти всѣхъ своихъ абонентовъ. Въ Константинополѣ, предпріятіе Боре трактуется вовсе неудавшимся. Болгарская знать входитъ въ Константинополѣ въ близкія сношенія съ турецкими министрами и строитъ надежды для будущаго. Планы ея очень скромные и, по всей вѣроятности, сбудутся. Она надѣется, что константинопольскій патріархатъ допуститъ въ клиръ болгарскій половину природныхъ болгаръ. Эти надежды тѣмъ болѣе могутъ быть осуществлены, что во главѣ національно-болгарскаго движенія стоитъ человекъ очень разсудительный и умѣренный. Это—епископъ Пареній, занимающій епископскую кафедру съ марта 1862 г. Что касается до настоящаго состоянія католической ерархіи въ Болгаріи, то и она еще надѣется на свои успѣхи. Въ январѣ прошедшаго года, она получила новаго для себя епископа въ лицѣ пресвитера Петра Арабадійскаго; она находится теперь подъ особеннымъ покровительствомъ враждебнаго Россіи Паши, управляющаго провинціею адрианопольскою—Циалеть, въ которой сосредоточивается болгарское латинство; въ началѣ апрѣля прошедшаго года она по ультрамонтантскимъ газетамъ считала у себя 2612 семействъ. Епископъ Петръ находится подъ высшимъ вѣдѣніемъ армяно-католическаго патріарха Гассуна, но онъ признанъ въ тоже время со стороны Порты въ качествѣ правителя дѣлами болгарско-католической церкви. Съ какою неутомимою ревностію католическая церковь пользуется всѣми случаями имѣть какой бы то нибыло успѣхъ на востокѣ, и съ какою методическою расчетливостію она идетъ къ тому, что бы двойною дѣятельностію на востокѣ вознаградить потери ея на западѣ, гдѣ ей уже не о пропагандѣ думать, а лишь о под-

держаниа того, что есть у нея. — это доказываетъ обнародованная 25 декабря и 6 января прошедшаго года папская Enciclica, по которой институтъ латинской пропаганды раздѣляется на двѣ секціи — западную и восточную. Восточная секція въ свою очередь подраздѣляется на четыре отдѣла. Каждый изъ нихъ состоитъ подъ главнымъ вѣдѣніемъ и предсѣдательствомъ особаго кардинала и назначенъ для опредѣленныхъ восточныхъ національностей. Къ этимъ отдѣламъ, въ качествѣ референдаріевъ, приставлены въ Римѣ природные члены всѣхъ національностей, лица, обладающія знаніями языковъ и мѣстностей. Ученныя работы этихъ корпорацій выполняются учеными, пользующимися европейскою извѣстностью (изъ нѣмцевъ извѣстны между этими господами Augustin Theiner и Pius Zingerl), которые или сами занимаются ими, или только надсматриваютъ надъ выполненіемъ ихъ молодыми студентами пропаганды. Самъ папа повѣлѣваетъ кардиналамъ, которые руководятъ дѣлами пропаганды, доставлять ему лично точныя извѣстія о ходѣ дѣлъ.

Но не со стороны только католиковъ въ опасности вѣра и національность болгаръ. И протестантскіе миссіонеры съ ревностію также дѣйствуютъ между славянами въ пользу своего вѣроисповѣданія. По видимому миссіонерская дѣятельность протестантовъ здѣсь скромнѣе, чѣмъ католическая, не отмѣчена іезуитскими качествами, но она не менѣе опасна для славянъ, какъ и ея сотрудница. Примѣры чеховъ, словаковъ, кроатовъ и другихъ славянскихъ племенъ, находящихся въ Саксоніи и австрійскихъ владѣніяхъ ясно показываютъ, что протестантство вредитъ національности нашихъ соплеменниковъ, не согласно съ историческимъ настроеніемъ ихъ жизни и не удовлетворяетъ требованіямъ славянскаго духа. Потому славяне не могутъ и не должны равнодушно смотрѣть на успѣхи протестантства между ихъ соплеменниками.

Протестантскіе миссіонеры особенно дѣятельны между болгарами съ 1856 года. Ихъ — двѣ главныя миссіи — шотландская и методистическая; первая ревностно дѣйствуетъ на сѣверѣ Болгаріи, вторая, присланная изъ Америки, — на югѣ. Та и другая занимаютъ довольно мѣсть миссіонерскихъ: Шумлу, Варну, Софію, Филиппополь и др. Надобно сказать, что дѣятельность этихъ миссіи почти исключительно ограничивается распространеніемъ библіи. Съ какимъ успѣхомъ идетъ это дѣло,

можетъ служить доказательствомъ то, что въ 1860 г. роздано было въ европейской Турціи болгарскому населенію библии въ болгарскомъ переводѣ 11,000 экземпляровъ. Стараются миссіи эти заводить школы протестантскія, — но встрѣчаютъ препятствія какъ со стороны католиковъ, такъ и грековъ. Не смотря однако на эти препятствія существуетъ нѣсколько евангелическихкихъ школъ. Погибель американскаго миссіонера Мерьяма (Merjam), убитаго въ послѣднюю осень при Филиппополѣ шайкою разбойниковъ, лишила американско-методистическую миссію въ Турціи опытнаго и дѣятельнаго для ея цѣлей чело­вѣка. — Въ Константинополь существуетъ еще комитетъ евангелическаго союза, назначеніе котораго, какъ и всего союза въ Германіи, — въ духѣ протестантскомъ христіанская благотворительность въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Недавно открытъ означенный комитетъ, но онъ уже обратилъ на себя вниманіе болгаръ своею дѣятельностію. Новая евангелическая церковная газета въ Берлинѣ (Neue evangelische Kirchenzeitung), органъ евангелическихъ уніонистовъ, а слѣдовательно и евангелическаго союза имѣетъ и сообщаетъ 24 янв. 1863 г., (№ 4) не очень опредѣленно извѣстіе, что будто епископы болгарской національной партіи, находящіеся теперь въ ссылкѣ, предъ временемъ отведенія ихъ туда, обращались въ комитетъ за помощь. Они желали бы встать въ гражданскомъ отношеніи подъ покровительство комитетовъ въ Турціи, но желали бы въ то же время содержать обрядъ и каноны своей церкви. Это найдено со стороны комитета невозможнымъ, но многіе евангелическіе миссіонеры поддерживаютъ съ епископами дружественную переписку.

Въ странномъ положеніи, среди перекрестныхъ огней, болгары ждутъ дѣйствительнаго, имъ сроднаго убѣжища лишь въ сочувствіи единовѣрныхъ и единоплеменныхъ русскихъ.

М. Горчаковъ.

Штутгартъ. 8 апрѣля 1863 г.

МЕДВѢДИ—ТУРИСТЫ.

Въ медвѣжьемъ обществѣ былъ этакій законъ,
Что если въ авторство намѣренъ кто пуститься,

Такъ долженъ онъ

Сперва съ умнѣйшими себя *пораспроситься*

Отдавши имъ и прозу и стихи

Для очищенія отъ всякой чепухи;

И все у нихъ спокойно, тихо было,

Покуда общество такой законъ хранило.—

Но вдругъ туристы изъ чужихъ лѣсовъ,

Медвѣди молодые,

Пришли до земляковъ,

И осмѣяли ихъ обычай простые:

«Зачѣмъ у васъ сей варварскій законъ,

И для чего полезень онъ,

Чтобъ предварительно давать на разсмотрѣнье

Какое—либо сочиненье?.

Что я хочу, пишу; какъ воздухомъ дышать,

Такъ точно долженъ я свободно и писать!...

—Всё такъ; но если вы больны

И воздухъ заражаете дыханьемъ,

Такъ мы, здоровые, не ужели должны

Отравляваться вашимъ изверганьемъ?..

Не запрещаемъ вамъ дышать,

И что угодно вамъ, вы можете писать,

Но, Бога ради, пощадите!

Дышать и сочинять туда идите,

Гдѣ для такихъ, какъ вы, устроенъ общій, домъ:

Свобода слова тамъ ужъ ровно ни по чѣмъ,—

Кричатъ, бранятся, и шумятъ... прямой Содомъ!

Такъ говорилъ старикъ Медвѣдь туристамъ.

Они—зашикали, и отвѣчали свистомъ.—

—Свистать угодно господамъ?

Сказалъ старикъ: свищите,

Да берегитесь и смотрите,

Чтобы отъ свиста вамъ

Не перейти къ слезамъ.—

У Л Е Й.

Былъ улей Пчелъ,
 А въ ульѣ томъ порасплодились трутни.
 Они хоть въ праздникъ, хоть и въ будни,
 Сидѣли праздно, не у дѣлъ,
 И отъ бездѣлья только разсуждали
 «О томъ, о сѣмъ, а чаще ни объ чѣмъ,»
 Но впрочемъ всѣ были большіе либералы
 И съ независимымъ умомъ,
 И съ убѣжденьями неподкупными.
 Ну, что ты будешь дѣлать съ ними?
 Порядокъ въ ульѣ былъ несносенъ ѣмъ;
 Все было не по нихъ; и пчелкамъ молодымъ
 Ватага трутней уши прожужжала
 Про либеральныя начала.
 Централизація была для нихъ, какъ ножъ,
 формальность и отчетность—тожъ,
 А подчиненный трудъ всѣхъ пчелъ безъ исключенья—
 «Казёньщина» была достойная презрѣнья.—
 «Какой расчётъ при такомъ трудѣ?
 Трудись для общества, а самъ себѣ
 Не можешь и вздохнуть свободно, либерально;
 Слуга покорнѣйшій! въ нашъ вѣкъ матеріальной
 Гоняться за идеєю добра
 Прошла пора,
 Намъ либеральныя потребны учрежденья:
 Комфортъ, изъятіе отъ принужденья,
 Свобода слова и свобода дѣлъ,
 Чтобъ всякій говорилъ и дѣлалъ, что хотѣлъ.—
 Зачемъ же, пчелки, вы сидите?
 Летите,
 Куда хотите,
 Къ централизаціи въ свой улей не спѣшите!
 Зачемъ трудиться вамъ надъ сотами что—день?
 Искусство жизни—это лѣнь.
 Самодавильная, разумная, благая!...
 Одна—другая пчелка молодая
 Послушались повѣсь

И либеральничать пустились въ лѣсъ, —
 Летали тамъ, гуляли,
 Ни меду изъ цвѣтовъ, ни воску не собрали,
 И въ улей возвратилися ни съ чѣмъ;
 Затѣмъ

И пчелки прочія разнудѣнность почули, —
 Залиберальничать почти весь улей,
 И — прекратился общій трудъ....
 «Э, плохо! что мнѣ дѣлать тутъ?»

Царица улья старыхъ пчель спросила.
 — Что дѣлать? трутней вонь! — сказали тѣ:
 Въ трудолюбивой нашей тѣснотѣ
 Танихъ бездѣльниковъ держать не должно, —
 И пчелолубіе уже тутъ будетъ ложно, —
 Да и пчелами ихъ нельзя назвать;
 Вонь трутней! вонь! чтобы опять
 Явилась въ ульѣ нашемъ благодать —
 Совѣтъ уваженъ былъ; всѣхъ трутней вонь изгнали;
 И скоро всѣ они отъ голоду пропали.
 А въ ульѣ съ той поры опять трудиться стали. —

О ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ У АВСТРІЙСКИХЪ СЕРБОВЪ.

(Преосвященнаго Андрея, православнаго епископа
 трансильванскаго).

(окончаніе)

О монастыряхъ

Издревле существуетъ въ архіепископіи тринадцать монастырей, именно: Крушедолъ, Ремега, Гергетегъ, Голова, съ приписнымъ монастыремъ старая Голова, Раваница, Лзакъ, Боженова, Шиматовацъ съ приписнымъ монастыремъ Петковица, Кувездинъ съ приписнымъ монастыремъ Гипша, Привина, Глава, Беоцннъ съ приписнымъ монастыремъ Раметица, Раковецъ и Феннъ;

Въ Новосадской епархіи двѣ: Ковтнъ и Воданъ;

- въ Темешварской епархіи три: Бездинъ, св. Георгій и Вой-
ловца;
въ Арадской—одинъ: Годошъ;
въ Вершецкой два: Месичъ и Златица съ примеснымъ мо-
настыремъ Базиашъ;
въ Офенской епархіи одинъ: Грабовацъ;
въ Паврацкой—три: Ораговица, Повра и Лепавина;
въ Карлштадской одинъ: Гемпріа.

Всѣ эти монастыри назначены для монаховъ; женскихъ мо-
настырей въ настоящее время не существуетъ. Говорятъ, что
старый монастырь Язакъ былъ женскій, но уничтоженъ подобно
женскимъ монастырямъ буковинскимъ, гражданскою властію.

Изъ 13 монастырей архіепископін только Феневъ находится
въ равнинѣ, недалеко Дуная и Савы при землинѣ; другіе распо-
ложены между живописными высотами горы Монтъ Аѳнус, по сербски—
Фрушкой горы, на пространствѣ 12—13 миль и въ разстояніи
другъ отъ друга $\frac{1}{2}$ —2 часовъ. Вблизи каждаго изъ этихъ мона-
стырей, за исключеніемъ Гоповскаго и Беочинскаго, находится
малая деревня—Перняворъ, основанная работниками и служителями
монастыря. Въ строгомъ смыслѣ можно сказать, что монастыри
эти, при разумномъ хозяйствѣ, могутъ содержаться собственнымъ
имуществомъ и церковными доходами. Доказательствомъ сему слу-
жить то обстоятельство, что монастырь, имѣющій настоятеля,
проникнутаго своимъ званіемъ, успѣваетъ и цвѣтеть во всемъ, а
въ противномъ случаѣ представляетъ печальное зрѣлище. Въ 1817
году, въ монастырѣ Гопова учреждено было училище для учени-
ковъ другихъ монастырей, посвящавшихъ себя монашескому зва-
нію, но чрезъ три или четыре года это училище закрыто ко вре-
ду монашескаго чина и къ ущербу великой пользы, имѣвшей
отсюда произрасти для душъ.

Объ училищахъ.

Какъ скоро сербскій народъ въ 1690 году, въ слѣдствіе про-
клямаціи императора Леопольда I, поселился въ странахъ поду-
найскихъ, тисскихъ и марошскихъ, и устроилъ свое политиче-

ское и церковное бытіе; тотчасъ начали заботиться и объ училищахъ. Исаія Дяковичъ, послѣ смерти патриарха Черновича, сперва архіепископскій мѣстооблюстителъ, потомъ самъ архіепископъ, просилъ у правительства въ 1706 роду разрѣшенія, учредить типографію и основать нѣсколько училищъ. Но въ архіепископскомъ санѣ онъ дѣйствовалъ лишь годъ и нѣсколько мѣсяцевъ, потомъ умеръ. Спустя немного послѣ, взялось было правительство за это дѣло, издавъ въ 1723 году, на имя барона Калянека, носившаго титулъ сербскаго судьи, циркуляръ, коимъ предписывалось учреждать училища въ городахъ и селахъ. Это распоряженіе правительства подкрѣплено было пастырскимъ посланіемъ, изданнымъ въ духовенству въ 1724 году архіепископомъ Моисеемъ Петровичемъ и циркуляромъ народнаго собора въ 1730 году; но исполненіе сего распоряженія протянулось до 1731 года, въ которомъ архіепископъ Викентій Ивановичъ особенно заботился о карловскихъ училищахъ и побуждалъ народъ посылать дѣтей въ тамошнюю центральную школу, въ которой кромѣ отечественнаго языка преподавался и латинскій. При митрополитѣ Павлѣ Ненадовичѣ, въ 1761 году, изъ этихъ училищъ образовалась гимназія, для которой онъ далъ домъ, въ которомъ и теперь еще помѣщается высшая гимназія. Этотъ ревностный митрополитъ умеръ въ 1768 году, и какъ имущество умершихъ архіепископовъ, изъ котораго содержались карловская гимназія и другія училища, принадлежало между прочимъ къ наследственному праву архіепископовъ, а это право въ 1770 году уничтожено иллирскимъ регламентомъ; то существованіе карловской гимназіи зависѣло отъ благорасположенія архіепископа. Такимъ-то образомъ имя митрополита Стефана Стратимировича Булпинскаго на вѣки останется незабвеннымъ за упроченіе этого заведенія, которое существуетъ и донинѣ къ общей пользѣ.

Одно обстоятельство, относящееся къ учрежденію этой гимназіи, заслуживаетъ, по своей важности, быть здѣсь упомянутымъ. Одинъ карловскій гражданинъ, по имени Димитрій Анастасіевичъ, по ремеслу портной, бывший сначала бѣднымъ, но благословеніемъ Божиимъ, трудомъ и бережливостію приобрѣвшій значительное имущество, по бездѣтству, принялъ на старость лѣтъ, вмѣсто сына,

одного бѣднаго мальчика изъ сѣсѣднѣаго села, Крушедола, и заставилъ его ходить въ школу. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ имѣлъ намѣреніе, значительную часть своего имущества посвятить для чело-вѣколюбивыхъ цѣлей. Архіепископъ Стратимировичъ, искренно желавшій улучшить состояніе гимназій, узнавъ о чело-вѣколюбивомъ намѣреніи портнаго Димитрія Анастасіевича, отправился въ нему $\frac{3}{4}$ августа 1791 года, изобразилъ ему скудость образова-нія и просвѣщенія между сербскою молодежью, и показалъ, какія великія заслуги оказалъ бы для народа тотъ, кто для этой цѣ-ли пожертвовалъ бы изъ своего имущества столько, сколько поз-воляютъ ему обстоятельства; при этомъ митрополитъ примѣтилъ, что онъ, Анастасіевичъ, могъ бы оказать народу эту заслугу. Выслушавъ совѣты своего архипастыря, къ которому питалъ пол-ное довѣріе и самое глубокое уваженіе, Анастасіевичъ съ радос-тію объявилъ, что онъ даетъ 20,000 гульденовъ для учрежденія высшаго заведенія въ Карловцахъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы это заведеніе устроено было въ Карловцахъ и поставлено было подъ покровительство и высшій надзоръ митрополита и епитроповъ, избранныхъ изъ сербской церкви и народа. Онъ изъявилъ готов-ность половину обѣщанной суммы тотъ часъ выдать и вложить для приращенія, а другую половину должно получить заведеніе послѣ его смерти. На другой день митрополитъ пригласилъ къ себѣ нѣсколькихъ карловскихъ гражданъ, въ томъ числѣ и Ана-стасіевича, и сообщилъ первымъ вѣсть о рѣдкомъ поступкѣ ихъ собрата. Съ истиннымъ воодушевленіемъ граждане благодарили Анастасіевича, цѣлуя и поднимая его, и съ своей стороны сложи-ли 13,000 гульденовъ, какаа сумма послѣ приложеніями 90-ти гра-жданъ увеличена была до 19,000 гульденовъ.

Руководимый своею архипастырскою ревностію, митропо-литъ Стратимировичъ при этой гимназій основалъ конвиктъ и алымеумъ. Въ конвиктъ принимаются 40—50 юношей, которые за столъ платятъ весьма незначительную сумму. Въ алымеумѣ же получаютъ беззедно столъ и ежедневно одинъ хлѣбъ 60—70 бѣдныхъ учениковъ. Въ заслугу митрополиту Стратимировичу на-добно приписать и возстановленіе богословскихъ заведеній въ

Вершцѣ и Арадѣ для румуновъ. въ Карловцахъ и Пакрацѣ для сербовъ, равно учрежденіе прекрасной архіепископской библіотеки. Поэтому митрополитъ этотъ вполне заслужилъ званія члена ученаго общества въ Геттингенѣ, которымъ почли его представители сего общества.

Еще до учрежденія училищъ, іерархія раздѣлена была на четыре училищныхъ управленія: 1) на славянское съ комитатами пожегскимъ, веровицкимъ и сиремскимъ; 2) на темешварское съ комитатами торонтальскимъ, темешварскимъ и красовскимъ; 3) на офенское; и 4) на велико-варадское. Училищными управителями были назначены протопресвитеры подлежащихъ мѣстъ, темешварскій епископъ, впоследствии (1759—1774) митрополитъ карловскій, Вицентій Іоанновичъ, сдѣлавъ для училищъ ту заслугу, что посредствомъ сбора денегъ положилъ основаніе училищному фонду. Для большаго успѣха народнаго образованія, Императоръ Францъ 1-й наименовалъ въ 1810 году придворнаго агента Уроша Несторовича высшимъ инспекторомъ всѣхъ народныхъ училищъ, пожаловавъ ему чинъ королевскаго совѣтника. Въ 1812 году учреждены были пять окружныхъ, училищныхъ управленій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предписано, собирать въ церквахъ деньги для училищнаго фонда. Къ увеличенію сего фонда приглашены были и въ частности всѣ церковныя общества, въ слѣдствіе чего, въ нѣсколько лѣтъ, фондъ возвысился до 200,000 гульденовъ. Для управленія этимъ фондомъ учреждена была въ Пестѣ комиссія, состоявшая, изъ предѣдателя и четырехъ членовъ (изъ коихъ двое избирались изъ сербскаго и двое изъ романскаго народа), изъ актуара, казначея и другихъ лицъ, необходимыхъ для канцеларій. До 1849 года существовало означенное выше училищное инспекторство; но, въ этомъ году, министерствомъ церковныхъ дѣлъ оно ввѣрено подлежащимъ епископамъ, въ виду того государственнаго начала, по которому училища принимаютъ вѣроисповѣдннй характеръ и должны быть признаваемы церковнымъ дѣломъ, такъ какъ церковь полагаетъ самое вѣрное основаніе для нравственнаго образованія и просвѣщенія.

О церкви въ Далмаціи.

Далмація и Истрія въ политическомъ отношеніи находились подъ разными правленіями; по этому и іерархія принуждена была къ нимъ приспособляться. Такъ, когда ипекскіе патріархи, подъ защитою сербскихъ царей, пользовались полною своею властію, іерархія далматской и истрійской церкви была въ зависимости отъ тамошняго патріаршаго престола. Но когда упомянутыя области пришли подъ власть Венеціанской республики, онѣ зависѣли въ церк. отношеніи, въ продолженіе существованія этой республики, отъ архіепископа Филadelphійскаго, имѣвшаго тамъ своего викарія. Дѣятельность, впрочемъ сего екзарха, при венеціанской республикѣ, была въ политическомъ отношеніи очень ограничена; потому что во многомъ онъ зависѣлъ отъ тамошняго епископа. Когда, въ слѣдствіе кампоформійскаго мира, 1797 г., Далмація съ Венеціанскимъ королевствомъ подчинена Австріи, а отъ Австріи по прегсбургскому миру, 1805 года, подъ власть Наполеона, далматская церковь подъ французскимъ правительствомъ получила новое устройство, и 1810 года архимандритъ Венедиктъ Кралевичъ сдѣланъ епископомъ въ ней съ резиденціею въ Себенико. Когда въ 1814 году Далмація снова перешла подъ власть Австріи церковь утверждена была въ томъ положеніи, которое получила подъ французскимъ правительствомъ. Епископъ Кралевичъ оставался впрочемъ на епископской кафедрѣ только до 1822 года, въ которомъ онъ удаленъ отъ управленія, возбудивъ недоувѣріе къ себѣ въ духовенствѣ и народѣ (его обвиняли въ намѣреніи, совратится въ унію).

По политическимъ распоряженіямъ, епископская резиденція перемѣщена изъ Себенико въ Зару, главный городъ Далмаціи. Эта епархія имѣетъ теперь 77,706 душъ, восемь протопресвитеровъ, сто приходоу и 11 монастырей съ 40 монаховъ, въ числѣ которыхъ въ 1857 году было пять архимандритовъ. Епископа кафедра замѣщается политико-административнымъ способомъ, и епископъ назначается Его Величествомъ. Карловскій архіепископъ имѣетъ только право, представить имена тѣхъ, коихъ онъ счита-

еть способными къ епископскому сану; потому, наименованнаго епископа онъ посвящаетъ и даетъ ему грамоту. По причинѣ трудностей, съ которыми сопряжено путешествіе въ скалистныхъ странахъ Далмаціи, здѣшній епископъ имѣетъ въ Бока-котора генеральнаго виарія въ архимандритскомъ лишь санѣ, котораго назначаетъ императоръ. Право именовать и посвящать въ санъ архимандрита принадлежитъ епископу въ силу его архипастырскаго званія.

Хотя карловескій митрополитъ посвящаетъ далматскаго епископа и даетъ ему грамоту; однако онъ не имѣетъ права, прямо или не прямо имѣшиваться въ административныя дѣла епархіи; епископъ, или въ случаѣ вакансіи епископской катедры, виарій независимъ въ дѣлахъ, касающихся епархіи. Епископскому виарію принадлежитъ право посылать клириковъ для посвященія въ сосѣднимъ епископамъ австрійской монархіи. Для образованія и воспитанія клириковъ, въ 1832. году учреждено духовное заведеніе, для 20 человѣкъ, съ пятилѣтнимъ курсомъ, и поставленъ подъ высшій надзоръ епископа. Касательно народныхъ школъ существуетъ постановленіе, по которому каждому церковному обществу волею завести школу изъ собственныхъ средствъ, и поставить въ ней учителя греко восточной вѣры. Ученіе преподается на языкѣ общества, потому и учебныя книги нужны на сербскомъ языкѣ. Наконецъ если церковное общество учредить у себя главное училище, то въ немъ долженъ быть преподаваемъ и итальянскій языкъ.

Перевелъ В. Войтковскій.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ ИЗЪ НЪЖИНА.

Милостивнѣй Государь,

Ксенафонтъ Антоновичъ.

Позвольте мнѣ заявить, чрезъ ваши полтавскія Юго-Западные Вѣстникъ моему духовному благодариству томъ, иалеросіаину,

который объявилъ въ приложеніи къ 9-й книжкѣ издаваемаго подъ вашей редакціей Юго-западнаго Вѣстника за его доброе расположеніе къ своимъ соотечественникамъ малороссамъ, во вторыхъ и къ намъ, производителямъ печатнаго слова. Не далѣе, какъ 13 сего іюня я засталъ въ лавкѣ моей неизвѣстнаго мнѣ господина, который обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами: „какъ у васъ идетъ книжная торговля, какія требуются болѣе книги и кто ихъ болѣе покупаетъ высшее сословіе или простонародье?“ На что мой отвѣтъ былъ въ такихъ почти выраженіяхъ: „торгую плохо, продаю болѣе церковныя псалтыри, часословы и азбуки.“ „А какъ идутъ малороссійскія и другія граматки и кто ихъ покупаетъ?“ Не зная цѣли посѣщенія моей лавки этимъ господиномъ, я сказалъ ему не только не покупаютъ, но даже никто и смотрѣть изъ малороссіянъ на эти книжки не хотеть. Онъ думалъ, что я непонялъ его вопроса и повторилъ: кто изъ простаго народа покупаетъ — старики или молодые? На каковой вопросъ я отвѣчалъ фактами, по чистой совѣсти. Въ 1855 году я купилъ для продажи 2 экземпляра „До чумака“, которые и по сіе время не проданы, а въ 1861 г. тоже купилъ 50 азбукъ Южно русскаго нарѣчія. Хотя эта книга, по цѣнности своей, доступна всякому по упателю, но все таки я продалъ въ теченіи 2 лѣтъ 3 экземпл. Проповѣди на малороссійскомъ нарѣчій лежатъ безъ всякаго требованія. У меня оставлены на комиссію Певѣсти Кулина, но болѣе 2 лѣтъ никому, ни почему не требуются. Въ заключеніе всего я сказалъ, что наши малороссіане, хотя бы и вначались читать на своемъ нарѣчій, но какъ они имѣютъ очень малую корреспонденцію, то вѣрно и майдутъ излишнимъ по напрасну тратить время на изученіе малороссійской грамоты. Надо вамъ замѣтить, что по всей Малороссіи въ церквахъ богослуженіе отправляютъ на славянскомъ языкѣ, къ чемуужъ имъ этотъ національный. И потому желаніе гг. хохломановъ не можетъ осуществиться, хоть они и ходятъ въ мужицкихъ свиткахъ и ворчатъ какіхъ то допотопныхъ (или просто не бывалыхъ) малороссіянъ. Имѣя постоянное обращеніе съ простымъ народомъ и предлагая имъ книги на ихъ національномъ нарѣчій, я слышу: „На баса мина се куповать, коли намъ воно не треба: мина давайте таке же люди читають“. По этому малороссы, свою

національну літературу, не признають даже людскою, какъ нѣбуться нѣкоторые, они вовсе не болѣютъ хохломаніемъ; потому что боятся аптекъ, въ которыхъ провизоры—полаки. Вотъ доказательство любви ихъ къ своему природному нарѣчію: въ одномъ селеніи, близъ нашего города, было освященіе иконостаса. По окончаніи литургіи, священникъ, по случаю торжества, сказалъ приличное слово ко всемъ слушателямъ на русскомъ языкѣ и въ заключеніи хотѣлъ польстить своимъ прихожанамъ на малороссійскомъ языкѣ слѣдующими словами: „и вѣтъ, панове, дакую за сю працю“: По выходѣ изъ церкви, произошелъ между ними ропотъ; они приняли зтотъ привѣтъ за обиду и сказали „Що винь, каже, смивеця“, это ясно доказываетъ ихнюю любовь къ будущей малороссійской литературѣ, которую хотятъ имъ навязать. Послѣ сего какъ не благодарить за желаніе такого добраго малороссіянина, который такъ правдиво выразилъ свои мысли въ издаваемомъ, Вами журналѣ, на счетъ хода малороссійской литературы! Онъ хочетъ избавить народъ отъ напраснаго труда учиться тому, что ему не надо и что ему противно, а вась—отъ покупки новой хохлатчины и вѣстѣ съ тѣмъ отъ очевиднаго убытка.

Пріймите мое вамъ душевное желаніе всего лучшаго, а особенно счастливаго успѣха издаваемому вами журналу. Честь имѣю быть Вашъ,

Милостивый Государь покорнѣйшій слуга,

Житель Малороссіи.

Примѣч. редакціи. Помѣщая въ Вѣстникѣ предыдущее письмо незнакомца намъ книгопродавца, редакція Вѣстника хотѣла исполнить желаніе новаго своего почитателя, благодарнаго тому малороссу, который предостерегъ его отъ напрасной затраты капитала и убытка и, вѣстѣ съ тѣмъ хотѣлъ, къ безчисленному ряду предыдущихъ наблюденій и выводовъ, прибавить нѣсколько новыхъ фактовъ, доказывающихъ самозванство тѣхъ не многихъ господъ, которые по упорству или изъ корыстныхъ видовъ, хлопчуть отъ имени народа о созданіи малорусской литературы и обособленіи и возведеніи на степень языка польско-русскаго простарѣя южно-русскаго простоцародіа.

ПЛЯХО-КСЕНДЗОВСКІЙ МЯТЕЖЪ.

(Извлеченія изъ русскихъ газетъ и журналовъ).

— Изъ Новоград-Волынска. Корреспондентъ Кіевскаго Телеграфа пишетъ; „Въ половинѣ марта, мѣстное начальство распорядилось, чтобы въ каждомъ селеніи крестьяне, на выѣздахъ, учредили караулы, и чтобы неизвѣстныхъ имъ лицъ, не имѣющихъ письменныхъ видовъ, задерживали и представляли полиціи. Въ ночи съ 26-го на 27-е апрѣля, караулы эти замѣтили, что знакомые намъ паны (которыхъ они поэтому и выпускали изъ селеній) направляются въ лѣса, что многіе изъ нихъ идутъ въ лѣсъ съ оружіемъ. Сметнувъ въ чемъ дѣло, они поспѣшили дать знать объ этомъ полиціи, а сами тутъ же принялись ловить бѣгущихъ въ лѣсъ, и въ первый же день, т. е. 25-го числа, успѣли уже задержать нѣсколько пановъ, въ числѣ которыхъ былъ отставной капитанъ; капитана этого крестьяне взяли вооруженнаго съ ногъ до головы: у него было двухствольное ружье, два пистолета за поясомъ и сабля; онъ долженъ былъ командовать дѣлюшкой. Нужно было видѣть, какое волненіе было въ нашемъ городѣ, когда крестьяне доставили этого господина къ начальнику полиціи: евреи, солдаты и козаки, женщины, дѣти цѣлыми толпами стояли около его дома. Говорятъ, при этомъ капитанъ (Порчинскомъ) были найдены важныя бумаги. Потомъ каждый день крестьяне по нѣсколькѣ человекъ начали доставлять задерживаемыхъ ими пановъ. Но я хочу вамъ рассказать вотъ къ какой случай. Крестьяне села Оранъ, узнавши, что помѣщикъ Вольскій заказалъ ихъ женамъ шить мужескія рубахи не крестьянскаго кроя, сторонкой выидали отъ помѣщика, для чего онъ шьетъ эти рубахи, и тотъ имъ отвѣтилъ, что будто бы для парубковъ, такъ какъ онъ хочетъ завести парубковое хозяйство. Крестьяне сметнули, что тутъ дѣло нечисто: у пана всего три парубка, а онъ заказалъ шить 46 рубахъ, почему отобрали отъ своихъ женъ всѣ рубахи, сшитыя и несшитыя и представили ихъ начальнику полиціи, при чемъ сказали ему, что у самаго пана въ домѣ также

шьются рубахи. На другой день начальник полиции послал чиновника сдѣлать обыскъ въ домъ этого пана, и при обыскѣ найдено еще нѣсколько рубахъ и запасъ холотна. Вольскій былъ арестованъ и посаженъ въ тюрьму. Какъ только разнеслась вѣсть объ арестѣ, Вольскаго все польское населеніе закричало: какъ? за что? за то, что помѣщикъ шьетъ рубахи, дѣлать въ его домѣ обыскъ, сажать въ тюрьму, принимать отъ крестьянъ заграбленную его собственность! Это ужасно! Правда, ужасно! Не скажите же мнѣ, господа, для какой же дѣли г. Вольскій съ такою поспѣшностью сталъ готовить рубахи изъ солдатскаго холста, неужели въ самомъ дѣлѣ для парубковаго хозяйства? Если это такъ, то для чего онъ шилъ рубахи не крестьянскаго покроя, длинныя, съ большими воротниками? Не лучше ли, вмѣстѣ съ крестьянами, сказать правду: г. Вольскій готовилъ эти рубахи для постанцевъ шляхты? Вѣдь готовили и другіе паны чамарки, сапоги, шапки, рубахи, флажки для водки, сухари, конечно по приказанію революціонеровъ; по этому же приказу и г. Вольскій готовилъ рубахи для повстанцевъ, какъ готовили ихъ и многіе другіе паны въ житомирскомъ и заславскомъ уѣздехъ.

— Письмо изъ Кіева въ ред. Сѣверной Пчелы. Мы только въ настоящее время вполнѣ убѣдились, что сельскіе жители—крестьяне, не для одной, такъ сказать, забавы сохраняютъ среди себя древнія преданія, передаютъ ихъ изъ рода въ родъ, не для одного удовольствія затверживаютъ пѣсни, думки, пословицы и поговорки, не для пустаго препровожденія времени заучиваютъ рассказы о истинныхъ, кровавыхъ подвигахъ враговъ вѣры и русской народности въ Украйнѣ и Малороссіи. Вотъ теперь, вотъ въ настоящую минуту всѣ преданія, всѣ рассказы о минувшихъ кровавыхъ подвигахъ поляковъ въ Украйнѣ и Малороссіи, всѣ пѣсни, въ коихъ ими оплакивается мученическая смерть какого либо козака, героя своей родины, павшаго отъ рукъ поляка за защиту православія и отчизны, всплыли въ памяти народа со всею ихъ подробностію и со всею свѣжіею первобытнаго характера этихъ народныхъ произведеній, всплыли, какъ всплываетъ масло на верхъ

воды. Наши праотцы, дѣды и отцы хорошо передали намъ, что значить унія, кто и каковы враги нашей вѣры и отчизны, кто вѣчные недруги наши. Намъ рассказывали, какъ мучили поляки нашихъ предковъ, какъ они сдирали съ нихъ полосами кожу, и тѣло намазывали солью; какъ, для удовольствія какого либо пана-Поляка, служившаго въ имѣніи польскаго магната, обертывали живыхъ предковъ нашихъ соломой, привязывали къ столбамъ, разставленнымъ по обѣимъ сторонамъ дороги, по которой долженъ былъ проѣзжать панъ, обливали смолой и дегтемъ, и во время самаго проѣзда пана зажигали этихъ несчастныхъ людей; намъ рассказывали, какъ на ярморкахъ въ Ольшанѣ (звенигородскаго уѣзда), Бѣлой церкви, Черкассахъ, Чигиринѣ, Каневѣ, Златополѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ, въ дни торговъ, среди торговой площади, нарочно паны воздвигали висѣльницу, на которой въ одинъ часъ вѣшали по нѣсколькеу десятковъ безвинныхъ сельянъ, единственно для своего удовольствія, и когда несчастныя жертвы умирали, то поляки, для своей потѣхи, стрѣляли въ нихъ изъ ружей. Можемъ ли мы, послѣ всего прошедшаго, говорятъ нынѣ крестьяне, повѣрить вновь полякамъ, принять ихъ *золотыя грамоты* и стать въ ряду ихъ, стать противъ своей вѣры и отечества? Возможное ли задумали поляки? Подумали ли они, что затѣвуютъ? Вотъ истинныя слова, которыя нынѣ вы услышите во всякомъ мѣстечкѣ, селеніи, деревнѣ, въ каждой корчмѣ, въ которой только соберутся десять, патнадцать душъ сельянъ. Значить, исторія живетъ и живетъ дѣятельною жизнію среди малороссіянъ, и въ настоящіе дни еще разрабатывается народомъ. При такомъ положеніи дѣлъ, само собою, инсurreкція немислима въ этомъ краѣ. И это народъ доказалъ, переловивши всѣхъ инсургентовъ, и передавъ ихъ правительству. Еще вчера, 6-го іюня, въ Кіевъ крестьяне привезли до 20-ти инсургентовъ, схваченныхъ ими въ лѣсахъ. Новыхъ партій инсургентовъ въ кіевской губерніи не образовывается, и замѣтно, что здѣшніе поляки убѣдившись, что они имѣютъ дѣло не съ однимъ правительствомъ, а и съ народомъ, потеряли свою амбісуа (амбицію). Въ Кіевѣ ходитъ много разныхъ толковъ относительно проѣздовъ экипажей, наполненныхъ траурными женщинами, мимо мѣстъ заключенія плѣнныхъ и от-

носительно подсудности ихъ. Надобно, чтобы правительство при-
слушалось къ этимъ смутнымъ толкамъ. Обыватели города,
изходатайствовали у правительства учрежденіе *городской милиціи*.
Дворяне православные, домовладѣльцы Кіева, подали Государю
адресъ; то же самое сдѣлали мѣщане, и готовится еще
адресъ отъ евреевъ купцевъ, живущихъ въ Кіевѣ и кiev-
скихъ старообрядцевъ. Распространеніе *золотъ грамотъ* въ
народѣ было сдѣлано въ огромномъ числѣ экземпляровъ; го-
ворятъ, что въ одномъ селеніи подлѣ г. Василькова, въ кото-
ромъ не болѣе, 10,000 жителей, роздано грамотъ до 1,000
экземпляровъ.

Въ присутственныхъ мѣстахъ Кіева рѣже слышится польскій
языкъ, но все еще слышится, трауръ по улицамъ въ большемъ
ходу. Наконецъ и поляки начинаютъ нѣсколько поговаривать,
что Кіевъ кажется русскій городъ.

— Москва 18 Іюня — (*Наше Время* № 117). Дешши отъ фран-
цузскаго, англійскаго и австрійскаго кабинетовъ получены въ
Петербургѣ ихъ представителями при нашемъ дворѣ. Въ субботу,
15-го іюня, нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ, князь Горчаковъ,
принималъ у себя, въ Царскомъ Селѣ, въ половинѣ перваго, фран-
цузскаго посланника, въ часъ англійскаго, въ половинѣ втораго
австрійскаго. Всѣ трое должны были сообщить ему, въ одинъ и
тотъ же день, другъ за другомъ, содержаніе этихъ, давно ожи-
даемыхъ и такъ долго заготовлявшихся депешъ.

15-е іюня, какъ видите, можетъ сдѣлаться днемъ памятнымъ,
и для Россіи, и для остальной Европы. Говорятъ, что дипломаты
имѣютъ привычку къ незыблему спокойствію и самообладанію,
но все таки мы не хотимъ вѣрить, чтобы какая нибудь доля
смущенія не закралась къ нимъ въ душу, когда они по очереди
входили къ князю Горчакову, чтобы передать ему требованія,
совѣты или представленія западныхъ державъ. Иностранные по-
сланники живутъ въ Петербургѣ, видятъ все своими глазами,
черпаютъ свѣдѣнія изъ достовѣрныхъ источниковъ. Каково же
имъ предъявлять протесты, основанные на ложныхъ данныхъ, на
выдумкахъ, на басняхъ, на клеветѣ, безпримѣрной въ исторіи

дипломатин. Мы слышали, что лорд Непиръ, напримѣръ, получилъ между прочимъ частное письмо отъ лорда Джона Росселя, который извѣщаетъ его, что въ Литвѣ какой-то богатый русскій помещикъ собралъ около себя тысячу *дикихъ*, чтобы эти *дикие* насильовали польскихъ женщинъ и дѣвицъ. Ну что тутъ сказать? Вѣдь, конечно, никто изъ насъ и во снѣ не грезилъ, чтобы въ Англии не только государственный человекъ, но какая нибудь беззубая няня могла дать вѣру подобной сказкѣ! Откуда бы это зѣбрь-помѣщикъ промыслилъ себѣ въ Литвѣ дикихъ! Да, все эти сношенія и переговоры по польскимъ дѣламъ, вѣроятно, ставятъ посланниковъ въ неловкое положеніе.

Имъ, хорошо знающимъ правду, можетъ быть много разъ разсуждавшимъ въ частныхъ разговорахъ съ княземъ Горчаковымъ о польскихъ дѣлахъ въ виду подлинныхъ, несомнѣнныхъ фактовъ, имъ завтра должно, какъ актерамъ древней Греціи, надѣть на себя маски и принять обанку людей, которые о правдѣ ни слова не слыхали, которые о ней понятія не имѣютъ, а вѣрують безусловно, какъ Евангелію, всему, что написали лордъ Джонъ Россель, Друзиъ де-Люисъ и графъ Рехбергъ. Незавидно бываетъ положеніе людей, поставленныхъ высоко! Не безъ урона иногда для нравственнаго достоинства достаются людямъ верхнія ступени въ общественной лѣсницѣ — Ну еще, еслибъ Франція и Англія, — мы не говоримъ объ Австріи, она бѣдная пристегнута къ этой парѣ ни дай ни вынеси за что, она упиралась, кажется, да потащили насильно — еслибъ Франція и Англія зашумѣли бы просто отъ лица безусловной свободы, независимости, во имя тѣхъ правъ человека, которыя написала кровью французская революція, то еще можно бы съ нѣкотораго рода краснорѣчіемъ поддерживать разговоръ, особенно со стороны французскаго кабинета, который избралъ своимъ девизомъ: „не смотри, что я дѣлаю, а слушай только, что я говорю“; но вѣдь нѣтъ, могущественныя государства Европы спускаются съ облаковъ, нисходятъ до практики, указываютъ на факты, колютъ ими намъ глаза. Мы, видите ли, гонимъ вѣру поляковъ, уничтожаемъ ихъ языкъ, не даемъ имъ національныхъ учрежденій; и эти обвиненія поднимаются тогда, когда мы устроили въ Польшѣ такой національнѣй

порядокъ, что поляки могли завладѣть государственной казной и при нихъ не было ни одного русскаго, который помѣшалъ бы такому несмысленному акту самоуправленія. Польскіе мятежники совершаютъ подвиги, которые не приходили въ голову гуннамъ и отъ которыхъ краска стыда едва ли не показалась бы на щекахъ каннибала, а насъ упрекаютъ въ неистовствахъ, въ варварствѣ, въ звѣрствѣ!

Польское возстаніе есть несчастье, великое несчастье, но оно однако же не губить, а поднимаетъ Россію. По милости польскаго возстанія не за нее мы боимся, намъ страшно становится за человѣка! Что жъ это наконецъ, гдѣ плоды просвѣщенія, гдѣ тѣ понятія, которыя улучшаютъ нашъ духовный міръ, гдѣ обѣщанные лучи истины, и колѣна, преклоненныя предъ ея священнымъ ликомъ! Куда ни оглянись, вездѣ ложь, ложь, ложь умниленная, сознательная. Вся европейская журналистика, эти органы гласности, эти мнимые представители общественнаго мнѣнія проводники свѣта въ темныя массы народовъ, безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти печатаютъ такія выдумки, про которыя не могутъ не знать, что они нелѣпы, и не печатаютъ ничего, что можетъ служить къ ихъ опроверженію. Пошлите въ любой европейскій журналъ извѣстіе, что черемисы и мордва предъявили у насъ права своихъ народностей, возстали поголовно, нашли и взяли Москву. Будьте увѣрены, что эта сказка тиснетса тотчасъ на всѣхъ образованныхъ языкахъ; но если вы вздумаете осмѣять этотъ слухъ, если скажете: помиуйте, да вѣдь это нелѣпость первой величины, вы не найдете мѣста ни въ одномъ журналѣ. Недавно было провозглашено въ нѣмецкихъ газетахъ, что Чайковскій взялъ приступомъ крѣпость Замостье; триста пѣшихъ и нѣсколько пушекъ достались побѣдителю; между тѣмъ, въ самомъ-то дѣлѣ Чайковскій былъ разбитъ на голову, и совсѣмъ не на приступъ къ крѣпости. Это послѣднее извѣстіе, помѣщенное въ *Journal de St. Petersburg* не было нигдѣ перепечатано. Если бы собрать во едино всѣ пораженія, которыя мы понесли отъ поляковъ по словамъ европейскіхъ журналовъ, да подвести вѣрный итогъ нашихъ потерь, то едва ли изъ всей нашей арміи, расположенной теперь въ Польшѣ, остался бы въ живыхъ хоть

одинъ русскій солдатъ! Да, съ грустью должно сказать, что способъ дѣйствія образованной Европы, хотя она и имѣетъ видъ защитницы угнетенныхъ мало можетъ внушить уваженія безпристрастному мыслителю, и нетвердую душу поколеблетъ пожалуй, въ ея самыхъ завѣтныхъ вѣрованіяхъ, заставитъ задуматься о томъ, правду ли говорятъ, что мы шагаемъ впередъ въ семиверстныхъ сапогахъ.—Уверяютъ, что всѣ вліятельные европейскіе журналы куплены польскими эмигрантами. Мы не станемъ утверждать того, что доподлинно не знаемъ, но скажемъ смѣло, что перья, которыя пишутъ въ Европѣ о польскихъ дѣлахъ, рѣшительно не имѣютъ въ виду истины и нисколько не домогаются узнать ее. Они хотятъ оправдывать поляковъ и обвинять насъ, вотъ ихъ задача; а что въ каждой строкѣ, въ каждомъ словѣ у нихъ, встрѣчаются ошибки противъ географіи, исторіи, логики, здраваго смысла—до этого рѣшительно никому изъ нихъ дѣла нѣтъ. Русскіе разбиты, русскіе развели въ Литвѣ дикихъ, русскіе неистовствуютъ, а поляки умираютъ за свободу, какъ герои, вотъ все, что нужно доказать; далѣе ничего и не говорите, потому что нехотятъ слушать. Замѣчательно, что существуетъ мнѣніе, будто поляки отъ того не могутъ ужиться съ нами, что они выше насъ своей образованностью. Но вѣдь польская образованность вся заимствована. Даже это выраженіе „польская образованность“ неточно, ибо ея нѣтъ, у нея нѣтъ своего особеннаго характера, она носитъ характеръ общеевропейскій, по скольку онъ выразился въ ней. Вотъ, на примѣръ, нѣмцы Лифляндіи, Курляндіи, Эстляндіи, принадлежатъ точно къ образованности оригинальной, то есть нѣмецкой; мы знаемъ, что эта образованность внесла своего въ сферу человѣческаго просвѣщенія. Поэтому нѣмецкіе бароны, разсматриваемые съ точки зрѣнія цивилизаціи, стоятъ несравненно выше поляковъ и имѣютъ право на большую долю надменности. Отъ чего же они уживаются съ нами? Да и что такое образованность? Она вѣдь важна по тѣмъ понятіямъ, которыя вводитъ въ жизнь и даетъ ей въ руководство. Какія же это понятія выработала польская образованность? Вотъ теперь минута, когда душа народа раскрывается настезь, когда всѣ затаенныя въ ней чувства выступаютъ наружу и прилагаются къ практикѣ. Что

мы видимъ передъ нашими глазами? 19-й вѣкъ, людей дѣйствующихъ, по его просвѣщеннымъ указаніямъ, согласно съ тѣми завоеваніями мысли, которыя совершены имъ во славу и для блага человѣчества? Нѣтъ, въ польскомъ мятежѣ не отщется ни одной стихіи изъ 19-го вѣка, все отзывается, напротивъ, средневѣковой эпохой, ужасами инквизиціоннаго судилища, коварствомъ іезуитскаго ученья.

На нашихъ глазахъ возставали италіянцы, возставали венгерцы. И тѣ и другіе не любятъ тоже австрійцевъ, отъ чегоже ни италіянцы, ни венгерцы не убивали ихъ изъ за угла, не пробовали рѣзать ночью безоруженныхъ, не подсыпали имъ въ пищу яду, не сдирали кожи съ ихъ головъ, не вѣшали у нихъ беременныхъ женщинъ, не начинали беременнымъ женщинамъ животовъ порохомъ и не поджигали потомъ? Отъ того именно, что іезуитизмъ задержалъ поляковъ на дорогѣ и не далъ имъ дойти до 19-го вѣка, отъ того, что іезуитизмъ вошелъ у нихъ въ плоть и кровь, какъ ни у какого другаго народа, ни въ какую эпоху исторіи.

Насъ съ малолѣтства пугали все ужасами французской революціи, именами Робеспьера, Барера, комитетомъ общественной безопасности, но что онъ значить въ сравненіи съ тайнымъ революціоннымъ комитетомъ Варшавы?

Робеспьеръ посылалъ на смерть, комитетъ его осуждалъ всѣхъ, кто ему не нравился, и рубилъ головы; но признавалъ все таки какую то нравственную узду, ибо искалъ сохранить хоть тѣнь законности. Этотъ ужасный, заклеенный исторіей комитетъ отправилъ бы подъ гильотину и того, кто предложилъ бы ему отравлять, грабить, рѣзать ночью; у варшавскаго комитета нѣтъ никакой узды, никакого закона, никакого человѣческаго стыда. Этого еще не бывало. Тутъ всѣ средства позволены, да позволены такъ, какъ еще никому не входило въ голову. Неужели это открытіе 19-го вѣка, стоящее наравнѣ съ его прочими подвигами? Неужели это путь, ведущій къ храму свободы, гдѣ человекъ обновляется, становится болѣе чистъ, благороденъ, болѣе исполненъ любви къ ближнему?

И такъ, мы живемъ дѣло съ третьей коалиціей. Коалиція

1812 года, коалиція крымская и наконецъ вѣдѣнная. Что это мы такіе за противные? Кажется, мы никого не трогали и дали напротивъ много залоговъ нашего благорасположенія къ иностранцамъ вообще.

Князю Горчакову предстоитъ разрѣшеніе трудной задачи, ему предоставляется честь отстоять достоинство Россіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ на немъ лежитъ ответственность не ввергнуть ее безъ нужды въ кровавую, непримиримую борьбу. Мы видѣли уже по его первымъ отвѣтамъ, что онъ не намѣренъ дѣлать уступокъ, мы убѣждены, что онъ останется въ томъ же расположеніи духа и передъ наступающей на него Европой, не оробѣетъ ни на минуту, слыша за собой голосъ Россіи, похожій еще на далекіе, глухіе раскаты грома; но съ чувствомъ силы, съ сознаниемъ достоинства, нѣтъ причины не дать западнымъ державамъ никакой возможности дальнѣйшихъ переговоровъ, если онѣ не хотятъ броситься въ ужасы войны, очертя голову.

Дѣло идетъ о законной гордости, справедливости, о національномъ достоинствѣ, а не о капризѣ. Конечно, многое зависитъ отъ формы, въ какой дѣнеше написаны. Можетъ быть, у нихъ найдутся такія выраженія, что намъ не остается ничего, кромѣ крика: къ оружію!

—Размышленіе газеты „Московскія Вѣдомости,“ по поводу слуховъ о притязаніи папы имѣть въ С. Петербургѣ своего нунція.—Москва, 11 іюня. Мы говорили вчера о притязаніи папистовъ имѣть въ С.-Петербургѣ свой аванпостъ въ видѣ папской миссіи. Они намѣреваются прислать къ намъ главнокомандующаго для борьбы съ православіемъ, и имѣютъ наивность думать, что мы окружимъ этого главнокомандующаго тѣмъ почетомъ, которымъ мы окружаемъ представителей дружественныхъ державъ. Съ папой, какъ государемъ небольшой области, еще не успѣвшей присоединиться къ Италіанскому королевству, мы могли бы быть въ отношеніяхъ искренно-дружественныхъ. Но папа—государь только въ силу того, что онъ римскій епископъ, а неужели мы не знаемъ, что римскій епископъ можетъ питать дружественныя чувства къ намъ только въ томъ случаѣ, если будетъ видѣть

насъ на дорогѣ къ уни? Вѣрность православію и сближеніе съ римскимъ епископомъ—вещи несовмѣстимыя. Не изъ вѣротерпимости, а изъ равнодушія къ вѣрѣ могли бы протекать наши уступки католицизму.

Каждое католическое притязаніе несетъ ядъ въ своемъ корнѣ. Оно отравлено стремленіемъ къ господству, желаніемъ первенства. Католическое духовенство вовсе не претерпѣваетъ у насъ говенія, и если оно недоволено своимъ положеніемъ, то причина тому именно въ его притязаніяхъ на господство. Мы должны только жалѣть, что эти притязанія встрѣчали у насъ иногда недостаточно сильный отпоръ и до нѣкоторой степени удовлетворялись. Не можемъ не указать на недавнее учрежденіе епископской каѳедры для малочисленной католической колоніи въ Саратовѣ. Епископу этой новой каѳедры положено содержаніе отъ 7 до 8 тысячъ рублей серебромъ, тогда какъ православные епископы получаютъ жалованье еще по штату Петра. Въ Саратовѣ же заведена католическая семинарія, и на cadaго ученика ея положено около 200 р. казенныхъ денегъ, тогда какъ на ученика православныхъ семинарій расходуетъ не менѣе 40 рублей. католикамъ тутъ стало-быть жаловаться не на что, а развѣ мы русскіе можемъ сѣтовать на оказываемое имъ предпочтеніе; развѣ мы русскіе можемъ упрекать себя въ томъ, что поступили слишкомъ угожливо удовлетвореніемъ притязаній враждебныхъ нашей церкви.

Возьмемъ еще одно изъ тѣхъ желаній папы, объ исполненіи которыхъ онъ постоянно ходатайствуетъ. Это желаніе состоитъ въ томъ, чтобы дѣти смѣшанныхъ браковъ воспитывались непременно въ римско-католическомъ исповѣданіи. Вѣруя, что вѣтъ католическаго исповѣданія нѣтъ спасенія, папа всеми силами стремится къ осуществленію этого желанія. Онъ не допускаетъ равенства исповѣданій. Равнымъ образомъ и ни одинъ католическій священникъ не можетъ благословить бракъ католика съ православною или православнаго съ католичкой, если сочтетеващіеся не дадутъ обѣщанія воспитывать дѣтей въ католическомъ исповѣданіи. Недавно одно лицо, принадлежащее къ царствующимъ фамиліямъ, не нашло во всей Европѣ католическаго священника

который согласился бы обвинять его съ католичкой, не полагая условіемъ, чтобы дѣти ихъ были католики. Еслибы, при такой настоячivosti, мы отмѣнили относительно католиковъ нашъ законъ, требующій чтобы дѣти смѣшанныхъ браковъ воспитывались въ православіи, мы фактически допустили бы перевѣсъ католицизма надъ православіемъ.

Наша церковь при полномъ убѣжденіи въ своей истинѣ, совершенно въ тоже время свободна отъ духа слѣпой и ревнивой исключительности, которымъ одержимо римское католичество. Въ томъ-то и заключается великое достоинство нашей церкви, дающее ей преимущество предъ другими вѣроисповѣданіями, что она, свято сохраняя чистоту православія и отвергая односторонности и уклоненія, не относится однако фанатически къ другимъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ, и скорбя о разединеніи, скорбя о заблужденіяхъ, затмевающихъ истину, не простираетъ своей ревности до того, чтобы въ чувствѣ разногласія и отчужденія терять чувство общей истины и единства. Можно скорбѣть о заблужденіи, но можно и должно уважать то чѣмъ человекъ или общество соединяется съ истиной, и допускать возможность преобладанія истины надъ заблужденіемъ даже въ самомъ заблужденіи. Католическій фанатизмъ готовъ проклясть самое Евангеліе тамъ гдѣ оно является въ неуказанной формѣ латинскаго текста; православіе чтитъ и въ иновѣрцѣ христіанскую вѣру и христіанскую мысль. Въ этомъ-то и состоитъ высокое преимущество православія надъ латинствомъ, и это одно уже ясно указываетъ, которой изъ двухъ церквей принадлежитъ будущность.

Еслибы наша желала только, чтобы въ Россіи, странѣ православія, оказывалась терпимость относительно латинства, то такое желаніе давно уже исполнено. Въ Россіи римско-католическій обрядъ проживаетъ свободно, безъ всякаго притѣсненія. Въ Россіи, и законъ, и народъ, и господствующая церковь, оказываютъ полную терпимость какъ къ латинству, такъ и къ другимъ признаннымъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ. Въ нашихъ городахъ свободно воздвигаются католическіе храмы и католики признаются христіанами, а не считаются язычниками или проклятыми, какъ считаются православные и протестанты въ стра-

внѣхъ гдѣ господствуетъ римское католичество на всей своей волѣ. Православная церковь не препятствуетъ смѣшаннымъ бракамъ между православными и католиками, и русскій священникъ благословить подобный бракъ, не связывая заранѣе совѣсть родителей и не грозя имъ всѣми карами ада, если они воспитываютъ своихъ дѣтей въ римско-католическомъ законѣ. Такъ ли поступаетъ римско-католическій священникъ? Онъ увѣренъ, что внѣ предѣловъ папской власти, нѣтъ спасенія для христіанской души, и онъ благословляетъ смѣшанный бракъ только на томъ условіи, чтобы иновѣрецъ по крайней мѣрѣ въ дѣтяхъ своихъ отступился отъ своей вѣры и предался папѣ; да и то требуется еще особая *диспенсія*.

Если въ Россіи законъ постановляетъ, чтобы дѣти отъ смѣшанныхъ браковъ непременно воспитывались въ православіи, то этотъ законъ не есть догматъ церкви. Это законъ государства. Если папа считаетъ такой законъ стѣснительнымъ, если римско-католическій первосвященникъ дѣйствительно ищетъ религіозной свободы, то пусть онъ явитъ примѣръ ея въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ. Онъ соединяетъ въ своей особѣ и государя и первосвященника: пусть же провозгласитъ онъ у себя ту долю религіозной свободы, которую ему желательно видѣть въ Россіи; пусть освободитъ онъ совѣсть людей въ Римской области, пусть допуститъ онъ свободу смѣшанныхъ браковъ безъ лживыхъ диспенсій, въ которыхъ изощряется изобрѣтательная фантазія римской консисторіи; пусть католическій священникъ благословляетъ смѣшанный бракъ, не становя обязательныхъ условій относительно дѣтей; пусть католики въ Римѣ свободно переходятъ въ православіе: пусть все это папа сдѣлаетъ у себя, и за тѣмъ уже обратиться къ нашему правительству съ ходатайствомъ, чтобы и оно поступило такимъ образомъ и отмѣнило законы стѣсняющіе религіозную свободу. Наша церковь отъ этихъ отмѣнъ не пострадаетъ, истина ея не умалится, она останется тѣмъ, чѣмъ она была, и можетъ-быть еще яснѣе обозначится ея истинная сущность. А что случилось бы съ римско-католическою церковію, еслибы такія перемены вдругъ произошли въ ея нѣдрахъ и въ ея владѣніяхъ? Что произошло бы съ римско-католическою церковію, еслибы

папа, въ ея собственныхъ вѣдрахъ, провозгласилъ ту религиозную свободу, которой онъ требуетъ отъ насъ? Съ католическою церковію произошло бы странное обстоятельство: она утратила бы свой отличительный характеръ; она перестала бы быть тѣмъ, что она есть, она перестала бы быть римско-католическою церковію. Пусть папа сложитъ съ себя титулъ намѣстника Христова, пусть главенство надъ церковью предоставитъ онъ незриму Христу, пусть папа превратится въ то, чѣмъ онъ долженъ быть и чѣмъ онъ былъ сначала, до раздѣленія церквей; пусть онъ станетъ архіереемъ безъ всякихъ другихъ притязаній, пусть затѣмъ исчезнетъ государственная организація церковнаго общества, а съ тѣмъ вмѣстѣ изувѣрство, духъ лжи и властолюбія, не разбирающаго средствъ, и дѣлающаго церковь христіанскую орудіемъ гнусныхъ преступленій, колеблющимъ и разрушающимъ нравственныя основы человѣческаго существованія. Когда все это исчезнетъ, тогда исчезнетъ и латинская ересь, тогда можетъ-быть возстановится древнее единство церкви, и папѣ, епископу православному, не будетъ надобности хлопотать о какомъ-нибудь конкордатѣ съ нашимъ правительствомъ. А такъ какъ этого нѣтъ и, по всему вѣроятію это будетъ не скоро, то какой же смыслъ могутъ имѣть претензіи папы къ русскому правительству, какой смыслъ могутъ имѣть его требованія чтобы русское правительство допустило у себя то начало религиозной свободы, которое онъ самъ отвергаетъ и проклиняетъ въ своихъ владѣніяхъ?

(М. Вѣд. № 124).

—Въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“ пишутъ:—„Кто близко знакомъ съ подробностями польскаго мятежа въ западномъ краѣ, того не могутъ не поразить, между прочимъ, двѣ характеристическія его черты: съ одной стороны, дерзость и безчеловѣчіе въ злодѣйствахъ, совершаемыхъ мятежниками надъ безоружными людьми, честно исполнявшими свой долгъ въ отношеніи къ правительству, съ другой—самая безстыдная и наглая ложь въ объясненіи причинъ своего участія въ мятежѣ, къ которой прибѣгаютъ они, когда имъ приходится дать отчетъ въ своихъ преступленіяхъ передъ судомъ. Обыкновенная отговорка, уже заранѣе ими приго-

товленная, которую они надѣются не только смягчить приговоръ суда, но и оправдать преступныя свои дѣйствія, состоитъ въ томъ, что они будто бы увлечены были въ мятежъ по принужденію, насильно. Этою уловкою съ особеннымъ искусствомъ пользуются ксендзы, находящіяся нынѣ въ рукахъ правосудія. Они съ дѣстпленіемъ читали въ костелахъ революціонныя воззванія, приносили возмутительныя противъ правительства рѣчи, приводили матежниковъ къ присягѣ, вступали въ шайки, даже сами набирали ихъ, предводительствовали ими, вмѣстѣ съ ними злодѣйствовали—и все это не по собственному побужденію, но насильно единственно только изъ страха за собственную жизнь, изъ чувства самосохраненія. Такая изворотливость въ оправданіи собственно не заслуживаетъ серьезныхъ опроверженій. Кому извѣстно вліяніе здѣшняго католическаго духовенства на народъ, кто знаетъ настроеніе народа и искреннюю привязанность его къ законному своему Государю, тотъ легко можетъ убѣдиться, что ксендзамъ достаточно было бы сказать нѣсколько словъ, исполненныхъ любви и преданности къ Государю, чтобы образовать вокругъ себя такую крѣпкую охрану, противъ которой не посмѣло бы подняться никакое покушеніе на принужденіе. Но еслибы—допустимъ это предположеніе—кто либо изъ нихъ былъ увлеченъ въ возстаніе насильно, то не святая ли его обязанность показать вѣрноподданнаго и съ чистою совѣстію, призвавъ всю силу вѣры на помощь, стать непоколебимо противъ всякихъ угрозъ и насилій и принести наконецъ въ жертву собственную жизнь? Насильно! Нѣтъ, не такъ говорятъ и дѣйствуютъ люди, для которыхъ присяга не пустяя слова, но святой долгъ совѣсти. Приведемъ здѣсь высоко-почетительный примѣръ твердости въ исполненіи своего долга, оказанный недавно простыми людьми, православными крестьянами словимскаго уѣзда, находившемся дѣйствительно въ весьма опасномъ положеніи.

„Дѣло происходило 19-го мая, въ мѣстечкѣ Битецѣ, Словимскаго уѣзда, Гродненской губерніи. Въ 10 часовъ утра внезапно пошла въ мѣстечко шайка хорошо вооруженныхъ матежниковъ; немедленно по всѣмъ улицамъ разставлены были ими ци-

дети, а вранья состоящая приблизительно из 80 человек, движущая из православной церкви, где у ворот вранья топились крестьяне. В это время только что началась обедня, совершалъ ее ифетный благочинный священникъ Пыжковскій. Оставаясь у церковной ограды, начальникъ шайки тотчасъ же обратился къ народу съ рѣчью и прочиталъ прокламацію, въ которой неизвестные благодѣтели дарили народу подати и поземельный оброкъ, общали свободу вѣроисповѣданій и восстановление уни; затѣмъ начальникъ шайки приказалъ народу присягнуть на вѣрность польскому правительству. Тутъ же стоялъ и католическій ксендзь, готовый привести къ присягѣ. Крестьяне, выслушавъ все эти предложенія, обѣщанія и приказанія, единогласно отвѣчали: „Громада! что мы будемъ слушать эти бредни, пойдемъ въ церковь!“ и все смѣло, безъ колебаній, поспѣшили въ церковь. Псалѣ теле мятежники старались вызвать крестьянъ изъ церкви, но все ихъ попытки были тщетны: ни одинъ крестьянинъ не вышелъ изъ церкви, отказываясь обязанностію слушать Божественную литургію. Видя такую непреклонность со стороны крестьянъ и хорошо понимая что эту „громаду“ скорѣе можно изрубить, чѣмъ склонить на свою сторону, начальникъ шайки, грозивъ мщеніемъ, поспѣшилъ со своею шайкою удалиться изъ мѣстечка.

„Тамъ постигли безоружные крестьяне, окруженные вооруженною толпою, отъ ярости которой все они могли погибнуть на мѣстѣ; но честныя сердца ихъ не дрогнули передъ опасностію смерти.“

„Генералъ-губернаторъ, по доведеніи о семъ событіи до его свѣдѣнія, приказалъ объявить благодарность бытенскому сельскому обществу и раздать три медали на Ашненской лентѣ „за усердіе“ тремъ наиболѣе отличившимся въ этомъ прекрасномъ дѣлѣ крестьянамъ, не выбору самихъ крестьянъ.“

— Въ томъ же „Вѣстникѣ“, объявлено, что по случаю состоянія края на военномъ положеніи, всемъ мѣстнымъ обывателямъ мужескаго пола, какъ городскимъ такъ и сельскимъ за исключеніемъ крестьянъ, воспрещена отлучка съ мѣста жительства на разстояніе болѣе 30 верстъ, безъ особикаго видова, выданныхъ губернскимъ или военными уѣздными канцелярскими.

—Продолженіе перечня злодѣйствъ совершенныхъ польскими дѣшными бродягами. (Смотри Вѣстникъ кн. X Отд. II стр. 54) изъ Journal de St.—Petersbourg.—Съ 26-го апрѣля были совершенны инсургентами слѣдующія жестокости, официально засвидѣтельствованныя и записанныя въ протоколъ мѣстными начальствами:

Въ Равскомъ уѣздѣ, близъ деревни Братошевичъ, инсургенты повѣсили гг. Крушинскаго, Шубицкаго и Флаксевича.

Въ уѣздѣ Сейненскомъ, въ деревнѣ Сера, повѣшенъ сапожникъ Готлибъ Радманнъ, за то что отказался бесплатно снабдить инсургентовъ обувью.

Въ той же мѣстности повѣшенъ отставной солдатъ Янкель Гельговичъ.

Въ уѣздѣ Красноставскомъ, близъ деревни Рудникъ, повѣшена молодая дѣвушка.

Въ Калишскомъ уѣздѣ, близъ Костельнице, найдены трупъ, висѣвшій на деревѣ, съ слѣдующею запиской:

„Августъ Вендлафтъ, казенный за услуги оказанныя имъ „Русскимъ. Такая же участь постигнетъ всякаго кто покусится „подражать ему.“

Въ той же мѣстности повѣшенъ крестьянинъ Казимиръ Малка.

Въ Варшавскомъ уѣздѣ, близъ мѣстечка Прибирежъ, инсургентами уведены гг. Заторки и Солярскій. Первый убитъ, а что сталося съ послѣднимъ—неизвѣстно.

Въ Люблинскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Гарволинѣ, инсургенты, повѣсили полевого сторожа и увели, неизвѣстно куда, бургомистра.

Въ Варшавскомъ уѣздѣ, проходя черезъ деревню Козитула, инсургенты повѣсили земляншца Михаила Скаврона.

Въ самой Варшавѣ, въ большой аллеѣ, ведущей къ замку Лазенковскому, агентъ полиціи подошелъ къ тремъ лицамъ, которыя довольно поздно ночью прогуливались безъ фонаря, замѣтилъ имъ, что они ностунають вопреки уставу, и просилъ ихъ уйдти прежде чѣмъ найдетъ патруль. Эти люди спросили у него на Русскій ли онъ, и когда онъ отвѣчалъ утвердительно, воспользовавшись тѣмъ, что онъ отвернулся отъ нихъ, нанесли ему нѣсколько

ударовъ кинжалами, и потомъ повѣсили головою внизъ на одномъ изъ деревьевъ ален. Въ этомъ положеніи нашли несчастнаго на другой день утромъ, едва дышащаго.

Въ уѣздѣ Ломзинскомъ повѣшенъ Винцентъ Бржозовскій прикащикъ деревни Коноржище.

Въ уѣздѣ Млавскомъ, въ деревнѣ Войницки, инсургенты схватили пастуховъ Петра Бродницкаго и Станислава Маевского. Первому дали 30 ударовъ ремнемъ, а втораго повѣсили въ соседнемъ лѣсу. Потомъ тѣ же инсургенты бросились къ дому фермера Шульца, разграбили домъ, и не найдя самого хозяина, котораго хотѣли повѣсить, схватили его племянницу, дѣвицу Теклу Якубовскую, сорвали съ нея всю одежду, и избивъ до полусмерти, бросили на большой дорогѣ.

Проходя черезъ деревню Бунково-Подлексе, шесть инсургентовъ выстрѣлили изъ ружей въ окна дома, принадлежащаго колонисту Гинтшу, и тяжело ранили его жену.

Мы уже сообщили подробный разказъ объ истязаніяхъ и казни, которымъ начальникъ шайки Чаховскій подвергъ въ Радомской губерніи капитана пѣхотнаго Пѣлоцкаго полка Никифорова и пять пѣнныхъ солдатъ, изъ которыхъ одному, Турлину, удалось чудеснымъ образомъ избѣгнуть смерти и присоединиться къ своему полку.

Мы извѣщали также, что показаніе Турлина было точь-въ-точь подтверждено признаніями Юсефа Гузовскаго, инсургента изъ шайки Чаховскаго, который попался въ плѣнъ, и бывъ потомъ сведенъ съ Турлинымъ на очную ставку, сознался, что принадлежалъ къ числу дѣятелей, или лучше сказать палачей при этомъ ужасномъ эпизодѣ инсуррекціи.

Въ деревнѣ Карыень, Гостынского уѣзда, повѣшены инсургентами, въ маѣ мѣсяцѣ, лѣсные сторожа Бонаventura Панковскій и Янъ Гловацкій.

Уѣзда Сѣрадзскаго, въ деревнѣ Пабианицы, шайка инсургентовъ отняла у жителей всѣхъ лошадей и всѣ телеги; двое жителей, Яковъ Эндрисса и Юсефъ Дембовскій, которые хотѣли воспротивиться этому насилію, были тотчасъ повѣшены.

Въ уѣздѣ Пржаснышскомъ найдено десять человѣкъ повѣ-

ненныхъ, въ числѣ которыхъ узаны Францискъ Дзелинскій, рабочій изъ деревни Дешчево, Теофиль Броховскій, земледѣлецъ изъ деревни Марусь, Станиславъ Закржевскій дѣльникъ деревни Медзлесса, и Викторъ Бобинскій, отставной солдатъ, жившій въ Самоотраски, послѣ котораго осталась вдова съ шестью малолѣтними дѣтьми.

Уѣзда Варшавскаго, въ деревнѣ Бранки, четверо инсургентовъ избили камельщика Шиндта, тяжело ранили его и наконецъ повѣсили его на столбѣ.

Въ деревнѣ Шоастѣ, близъ Бѣлостока, шайка инсургентовъ окружила домъ священника, котораго хотѣла убить, но не нашла его, зашла православную церковь, и запретила крестьянамъ, подѣ страхомъ смерти, гасить огонь.

Въ уѣздѣ Бѣлостовскомъ, въ мѣстечкѣ Суражѣ, инсургенты схватили православнаго священника, Константина Прокоповича, и измучивъ его жестокими пытками, убили.

Въ уѣздѣ Замосцьскомъ, близъ деревни Гута-Кржешовска, инсургентамъ повѣсили двухъ Крестьянъ.

На Понравской станціи Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги, два инсургента убили путешественника, который поджидалъ поѣзда.

Въ уѣздѣ Стопницкомъ шайка инсургентовъ, вторгнувшись въ деревню Бугушнице, созвала на площадь всѣхъ жителей и въ ихъ присутствіи повѣсила Антона Кождзеля, Франциска Смѣтана и Петра Валигура, которыхъ выбрала на погубѣ изъ среды жителей.

Въ деревнѣ Зрембище, Олькушевскаго уѣзда, двадцать инсургентовъ повѣсили земледѣльца Антона Пенозника.

Ошччинскаго уѣзда въ деревнѣ Сендовѣ, инсургенты схватили женщину Юзефину Дуперась и ея мужа. Послѣдняго сбѣли ремнями, домъ его и амбары сожгли, а бѣдную жену его, обвиняемую въ равнодушіи къ революціонному дѣлу, повѣсили, надѣвъ ей на шею портретъ Государя Императора.

Въ деревнѣ Рудникъ четыре инсургента схватили земледѣльца Матѣя Камюскаго и умертвили его, изрубивъ ему всю голову въ куски.

Въ плоцкомъ уѣздѣ, близъ помѣстья Жижица, Іосифъ Оржешовскій былъ вытасненъ изъ своего жилища, и убитъ ударами косы.

По дорогѣ изъ Надзейова въ Томашево, въ грубешовскомъ уѣздѣ, чиновникъ Семборовскій найденъ повѣшеннымъ на деревѣ.

Въ деревнѣ Клеменцисцѣ, келецкаго уѣзда, шестьдесятъ человѣкъ инсургентовъ повѣсили гг. Войцицкаго и Т. Новака.

Въ плоцкомъ уѣздѣ инсургенты вытащили изъ трактира деревни Орѣхово отставнаго чиновника Никиту Максимова и убили его выстрѣлами изъ шести револьверовъ.

Содержатель клоуникой станции на варшавско-вѣнскай желѣзной дорогѣ, повѣшенъ.

Въ деревнѣ Буки, млавскаго уѣзда, инсургенты изрубилн въ куски пивовара Теофила Радецкаго за то, что онъ отказался присоединиться къ нимъ.

Въ деревнѣ Медзехинѣ, варшавскаго уѣзда, повѣшена бѣдная женщина, просившая милостыни.

Въ томъ же уѣздѣ учитель первоначальной школы въ деревнѣ Шопы, Фердинандъ Сегерь заколотъ коцьями.

Близъ деревни Нарка, въ варшавскомъ уѣздѣ, повѣшенъ Янъ Обремскій.

Въ деревнѣ Завады, олькунскаго уѣзда, земледѣлецъ Янъ Яблонскій уведенъ изъ своего жилища и повѣшенъ въ дѣсу.

Въ пржаснышскомъ уѣздѣ инсургенты, встрѣтивъ мельника Фридриха Вицновскаго, возвращавшагося въ свою деревню, изрубили его топорами, и привязавъ трупъ его къ телегѣ, довели до его дома.

Въ томъ же уѣздѣ, близъ деревни Люберадзе, они убили крестьянку.

Въ уѣздѣ млавскомъ, въ деревнѣ Дзивѣ, инсургенты повѣсили земледѣльца Томаса Лянкевича.

Въ деревнѣ Надриби, красноставскаго округа, три колониста были повѣшены, а прикащикъ деревни Зарубка и жена его жестокосердо висѣчны.

Въ уѣздѣ бальскомъ, въ деревнѣ Кѣвецъ, разстрѣлянъ крестьянинъ Федоръ Калишука.

Въ люблинскомъ уѣздѣ, близъ города Томашева, инсургенты схватили отставнаго солдата Мордку Гольдурса, увѣчили и терзали его съ неслыханною жестокостію. Найдя при немъ, кромѣ другихъ вещей, аттестатъ объ отставкѣ, они прибили этотъ аттестатъ къ его груди четырьмя гвоздями, которые вколачивали молоткомъ, и потомъ повѣсили.

Липовскаго уѣзда, въ деревнѣ Маліановкѣ, шайка инсургентовъ, оцѣпивъ домъ г. Трембинскаго, требовала, чтобъ онъ отперъ дверь. Когда Трембинскій отказалъ исполнить это требованіе, инсургенты пытались влѣзть въ окно. Но Трембинскій, вооружась вилою, храбро воспротивился имъ. Тогда они зажгли домъ, и какъ скоро Трембинскій, задыхаясь отъ дыма, былъ вынужденъ выйти, то они убили его.

Въ минской губерніи сорокъ человекъ инсургентовъ, состоявшихъ подъ начальствомъ Свенторжецкаго, вторгнувшись въ имѣніе Богушевича, игуменскаго уѣзда, схватили православнаго священника Конопасевича и повѣсили его на воротахъ его собственнаго дома.

Кромѣ всѣхъ этихъ нами исчисленныхъ злодѣйствъ, отъ имени такъ называемаго національнаго правительства, было совершено *триста двадцать девять* убійствъ, но имена жертвъ еще неизвѣстны.

Что касается до кражъ, грабежей и всякихъ насилій, совершенныхъ революціонною партіей въ Польшѣ и сопредѣльныхъ съ нею провинціяхъ, то они неизчислимы. Но о нихъ можно получить нѣкоторое понятіе изъ слѣдующихъ фактовъ:

Въ мѣстечкѣ Липскѣ еврейская община была вынуждена заплатить 47,000 злотыхъ.

Въ деревнѣ Лавишкѣ липовскаго уѣзда, крестьянинъ Михаилъ Водзинскій и его жена, подвергнутыя пыткамъ, были вынуждены отдать инсургентамъ все свое имущество, 600 злотыхъ.

Крестьянинъ Хмельницкій въ деревнѣ Госпомои (липовскаго уѣзда) также былъ подвергнутъ пыткамъ, такъ какъ инсургенты подозрѣвали, что у него есть деньги.

Сборы съѣстными припасами, фуражемъ, лошадьми, вымогались также насильственно и быстро растрачивались.

Въ глубинѣ лѣсовъ инсургенты предавались неслыханнымъ излишествамъ. У многихъ шаяекъ, застигнутыхъ войсками въ рас-
плохъ, были найдены огромные запасы всякаго рода съѣстныхъ
припасовъ, сваленныхъ кучами и тратившихся беспорядочно.

Расхищеніе частныхъ и казенныхъ денегъ, истребленіе кон-
ныхъ заводовъ и домашнего скота, разграбленіе помѣщичьихъ
домовъ и замковъ, наконецъ покража 3,700,000 рублей изъ каз-
начейства и огромныя суммы, исторгнутыя подь страхомъ смерти
варшавскимъ революціоннымъ комитетомъ у всѣхъ жителей Цар-
ства,— вотъ страшный поминъ польской инсуррекции.

А ВОТЪ И НОВЫЕ ФАКТЫ ЗВѢРСТВА МЯТЕЖНИКОВЪ:

— Мученичество православныхъ священниковъ Прокоповича
и Конопасевича. Въ нѣкоторыхъ газетахъ помѣщены подробно-
сти объ этомъ ужасномъ событіи. Приводимъ ихъ въ извлеченіи.— Съ
22-го на 23-е мая суражскій ¹⁾ священникъ, о. Прокоповичъ преданъ
повстанцами позорной и мученической смерти; его сначала избили
колыями, ружейными прикладами и еле-живаго повѣсили. Смерть
о. Прокоповича выставила весьма рѣзко существенную черту
польскаго характера. Это религіозная нетерпимость, съ которой
идеть рука объ руку и гражданская. Смерть о. Прокоповичу
приготовляли цѣлый мѣсяць, за то, что онъ принималъ къ себѣ
военныхъ, проходившихъ чрезъ мѣстечко Суражъ противъ мятеж-
ническихъ шаяекъ, но не могли исполнить, потому что лучшіе
мѣщане всегда предупреждали о. Прокоповича; на ночь онъ
уѣзжалъ куда-нибудь. За недѣлю до троицына дня собралась
шайка мятежниковъ на мѣщанскихъ лугахъ, изъ молодежи этого
мѣстечка. Помѣщикъ Конопасевскій, хотя не былъ въ этой шайкѣ,
но устраивалъ ее, какъ главный ея начальникъ: выдавалъ ей ору-
жіе изъ своего двора, лошадей, и даже послалъ въ шайку пять
собственныхъ человекъ. Противъ этой шайки была прислана рота
солдатъ, при появленіи которой мятежники разсѣлились. Капитанъ,
приведшій эту роту, развѣстилъ ее по квартирамъ, а самъ съ
другими офицерами зашелъ къ о. Прокоповичу. Пробывъ два дня
въ Суражѣ, рота удалилась изъ мѣстечка; тогда жители еще бо-
лѣе враждебно стали смотрѣть на о. Прокоповича, и начали го-

¹⁾ Суражъ—западный городъ гродненской губ. (есть еще городъ Суражъ въ витебской).

ворить, что онъ самъ донесъ начальству о шайкѣ и призвалъ солдатъ. Съ этого времени ратуша поставила караулъ около мѣстечка, не для того, чтобы охранять жителей отъ мятежниковъ, а чтобы наблюдать, когда будетъ отправляться о. Прокоповичъ. На третій день по выходѣ роты, именно 17-го мая, явился въ Суражѣ Францишекъ Синкевичъ, изъ Данилова, который собиралъ у здѣшнихъ жителей косы и рѣзакъ; этотъ Синкевичъ управляетъ бандами мятежниковъ; онъ былъ въ битвѣ подъ Семятычами и его давно уже ищутъ, но не могутъ поймать. Его привелъ въ домъ священника Николай Климя, житель мѣстечка Суража: онъ съ дерзостью потребовалъ косъ и рѣзакъ; въ случаѣ отказа, вынулъ пистолету, грозилъ всѣмъ смертію. Такъ какъ войска не было въ Суражѣ, а помощи отъ жителей нечего было ожидать, то о. Прокоповичъ вынужденъ былъ исполнить требованіе Синкевича. Три дня праздника Троицы прошли спокойно. Незвѣстные люди съ особеннымъ вниманіемъ наблюдали за количествомъ денегъ, даваемыхъ на обѣднѣ. 22-го мая умеръ одинъ изъ обывателей Суража, Барановскій; жена его просила на другой день похоронить ея мужа, понеому и остался у о. Прокоповича священникъ Каченовскій. Въ девять часовъ у о. Прокоповича всѣ уже заснули первыиъ снами. Проснувшись, жена о. Прокоповича услышала странную бѣготню около дома и разбудила мужа; онъ тотчасъ началъ одѣваться; въ тоже время послышались стукъ въ окно и крики: "хозяинъ, отвори". Не успѣлъ покойникъ сообразить, что нужно дѣлать, какъ вдругъ вырвали окно и нѣсколько человекъ вошло въ комнату. Эти люди тотчасъ бросились къ кровати—на которой лежалъ священникъ Каченовскій; ему тотчасъ связали назадъ руки; одинъ изъ нихъ нѣсколько разъ ударилъ его въ грудь. Зажегли свѣчу, они увидѣли, что это былъ не о. Прокоповичъ; часть убійцъ искала о. Прокоповича; вторіи успѣлъ уйти и скрылся въ новыиъ; они нашли одного изъ сыжовей, Льва, начали бить его; гдѣ попалю дубинами; ружейными прикладами; потомъ оставили подъ карауломъ. Такъ какъ окна были уже всѣ выбиты, то Левъ, обманувъ бдительность караульнаго, выскочилъ черезъ окно, бросился въ огородъ и побѣжалъ по направленію въ дорогѣ, ведущей въ Бѣлостокъ. Замѣтивъ это,

караульный дель знает своимъ, которые стояли около двора; тѣ
 открыли за нимъ погоню, начали стрѣлять въ него, но только
 одна пуля контузила его немного въ голову. Онъ, можетъ быть,
 ушелъ бы, только, выйдя изъ мѣстечка, напнулся на карауль,
 который былъ расставленъ около Суража. Поймавъ его, катехи-
 нцы привели въ домъ, били его долго, тѣмъ недоволю, наконецъ
 уже надѣли веревку на шею, чтобы повѣсить; онъ сталъ въ это
 время выкрикивать: „Ахъ! Воже мой, Боже мой!“ но они стали кри-
 чать: „какой твой Богъ? это собачья, схизматическая вѣра!“—при-
 бавивъ къ этому ругательства подлець, собачья твоя кровь и т. п.
 Въ это время послышались крики: „есть, есть!“ Всѣ бросились
 въ ту сторону, оставивъ караульному сына о. Прокоповича, съ
 веревкой на шеѣ. Въ третьей комнатѣ, они цѣпили дочь о. Про-
 коповича, долго ее били и, наконецъ измучивъ, оставили въ
 комнатѣ, подъ карауломъ. Тамъ же помѣстили и жену о. Про-
 коповича, которую били сильно въ грудь. Услышавъ, что о. Про-
 коповичъ поиманъ, почти всѣ бросились изъ дому, оставивъ нѣс-
 колько человѣкъ для караула, съ приказаніемъ никому не гово-
 рить ни слова; за ослушаніе обѣщали застрѣлить. Они вытащили
 священника на дворъ, начали рвать волосы на головѣ и изъ бо-
 роды, толкать во всѣ стороны, бить руками и дубинами и, на-
 несли бодѣ ста ударовъ, одинъ изъ нихъ встрѣлилъ въ него
 и ранилъ въ бокъ. Потомъ повели его вѣшать въ мѣсту въ пяти
 шагахъ отъ дома, гдѣ находится нѣсколько тополей. Здѣсь о. Про-
 коповичъ сталъ просить ихъ позволить ему помолиться; но они,
 начали надѣваться не только надъ нимъ, но надъ самою рели-
 гією, говоря: „какой твой Богъ? Вы не что иное, какъ собачья
 вѣра собачья, русская, вашъ Богъ—русскій“, тобоянно били
 страдалца въ грудь, подъ бока; чтобы не дать и слова выгово-
 рить, постоянно кричали ему: „молчи!“ Когда надѣли веревку
 на шею, о. Прокоповичъ успѣлъ только выговорить: „Господи
 Иисусе Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго!“ и былъ повѣшенъ.
 Но этимъ еще не кончилось—мятежники начали издѣваться. Они
 привели Льва туда, гдѣ висѣлъ его отецъ, и говорили: „видишь ли,
 какъ твой отецъ виситъ, какъ собака? Будешь и ты тамъ же
 висѣть.“ Побывъ слова сына Прокоповича, они бросили его на

земь, около того мѣста, гдѣ висѣлъ его отецъ, потому что онъ не могъ стоять отъ сильной боли въ ногахъ, которыхъ ему чуть-чуть не переломали. Отсюда всѣ они бросились въ домъ и начали требовать у вдови денегъ, говоря: „дай намъ денегъ на пиво“. Несчастливая отвѣчала, что у нея денегъ нѣтъ, а есть въ туалетѣ и въ комодѣ. Они сейчасъ схватили туалетъ, въ которомъ находился деньги, собранныя на обѣдни въ продолженіе трехъ дней праздника; стали требовать у жены о. Прокоповича, чтобы она сама отворила комодъ; но она отвѣчала, что ключъ у ея мужа. Когда принесли топоръ, по ихъ требованію, то приказали ей рубить комодъ; но одинъ изъ толпы на этотъ разъ былъ посовѣстнѣе и сказалъ: „ты требуешь, чтобы женщина рубила; возьми топоръ и самъ руби“. Только что они начали рубить, какъ влетѣлъ одинъ изъ ихъ шайки и сталъ кричать: „пойдите, братцы, уже сейчасъ день“. Вышедши со двора, они стали кричать: „ну, теперь, уже не будетъ у насъ въ мѣстечкѣ схизматиковъ, теперь у насъ истинная Польша“. Весь этотъ соборъ отправился къ дьячку, котораго также хотѣли повѣсить; дьячонъ въ эту ночь находился въ домѣ Барановскаго, гдѣ онъ читалъ псалтырь надъ усопшимъ. Услышавъ выстрѣлы, онъ убѣжалъ въ Топилецъ. Въ домѣ покойника Барановскаго мятежни и нашли старичка, мѣщанина Капцинскаго; онъ пѣлъ надъ усопшимъ польскія набожныя пѣсни. Мятежники схватили бѣднягу, вытащили на улицу и стали бить его; одинъ изъ шайки сказалъ, что это здѣшній житель. „И подѣломъ ему“, говорили остальные: „не ходи къ схизматикамъ“, и оставили на улицѣ. Этотъ старикъ одинъ только пришелъ помолиться за умершаго. 25-го мая о. Прокоповича схоронили въ селѣ Завыкахъ. При похоронахъ было неболѣе 5-ти человекъ изъ мѣщанъ; тѣло его со слезами провожали евреи и. Суража ¹⁾). Въ Завыкахъ, на похоронахъ, былъ только священ-

¹⁾ Высказали еще сочувствіе къ о. Прокоповичу и временно-обязанные крестьяне, его прихожана. Они говорили горемычной вдовѣ, что хотятъ просить литовскаго митрополита дать имъ священникомъ или одного изъ ея сыновей, или оставить мѣсто за ея дочерью. Указываемъ на это, чтобы великорусское общество видѣло, что только фанатники-поляки могли такъ поступить съ о. Прокоповичемъ.

никъ Бачановскій; изъ прихожанъ о. Прокоповича было не болѣе 4-хъ человекъ; прочіе отказались, хотя просилъ ихъ сельскій писарь отдать послѣдній долгъ покойнику. Теперь надъ этими похоронами всѣ смѣются въ Суражѣ. „Нашего повѣшеннаго священника всѣ оставили, и священники и войско; видно, онъ былъ худой человекъ и, должно быть, стоилъ петли“, говорятъ суражскіе жители, и прибавляютъ: „толковали что Польша не будетъ, а вотъ уже и Польша; всѣ русскіе отказываются отъ своего священника“. Въ домѣ о. Прокоповича всѣ окна выбиты, двери выломаны, такъ что невозможно тамъ жить; поэтому его жена рѣшилась уѣхать куда-нибудь. Но члены ратуши не хотѣли выдустить ее изъ мѣстечка, опасаясь, чтобы она не уѣхала въ Бѣлостокъ и не рассказала обо всемъ начальству.

„Семейство о. Прокоповича живетъ теперь въ Бѣлостокѣ; оно боится и показаться въ Суражѣ.

„Отецъ Прокоповичъ былъ на суражскомъ приходѣ съ 1841 года. Въ приходѣ его 335 душъ, которыя разбѣяны между католическимъ народонаселеніемъ. Какъ и всѣ у насъ священники, онъ имѣлъ церковную землю, которая не отличается плодородіемъ; жалованья онъ получалъ 120 р. въ годъ. Хозяйство его было очень ограниченное. По бѣдности о. Прокоповича, училищное начальство воспитывало двухъ его сыновей въ духовномъ училищѣ на казенномъ содержаніи, третьяго на полуказенномъ, т. е. о. Прокоповичъ вносилъ за него половинную плату, 30 руб. сереб. Четвертаго онъ воспитывалъ на свой счетъ, съ платой 60 р. с. Дочери своей, 17-ти лѣтней дѣвушкѣ, онъ старался дать домашнее, приличное воспитаніе. Жизнь въ старомъ, сыромъ домѣ, постоянная нужда разстроили здоровье о. Прокоповича; онъ былъ слабаго сложенія. Не имѣя средствъ пользоваться совѣтами докторовъ, онъ занялся чтеніемъ болѣе или менѣе доступныхъ ему медицинскихъ книгъ, и на столько успѣлъ, что не только лечилъ самаго себя безъ помощи медиковъ, но сталъ помогать и многимъ постороннимъ лицамъ—своимъ прихожанамъ и иновѣрцамъ: католикамъ и евреямъ. Въ рѣдкій день ктонибудь не приходилъ къ нему за совѣтомъ. Когда открылось волненіе въ Царствѣ Польскомъ, тамошнимъ жителямъ, приходящимъ за

совѣтомъ, о. Прокоповичъ смѣло представлялъ безразсудство изданаго ими дѣла и доказывалъ имъ, что всѣ распоряженія правительства вѣдомыя къ улучшенію быта польмовъ. Онъ раздражилъ противъ себя польскую партію, особенно мѣстнаго жесиды, патера Моравскаго, который былъ двигателемъ въ этомъ темномъ дѣлѣ¹⁾».

Смерть о. Конюпасовича.—(Извлечено изъ 24-го № «Дня»). Игуменскаго уѣзда, мѣстнаго губернца, въ м. Богушевичахъ, между нѣсколькими десятками безоружныхъ жителей христіанъ и евреевъ, жилъ священникъ Даниилъ Канаповичъ. Добрый пастырь вѣрный слуга церкви и отечества, имѣлъ бдительный надзоръ за своею паствою, чтобы ни одинъ изъ членовъ ея не увлекся обольщеніями мѣстнаго помѣщика Свѣтоторжецкаго и не присоединился къ собираемой имъ противъ нашего правительства шайкѣ. А потому, не смотря на угрозы его, отъ Даниила непрестанно внушалъ имъ вѣрность и любовь къ церкви и православному отечеству своему, а о мятежныхъ поступкахъ помѣщика доносилъ начальству, чѣмъ и удерживалъ паству свою въ повиновеніи и вѣрности законной власти, и отклонилъ ее отъ участія въ мятежѣ. Это озлобило мятежнаго поляка; собравъ банду, 20-го апрѣля, ночью, онъ напалъ на богушевицкое сельское управленіе, а потомъ и на домъ священника. Въ первомъ изломалъ въ куски зеркало и приблизилъ къ стѣнѣ управленія свое печатное объявленіе о возстановленіи Польши и правъ ея; а во второмъ употреблялъ всѣ усилія къ отысканію священника, дабы предать его истязанію и смерти за противодѣйствіе мятежнымъ замысламъ. Но онъ ночью, схвативъ отѣяло, бѣжалъ въ лѣсъ, оставивъ семейство, и по наступленіи дня когда убѣдился, что мятежники удалились изъ мѣстечка, явился къ семейству, отправился въ сельское управленіе и, увидѣвъ висѣщее на стѣнѣ объявленіе о наступленіи царства Польши, собравъ прихожанъ, заставилъ ихъ вѣрность своему Царю, разорвалъ въ куски объявленіе и разсыпавъ по воздуху, отпустилъ ихъ домой. Узнавъ о поступкѣ священника, Свѣтоторжецкій началъ превозглашать, что священники не желающіе быть преданными Польшѣ сами и склонить къ тому своихъ прихожанъ, будутъ повѣшены. Этими онъ заставилъ ихъ укрываться въ лѣсахъ и ущельяхъ, и домой являться, для преподанія грѣбъ прихо-

¹⁾ Пожертвованія въ пользу несчастнаго семейства о. Прокоповича принимаются въ главной конторѣ газеты «Голосъ» (Литва, № 38). Желающіе могутъ присылать и въ редакцію «Вѣстника».

жизнью; тогда только, когда они уверены были, что въ тѣхъ мѣстахъ банды его нѣтъ, такъ какъ былъ уже опытъ, что соуднаго священника Малевича мятежники за это тиранили. Такъ проводилъ дни Конапосевичъ, около мѣсяца. Утомленный скитальческою жизнью въ настоящее время и не предвидя конца своему мученію, отправился онъ, наконецъ, къ своему архипастырю, съ объявленіемъ о бѣдственномъ своемъ и соуднаго священниковъ положеніи, а также и о томъ, что мятежники Свѣнторжевскій вывозятъ цѣнное имущество изъ богумшевцкаго своего имѣнія въ другое, близъ города Минска паходящееся. Вълѣдствіе чего, по распоряженію господина начальника минской губерніи, это имущество было арестовано, а для уничтоженія собранной имъ шайки былъ посланъ отрядъ войска. Прибывъ въ мѣстечко Богумевичи, отрядъ остановился здѣсь для отдыха, а офицеры посетили священника Конапосевича и узнали отъ него, гдѣ имѣютъ лагерь мятежники. Не довольствуясь тѣмъ, убѣдили его указать имъ дорогу къ этому лагерю, и, по исполненіи имъ этого, отправили его домой. На другой же день пригласили его на мѣсто сраженія, исповѣдать и причастить раненыхъ православныхъ воиновъ и похоронить павшихъ на полѣ брани. Явившись туда, увидѣлъ онъ безпомощныхъ страдальцевъ, истаявающихся отъ ранъ, и другихъ обогрѣнныхъ кровію и умершихъ солдатъ и мятежниковъ, а также встрѣтился съ ксендзомъ, прибывшимъ сюда для исполненія той же обязанности. Расстроганный этимъ зрѣлищемъ до крайности и проникнутый чувствомъ состраданія, онъ не могъ удержаться и сказалъ ксендзу: «Наслаждайся, другъ, плодами своей проповѣди, утѣшайся стономъ умирающихъ страдальцевъ; неужели окаменѣло сердце ваше поляки, и вы не можете образумиться, и не перестанете внушать безумцамъ проливать кровь собратьевъ своихъ?» Такой поступокъ православнаго пастыря еще болѣе ожесточилъ Свѣнторжевскаго и принудилъ подбросить записку съ дурнаго содержанія: «Отецъ Конапосевичъ! Будь увѣренъ, что ты останешься въ живыхъ тогда, когда ни одного изъ насъ не останется.» Угроза эта и заставила Конапосевича, по прежнему, укрыться въ лесахъ и ущельяхъ, отъ преслѣдованія и, наконецъ, удалиться совсѣмъ за 50 верстъ, къ родственнику своему, священнику Но пробывъ здѣсь неболѣе трехъ дней, онъ возвратился къ мѣсту своего призванія. На другой день по прибытіи его домой, именно 23-го мая, въ 4 часа по полудни, является вооруженная банда подъ предводительствомъ

ствомъ мятежника Свѣиторжецкаго, окружаетъ домъ его и, схвативъ несчастнаго священника, выводитъ его. Тутъ саязали еми руки назадъ и, зацѣпивъ веревкою за шею, начали таскать на дворъ и бить. Водь жены и четырехлѣтняго малютки, сына его, о дарованіи жизни несчастному, привлекъ безоружныхъ жителей мѣстечка, христіанъ и евреевъ. Они стали на колѣни и начали умолять мучителей о пощадѣ; но просьбы эти только еще болѣе приводили ихъ въ ярость: просителямъ они грозили заряженными ружьями, а женъ и малюткѣ наносили побой. Наконецъ повѣсили отца Конопасевича на воротахъ и издѣвались надъ нимъ, утѣшаясь его страданіями. Бѣдная жена его, вырываясь изъ рукъ злодѣевъ, подбѣгала съ неуступнымъ спутникомъ своимъ, малюткою, къ висящему своему мужу, схватывала его за ноги и подставлявъ плеча свомъ подъ нихъ, для облегченія страданій его, цѣловала ихъ, а малютка не престававъ вопить: »Ой Боже мой, папочка мой висить!« Но ничто не могло побудить къ жалости рыцарственныхъ польскихъ патриотовъ. Теряясь въ изобрѣтеніи мученій священника, схватвали оца жену его и малютку и, подобно шару, швыряли ихъ на землю. Но любовь и жалость жены вынуждала ее собрать послѣднія силы свои, вновь бросаться къ мужу, вновь подставлять плечи подъ ноги висящаго, доколѣ не оказалось у него никакихъ признаковъ жизни. Видя кончину страдальца, поляки отвязали веревку, на коей онъ висѣлъ: трупъ свалился на землю. Тогда несчастная вдова съ ребенкомъ упала на бездыханное тѣло мужа и плакала до тѣхъ поръ пока не впала сама въ безчувствіе. «Патриоты» ушли наконецъ, приказавъ собравшемуся на мѣсто мученія народу, подъ угрозою казни, не погребать священника, доколѣ не свѣлается онъ добычею звѣрей. Этимъ жестокимъ поступкомъ своимъ поляки навели на безоружныхъ и малочисленныхъ жителей мѣстечка Богушевичи такой страхъ, что жители удалились, оставивъ мученика на мѣстѣ мученія и кончины. Одно только семейство его, сестра жены покойника, работникъ и работница осмѣлились внести тѣло Конопасевича въ комнату и облачить въ приличную одежду. Такъ окончилъ жизнь свою священномученикъ Даниилъ, на 32 году отъ рожденія, а на седьмомъ священства, доказавъ міру, что ни угрозы, ни мученія, ни самая смерть не могли отклонить его отъ любви къ церкви и Россіи, и что онъ какъ пастырь добрый, положилъ душу свою за овцы своя. Такъ ознаменовалъ себя польскій пат-

ріотъ благородный польскій шляхтичъ, помѣщикъ Свѣторжецкій, съ сообщниками своими, подобными же ему тиранамъ-помѣщиками, доказавъ міру что онъ истый потомокъ тѣхъ гонителей и мучителей православныхъ, которыхъ подвигъ съ трепетомъ вспоминаетъ наша страна, находившаяся, къ несчастію подъ владычествомъ Польша!

Не извѣстно, уничтожена ли эта шайка мятежниковъ. свирѣпствовавшая вблизи мѣстечка Богушеничи, и получили ли польскіе герои достойное наказаніе? Говорятъ что и жена покойника скончалась, но за вѣрность этого извѣстія ручаться нельзя.

— Мудрыя мѣры виленскаго генераль-губернатора Михаила Николаевича МУРАВЬЕВА 2 для скорѣйшаго усмиренія шляхто-ксендзовскаго мятежа въ западныхъ губерніяхъ Россіи.—Кромѣ помѣщенной въ X книжкѣ Вѣстника ¹⁾ Инструкціи для устройства военно-гражданскаго управленія въ виленскомъ генераль-губернаторствѣ, послѣдовали нижеслѣдующія распоряженія для скорѣйшаго подавленія шляхто-ксендзовскаго мятежа въ этомъ краѣ:

—Объявленіе сельскимъ обывателямъ губерній виленской, гродненской, жовенской и минской.—Уже болѣе четырехъ мѣсяцевъ, какъ мятежъ нарушилъ мирную тишину вашихъ жилищъ. Люди праздные и ялонамѣренные, поднявъ знамя бунта противъ законнаго своего Государя, замыслили льстивыми обѣщаніями и угрозами склонить и васъ на свою сторону, дабы съ помощію вашею испровергнуть общественный порядокъ и законную власть, обретающую спокойствіе и собственность каждаго мирнаго жителя. Являясь дерзко вреди вамъ, объявляя вамъ свои преступныя манифесты отъ имени несуществующаго польскаго правительства, осверняя храмы наши чтеніемъ мятежныхъ воззваній и приведеніемъ легковѣрныхъ къ беззаконной присягѣ—они, съ помощію ксендзовъ, изъ коихъ многіе измѣнили долгу вѣрноподаннической присяги Государю и обязанностямъ своего духовнаго званія, стараются именемъ Божіимъ вовлечь васъ въ преступленіе. Но они ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ: настоящій мятежъ далъ вамъ случай доказать на дѣлѣ преданность вамъ Государю и вѣрность выполненной вами присягѣ. Никѣ, обманутія въ своихъ надеж-

¹⁾ Смотри Отд. IV. Польскій вопросъ.

дахъ, преслѣдуемыя и уничтожаемыя нашими войсками, шайки мятежниковъ укрылись въ лѣсахъ и появляются отсюда въ ваши селенія для грабежа, безумства и снабженія себя припасами, совершая безчеловѣчныя казни надъ тѣми изъ васъ, которые, оставаясь вѣрными своему долгу, не исполняютъ ихъ приказаній и не сочувствуютъ преступнымъ ихъ дѣйствіямъ.

Но уже исполвилась мѣра терпѣнія: не видявъ слову милосердія и прощенія, изреченному благодушнымъ Царемъ нашимъ, они чувствуютъ уже нынѣ всю тяжесть справедливой и заслуженной имъ кары; сотни бывшихъ вашихъ помѣщиковъ и ксендзовъ, участвовавшихъ въ мятежѣ и взятыхъ войсками и крѣпкими своему долгу крестьянами, содержатся въ вѣдѣностяхъ и рѣзницахъ; надъ многими изъ нихъ уже прицѣлены въ исполненіе смертные приговоры военнаго суда; та же участь ожидаетъ и другихъ главныхъ виновниковъ и зачинщиковъ бунта; на имѣнія ихъ наложимъ, конфискаторъ и доходы съ оныхъ взятъ въ казну; то жесдѣлаво будетъ и совѣми, принимающими участіе въ мятежѣ.

Вѣрные долгу и присягѣ поселенцы! Дарованная вамъ свобода отъ вѣрнопостной зависимости служитъ доказательствомъ заботливости о васъ Государя Императора. Великодушный монархъ, прекративъ всѣ обязательныя отношенія наши съ бывшими вашими помѣщиками и оставивъ въ неприкосновенномъ владѣніи лашемъ земли, на которыхъ вы издана поселены, даетъ вамъ средства немедленно, съ помощію пособия отъ казны, сдѣлаться полными собственниками всего слѣдующаго вамъ, по закону, надѣла, который и будетъ утвержденъ за вами повѣрочными комиссіями. Благотѣльная мѣра эта распространена на всѣхъ васъ, безъ различія вѣроисповѣданій, ибо и православный, и католикъ, вѣрныя своей присягѣ, пользуются одинаковою защитой отъ своего Государя. Всѣ эти милости и все благосостояніе ваше, истекаютъ единственно отъ щедротъ вашего Государя и благотѣды; отъ него только вы должны ожидать и въ будущемъ прочнаго обезпеченія вашей собственности, безопасности вашихъ семействъ и безобиднаго пользованія тѣмъ, что приобрѣтено вами честнымъ и свободнымъ трудомъ.

Еще разъ повторяю вамъ, крестьяне и бывшіе дворовые лю-

ди: вы не обязаны уже вашимъ прежнимъ помѣщикамъ никакими повинностями; вы совершенно освобождены отъ ихъ зависимости, и если еще и теперь нѣкоторые помѣщики польскаго происхожденія, пользуясь настоящими смутами въ краѣ, заставляютъ васъ отбывать барщину или облагаютъ въ свою пользу платежами, то это есть злоупотребленіе, о прекращеніи котораго строго предписано всѣмъ военнымъ начальникамъ.

Но чтобы окончательно устроить вашъ бытъ на прочныхъ основаніяхъ, необходимо прежде возстановить спокойствіе и порядокъ въ селеніяхъ вашихъ, потушить мятежь и предать виновныхъ въ руки закона. Всѣ необходимыя для этого мѣры уже приняты; независимо отъ повсемѣстнаго преслѣдованія войсками нашими мятежническихъ скопищъ, учреждены по уѣздамъ военно-полицейскія управленія, которымъ предписано принять подъ свое покровительство всѣхъ вѣрныхъ и преданныхъ Государю и правительству жителей, въ особенности крестьянское населеніе, оградить его, чрезъ содѣйствіе военной силы, отъ покушеній мятежниковъ, и устроить изъ самыхъ крестьянъ сельскіе вооруженные караулы, которые, не выходя изъ черты своего общества, послужатъ вамъ, у себя дома, въ вашихъ селеніяхъ, обороною отъ нападенія неистовыхъ мятежническихъ шаекъ на ваши семейства и жилища. Вы же, съ своей стороны, общими усиліями и дружно должны стараться о пресѣченіи мятежникамъ всѣхъ способовъ укрывательства и отнятіи у нихъ средствъ къ дальнѣйшему существованію, исполняя приказанія и распоряженія законныхъ властей.

Въ непремѣнную обязанность вмѣняется вамъ, старшинамъ вашимъ и сельскимъ кадауламъ—не допускать въ границахъ вашихъ сельскихъ обществъ никакихъ мятежныхъ съѣздовъ и сборищъ, а также вербовки, вооруженія и вообще всякаго приготовленія къ мятежу, во фольваркахъ, домахъ, порчмамъ, лѣсахъ и другихъ мѣстахъ—кому бы они не принадлежали; наблюдать за всѣми проходящими и проезжающими чрезъ ваши селенія и земли, и если замѣчено будетъ что-либо возбуждающее подозрѣніе, немедленно давать знать о томъ ближайшему военному начальству, а злоумышленниковъ и подозрительныхъ людей, какова бы была

и состоянія они ни были, всеяды ли, помещики, шляхтичи, или другихъ сословій, тотчасъ же задерживать и передавать военнымъ командамъ. Оберегайте также ваши церкви и костелы отъ злочестиваго оскверненія оныхъ возмутительными оскверненіями и беззаконными присягами. Однимъ словомъ, преслѣдуя и истребляя всякое покушеніе къ мятежу, поступайте такъ, какъ слѣдуетъ поступать каждому вѣрному подданному своего законнаго Государя.

Правительство съ своей стороны не оставитъ безнаказанно попытки мятежниковъ противъ васъ и вашего достоянія: оно уже караетъ злодѣевъ, безчинствующихъ въ селеніяхъ вашихъ; и если до сихъ поръ они осмѣливались угрожать вамъ и употреблять на смія, то это происходило оттого, что вы сами дружными и соединенными силами не рѣшались дать имъ отпоръ и содѣйствовать въ подавленію бунта.

Для собственнаго каждого изъ васъ и семействъ вашихъ спокойствія, призываю васъ къ немедленному образованію вооруженныхъ сельскихъ карауловъ, по указанію и распоряженію военнаго начальства; съ помощію ихъ—смѣло и безъ боязни становте лицомъ къ лицу противъ бунтовщиковъ, которыхъ страхъ наказанія гонить въ лѣса, а грабежъ и разбой вызываетъ оттуда на ваши селенія. Помните, что отъ вашего соединеннаго дѣйствія зависятъ скорѣйшее возстановленіе спокойствія и огражденіе жилищъ вашихъ отъ разграбленія, и если нѣкоторые изъ среди нашей пострадали за вѣрность своему долгу, то многіе именованны убійствъ уже получили заслуженное ими наказаніе, въ страхъ и примѣръ другимъ, а заботливый Царь вашъ не оставитъ семейства, осиротѣвша за преданность къ нему и вѣрность присягѣ.

Подписалъ: *Виленьскій военный, гродненскій, ковельскій и млыньскій генералъ—губернаторъ, командующій войсками виленьскаго военного округа и главноначальствующій въ витебской и могилевской губерніяхъ. генералъ отъ инфантеріи Муравьевъ 2-й.*

Вильно, 2-го іюня 1863 года.

—Циркулярное предписаніе г. начальника могилевской губерніи, гг. уѣзднымъ исправникамъ, становымъ и городскимъ приставамъ: „Вслѣдствіе возникшихъ въ могилевской губерніи бездо-

рядовъ, имущества лицъ, причастныхъ къ безпорядкамъ, подлежатъ секвестру, на основаніи высочайше-утвержденныхъ, въ 15-й день марта 1863 года, объ этомъ правилъ, распубликованныхъ въ „Могилевскіе Губернскіе Вѣдомостяхъ“ 13-го апрѣля 1863 года, № 25, и секвестрованные имущества поступають въ вѣдомство палаты государственныхъ имуществъ, которой по этому предмету дана отъ министерства государственныхъ имуществъ особая инструкция, присланная вамъ губернскимъ правленіемъ, при циркулярномъ указѣ отъ 14-го мая. Между тѣмъ, по настоящее время, имущества неосеквестрованы, а потому предписываю вамъ о наложеніи секвестра на имущества лицъ, о которыхъ положительное извѣстно, что они причастны къ безпорядкамъ, немедленно представить губернскому правленію, и самыя имущества безотложно опечатать, и впредь до сдачи въ вѣдомство палаты имѣть въ полицейскомъ управленіи, исполняя въ этомъ дѣлѣ во всемъ указанныя выше правила и инструкцію, и донося губернскому правленію о своихъ распоряженіяхъ по каждому имѣнію особо.

„Успѣшное исполненіе сего оставляю на личной вашей отвѣтственности.“

Подписалъ гражданскій губернаторъ *Беклемишевъ*.

— О воспрещеніи носить трауръ и другіе революціонные знаки. — Въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“ напечатано: „До начатія политическихъ безпорядковъ въ здѣшнемъ краѣ, въ числѣ разныхъ противуправительственныхъ манифестацій, большая часть жителей г. Вильно женскаго пола, для показанія сочувствія революціонному движенію въ Царствѣ Польскѣмъ, начала носить трауръ въ различныхъ видахъ: черныя платья, съ плерезами и безъ оныхъ, черныя шляпки съ бѣлыми султанами, а также особенныя революціонныя знаки, какъ-то: металлическія пряжки въ соединенныхъ гербѣхъ Польши и Литвы, переломленный крестъ въ терновомъ вѣнкѣ, и проч. Эта манифестація, въ большемъ или меньшемъ видахъ, продолжается и донинѣ. Такъ какъ всякое сочувствіе къ настоящимъ мятежнымъ дѣйствіямъ преслѣдуется закономъ наравнѣ съ самыми этими дѣйствіями, то г. главный начальникъ края предложилъ, 31-го минуваго мая, № 1,121, г. начальнику

губерніи, къ прекращенію этой преступной манифестаціи, сдѣлать слѣдующее распоряженіе:

1) Объявить по г. Вильно, что трауръ и вообще пошение лицами женскаго пола черныхъ платьевъ и другихъ революціонныхъ знаковъ, въ настоящее время, допущены быть не могутъ. 2) Тѣхъ изъ чиновниковъ, въ семействахъ которыхъ женщины будутъ появляться публично въ черныхъ платьяхъ и другихъ траурныхъ нарядахъ, а также носить революціонные знаки, немедленно исключать изъ службы. 3) Лица женскаго пола, безъ различія званія, состоянія и національности, появившихся публично въ черныхъ платьяхъ и вообще въ траурномъ нарядѣ, или съ условными революціонными принадлежностями туалета, подвергать штрафу въ первый разъ 25 р. сер., во второй—50 руб., и затѣмъ арестовывать, для поступленія съ ними, какъ съ участницами въ мятежѣ. 4) Въ случаѣ невзноса виновными установленнаго штрафа, приступить немедленно къ продажѣ ихъ движимости, для пополненія штрафной суммы. 5) Деньги, собранныя отъ штрафовъ за нарушеніе означеннаго выше распоряженія, представлять, къ его высокопревосходительству, для обращенія оныхъ въ пользу семействъ сельскаго населенія, потерпѣвшихъ разореніе и насиліе отъ мятежническихъ шаекъ. 6) Лица, носящія трауръ по самымъ близкимъ своимъ роднымъ, должны предъявить позитивныя законныя доказательства о дѣйствительной смерти этихъ родныхъ, и въ такомъ только случаѣ можетъ быть имъ дозволено ношеніе траура до истеченія срока, установленнаго на этотъ предметъ мѣстными обычаями; и 7) все изложенное въ предыдущихъ шести пунктахъ относится и къ тѣмъ изъ лицъ мужскаго пола, которые будутъ появляться публично съ знаками траура въ одеждѣ, общепринятыми для мужскаго наряда, а также носить чамѣрны, конфедеративы, длинныя сапоги сверхъ нижней одежды, или другіе условные знаки мятежнической партіи.“

—Въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“ напечатано:—Г. генераль-губернаторъ призналъ необходимымъ, въ виду настоящихъ обстоятельствъ края, сдѣлать распоряженіе о неотлучкѣ помѣщиковъ изъ ихъ имѣній и мызъ безъ особо уважительныхъ причинъ. Рас-

поряженіе это сообщено начальникамъ губерніи въ слѣдующемъ предложеніи его высокопревосходительства, отъ 8-го числа сего мѣсяца:

„Изъ донесеній военныхъ начальниковъ я усматриваю, что во многихъ мѣстахъ военныя команды посланныя для отысканія и преслѣдованія мятежническихъ шаекъ, проходя чрезъ помѣщичьи мѣзъы, застають въ оныхъ одни только семейства помѣщичковъ; сами же помѣщики, подъ различными предлогами, находятъ въ неизвѣстной отлучкѣ.

„Такъ какъ въ настоящее время присутствіе помѣщиковъ въ имѣніяхъ необходимо, для удостовѣренія мѣстныхъ властей о поступкахъ и дѣйствіяхъ ихъ при настоящемъ мятежномъ движеніи въ край, для доставленія необходимыхъ свѣдѣній начальникамъ проходящимъ чрезъ ихъ имѣнія военныхъ командъ, для распоряженій касательно снабженія этихъ командъ потребными запасами, а всего болѣе для точнаго исполненія помѣщиками тѣхъ обязанностей, какія лежатъ на нихъ по смыслу §§ 10, 11 и 13 данной мною инструкціи, для устройства военно-гражданскаго управленія въ край—то посему я предлагаю вашему превосходительству сдѣлать немедленно распоряженіе объ объявленіи по ввѣренной вамъ губерніи, чтобы помѣщики, за исключеніемъ тѣхъ, которые были изъ имѣній своихъ въ губернскіе и уѣздные города по билетамъ военныхъ уѣздныхъ начальниковъ, не отлучались, ни подъ какимъ предлогомъ, изъ своихъ мѣзъ и имѣній, и затѣмъ, по объявленіи сего распоряженія, если кто-либо изъ нихъ окажется въ отлучкѣ, то имѣнія такихъ помѣщиковъ, какъ навлекающихъ на себя подозрѣніе въ сношеніяхъ съ мятежническими шайками, подвергать немедленно секвестру, съ удаленіемъ изъ оныхъ помѣщичьихъ семействъ; военнымъ же уѣзднымъ начальникамъ предписать—имѣть за исполненіемъ сего, строжайшее наблюденіе, поступаая съ помѣщиками, нарушившими это распоряженіе, на точномъ основаніи §§ 8 и 13 данной мною инструкціи.“

Подлинное подписалъ: генераль отъ инфантеріи *Муравьевъ 2-й*.

— Предложеніе г. генераль-губернатора начальникамъ виленской, ковенской, гродненской и минской губерніи, отъ 13 Іюня (Вислѣдствіи предложеніе это рас-

пространено и на витебскую и могилевскую губернии).—Поручивъ уведомленіе объ утвержденіи высшимъ правительствомъ предположеній моихъ объ обложеніи недвижимыхъ имуществъ принадлежащихъ дворянамъ, временнымъ десятипроцентнымъ сборомъ съ получаемого ими дохода отъ удобныхъ земель, оставшихся въ ихъ непосредственной распоряженіи, предлагаю вашему превосходительству, тля удобнѣйшаго приведенія въ исполненіе взысканія временнаго сбора съ дворянъ-помѣщиковъ вѣренной вамъ губерніи, безотлагательно сдѣлать надлежащее распоряженіе, привявъ въ руководство слѣдующія главные основанія:

1) Взиманіе временнаго десятипроцентнаго сбора произвести поуѣздно, по составленнымъ для сего раскладкамъ, со всѣхъ, безъ исключенія, недвижимыхъ имуществъ, принадлежащихъ дворянамъ, чрезъ военныхъ уѣздныхъ начальниковъ и подчиненную имъ земскую полицію.

2) Для взноса причитающихся съ владельцевъ имѣній платежей, назначить семидневный срокъ. Если же кто-либо изъ владельцевъ не внесетъ къ назначенному времени слѣдующаго съ него платежа, то предоставить начальникамъ уѣздовъ право подвергнуть, безъ всякаго послабленія, продажѣ имѣющагося въ домѣ и хозяйствѣ такого ослушника недвижимое имущество, скотъ, лошадей и хлѣбные запасы.

3) О всѣхъ владельцахъ, въ семействахъ коихъ окажутся отлучившіеся безъ вѣсти члены, немедленно доносить мнѣ, дабы я могъ распорядиться объ усиленіи съ нихъ взысканія, сверхъ общаго 10 % сбора, такъ какъ такіе владельцы оказываются двойнѣ виновными, въ сравненіи съ прочими.

4) Всѣ собранныя такимъ образомъ суммы, военные начальники уѣздовъ должны, по мѣрѣ поступленія, сдавать въ уѣздныя казначейства. Для веденія надлежащей отчетности поступающимъ сборамъ казначейства, начальники уѣздовъ должны быть снабжены особыми шнуровыми книгами, а также квитанціями, которыя будутъ выдаваться платильщикамъ, въ удостовѣреніе того, что они своевременно и сполна внесли слѣдующій съ нихъ взносъ.

5) Начальникамъ губерній предоставляется представлять на мое усмотрѣніе о тѣхъ изъ владельцевъ недвижимыхъ имуществъ, которые не только на словахъ, но и на самомъ дѣлѣ доказали свою преданность законному правительству и вѣрность данной ими присяги, чтобы я могъ оказать такимъ лицамъ нѣкоторыя облегченія; тѣмъ порядкомъ, въ то время

и въ томъ размѣрѣ, которыя я найду наиболее удобными.

6) Военные начальники уѣздовъ обязаны безотлагательно представлять начальникамъ губерній о всѣхъ имѣніяхъ, которыхъ, по какому-либо случаю, не были внесены по вѣдомству, для составленія по таковымъ имѣніямъ дополнительной раскладки.

7) Ваше превосходительство не оставите своимъ личнымъ наблюденіемъ способствовать къ скорѣйшему составленію раскладки по уѣздамъ ввѣренной вамъ губерніи, чтобы высочайше утвержденный съ дворянъ-помѣщиковъ десятипроцентный сборъ, могъ быть взысканъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

Подписаль: Генералъ отъ инфантеріи *Муравьевъ 2-й*.

— Циркуляръ генералъ-губернатора *Муравьева 2*, о секвестрѣ земель имуществва мелкой шляхты принявшей участіе въ мятежѣ. — Во время настоящаго мятежа въ числѣ лицъ разныхъ сословій, принявшихъ участіе въ ономъ, находится значительное число мелкой шляхты, а также и однодворцевъ, имѣющихъ притязаніе на свое мѣткогда шляхетское происхождение. Лица эти, состоя большаю частію поселеными на земляхъ, принадлежащихъ обществамъ крестьянъ, какъ казенныхъ, такъ и временно-обязанныхъ, оставляютъ свои жилища и хозяйство, и присоединяются къ мятежникамъ, или, оставаясь на мѣстѣ своего жительства, содѣйствуютъ мятежническимъ шайкамъ, снабжая оныя различными припасами, скрывая отъ военныхъ командъ ихъ мѣстопробываніе и давая въ своихъ жилищахъ пристанище злоумышленникамъ.

Почитая справедливымъ—дѣлать такіа лица права пользованія тѣми выгодами и удобствами, какія предоставляются вѣрному своему долгу и присягѣ крестьянскому сословию, среди котораго они поселены, я предлагаю вашему превосходительству сдѣлать распоряженіе, чтобы земельные участки, съ усадьбами, на которыхъ водворены однодворцы, шляхта и другіе разночинцы, были немедленно отобраны отъ тѣхъ лицъ, которыя присоединились къ мятежнымъ шайкамъ, или оказываютъ содѣйствіе онымъ, и таковыя участки, вмѣстѣ съ находившимся на оныхъ хозяйствомъ, передать въ распоряженіе казенныхъ или временно-обязанныхъ крестьянскихъ обществъ, въ составъ которыхъ оныя находятся, съ тѣмъ: 1) чтобы общества предоставляли такіа участки въ пользованіе

крестьянамъ—огородникамъ и бобылямъ, или кутникамъ, которые не имѣютъ полевыхъ надѣловъ; чтобы участки эти отдаваемы были обществами тѣмъ изъ крестьянъ, которые отличаются порядочною жизнію, и преимущественно оказавшимъ особыя услуги по содѣйствию своему къ преслѣдованію и уничтоженію мятежниковъ; и 3) чтобы ввѣдь во владѣніе этими участками производимъ былъ не иначе, какъ по мірскому приговору.

Затѣмъ прошу ваше превосходительство приказать, пречитавъ во всѣхъ крестьянскихъ обществахъ, на полномъ сходѣ, настояще мое предписаніе, объявить, что будучи увѣренъ въ преданности этихъ обществъ Государю и правительству, я поручаю ихъ заботливости, чтобы они не допускали со стороны крамольной шляхты вѣроломныхъ поступковъ какъ однодворцевъ, такъ и прочихъ разночинцевъ и дворовую челядь, живущую на землѣ принадлежащей обществу, а также офиціалистовъ и помѣщичью прислугу—къ участию въ мятежѣ и содѣйствию оному; всѣхъ же кто окажется виновнымъ или будетъ заподозрѣнъ въ сношеніи съ мятежниками, задерживали, безъ различія званія и состоянія, и передавали ближайшимъ военнымъ командамъ; и если бы, по какому либо случаю, нашелся между крестьянами такой, который, измѣнивъ вѣрноподданническому долгу, отлучился съ мѣста жительства, для присоединенія къ шайкамъ мятежниковъ, или уличенъ былъ въ содѣйствіи онымъ, то съ участкомъ и хозяйствомъ и такою крестьянина общество обязано поступить по приведенному выше указанію.

Поручая вашему превосходительству возложить наблюденіе за точнымъ исполненіемъ всего выше изложеннаго на уѣздныхъ военныхъ начальниковъ и уѣздныхъ исправниковъ, и предложить виленской палатѣ государственныхъ имуществъ, дабы она, съ своей стороны, сдѣлала надлежащее распоряженіе о приведеніи въ исполненіе предписанной мною выше мѣры въ подлежащихъ ей вѣдѣнію казенныхъ имѣніяхъ, съ откомандированіемъ на сей предметъ благонадежныхъ чиновниковъ—я, вмѣстѣ съ симъ, прошу ваше превосходительство обратить съ своей стороны, особенное вниманіе ваше на успешный ходъ настоящего дѣла, и доносить мнѣ по мѣрѣ исполненія.

Подписалъ: Генераль отъ инфантеріи Муравьевъ 2-й.

11-го іюня, 1863 года.

— Предложеніе тогожь генераль-губернатора, относительно старообрядцевъ, живущихъ на землѣ помѣщиковъ поляковъ.— Помѣщики здѣшняго края, польскаго происхожденія, участвуя большею частію въ мятежъ, или содѣйствуя оному, стараются всѣми средствами ослабить и уничтожить въ здѣшнемъ краѣ влияние русскаго элемента; съ этою цѣлю, желая вытеснить старообрядцевъ, какъ вѣрное и преданное Государю и правительству населеніе, съ земель, отдаваемыхъ имъ донынѣ въ арендное содержаніе, помѣщики дѣлаютъ имъ различныя притѣсненія, и несоразмѣрнымъ возвышеніемъ арендной платы, хотятъ ихъ заставить выселиться изъ занимаемыхъ ими нынѣ участковъ.

По поводу возникшихъ по сему случаю жалобъ со стороны старообрядцевъ, я передавалъ обстоятельство это на обсужденіе вилenskaго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Разсмотрѣвъ нынѣ представленныя присутствіемъ мѣры по этому предмету и признавъ оныя вполне основательными, предлагаю къ точному и неуклонному исполненію, въ видѣ временной мѣры:

1) Для предупрежденія произвольнаго удаленія старообрядцевъ съ земельныхъ участковъ, занимаемыхъ ими въ имѣніяхъ польскихъ помѣщиковъ—предоставить арендаторамъ старообрядцамъ продолжать, въ видѣ временной мѣры, пользоваться арендуемыми ими участками въ тѣхъ даже случаяхъ, когда сроки заключенныхъ ими условій или контрактовъ съ владельцами земель, уже окончились.

2) Примѣняясь къ 128 ст. „Мѣснаго положенія“, для крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, въ предупрежденіе несоразмѣрнато возвышенія помѣщиками арендной платы, обязать сихъ послѣднихъ не взимать съ старообрядцевъ наемныхъ цѣнъ выше указанной въ означенной статьѣ десятичной платы, то есть 3 хъ рублей. сер. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда вносимая старообрядцами арендная плата была ниже 3-хъ р. сер. предоставить имъ пользоваться прежними земельными участками за платимыя ими въ настоящее время цѣны, ни въ какомъ случаѣ не допуская повышенія.

Поручая вашему превосходительству немедленно распорядиться объ объявленіи настоящаго предложенія моего какъ всѣмъ старообрядцамъ, находящимся во ввѣренной вамъ губерніи, такъ равно и помѣщикамъ, на чьихъ земляхъ живутъ старообрядцы въ качествѣ арендаторовъ—я, вмѣстѣ съ тѣмъ, прошу васъ, милостивый государь, возложить на военныхъ

начальниковъ и уездныхъ полицейскихъ управленій, точное и неослабное исполненіе приведенныхъ выше 2-хъ пунктовъ и принять зависящія мѣры къ огражденію старообрядцевъ отъ всякаго притѣсненія со стороны здѣшнихъ помѣщиковъ польскаго происхожденія.

Генераль отъ инфантеріи *Муравьевъ 2.* 17-го іюня 1863 г.

Такое же распоряженіе сдѣлано и по уздамъ, динабургскому, дризенскому, люцинскому и рѣжницкому, витебской губерніи.

— Предложеніе тогожъ генераль-губернатора о наказаніи польскихъ помѣщиковъ, дающихъ въ своихъ помѣстьяхъ приютъ мятежникамъ и проч. — Изъ поступающихъ ко мнѣ донесеній я усматриваю, что многіе помѣщики снабжаютъ являющіяся на ихъ мызы мятежническія шайки продовольствіемъ, оправдываясь принужденіемъ, ко которому они, будтобы, при этомъ подвергаются, и не давая тогда же знать ближайшимъ начальникамъ войскъ о нахожденіи въ ихъ имѣніяхъ мятежническихъ шаекъ, о появленіи которыхъ они заблаговременно знаютъ, такъ какъ шайки эти преимущественно составлены изъ ихъ сыновей, родныхъ, знакомыхъ, или прислуги.

Имѣя это въ виду, я предлагаю вашему превосходительству сдѣлать распоряженіе, чтобы къ помѣщикамъ, которые снабдятъ какимъ либо продовольствіемъ мятежныя шайки, или не предупредятъ ближайшія команды о нахожденіи шаекъ въ сихъ имѣніяхъ, былъ бы со всею строгостію примѣненъ § 19 инструкціи для устройства военно-гражданскаго управленія въ уздахъ, т. е., чтобы на имѣнія ихъ немедленно валагаемъ былъ секвестръ, а находившіеся въ этихъ имѣніяхъ хлѣбъ, овесъ и прочіе запасы, были обращены на продовольствіе войскъ; лошади же и повозки на устройство перевозочныхъ средствъ. Самыхъ помѣщиковъ и управителей ихъ брать подъ стражу и предавать военному суду, а семейства ихъ, немедленно удалить изъ имѣній.

Подписаль: генераль отъ инфантеріи,
Муравьевъ 2-й.

— Постановленіе тогожъ генераль-губернатора объ арестованіи и секвестрѣ имѣній и имущества тѣхъ изъ польскихъ помѣщиковъ и ихъ прислуги, гдѣ шайка мятежниковъ повѣсила трехъ крестьянъ караульныхъ. —

Въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“ напечатано:

„Шайка мятежниковъ въ 50 человекъ, прійдя, 13-го сего Іюня, въ деревню Богданцы, трокскаго уѣзда, виленской губерніи, схватила крестьянъ Яна Седелевскаго, Яна Стефановича и Казимира Дятловскаго, находившихся въ эту ночь въ сельскомъ караулѣ, и повѣсила ихъ.

„Генералъ-губернаторъ, усматривая изъ донесенія объ этомъ происшествіи, что мятежникамъ содѣйствовали экономъ и ловчій имѣнія Богданцы, и что первый изъ нихъ угрожалъ притомъ крестьянамъ установившимъ сельскій караулъ, что съ ними будетъ скрая расправа—приказалъ немедленно произвести, на мѣстѣ, строжайшее дознаніе по сему предмету, и если дѣйствительно окажется, что владельцы или управители окрестныхъ мызъ содѣйствовали мятежникамъ, то забрать тотъ часъ же хлѣбъ и все имущество на этихъ мызахъ, первое употребить на продовольствіе войскъ, а послѣднее, продавъ, вознаграить тѣ несчастныя семейства крестьянъ, которыя пострадали отъ мятежниковъ. Мызу же при деревнѣ Богданцы, гдѣ были повѣшены крестьяне, уничтожить до тла, въ страхъ и примѣръ другимъ. Управителей и помѣщиковъ какъ означенной мызы, такъ и близлежащихъ, которые давали пособіе мятежникамъ, немедленно взять подъ стражу и представить въ виленскую слѣдственную комиссію, вмѣстѣ съ слѣдственнымъ объ нихъ дѣломъ, сообщивъ начальнику губерніи о влеченіи секвестра на всѣ ихъ имѣнія и удаливъ изъ нихъ семейства помѣщиковъ и управителей. Семействамъ же пострадавшихъ крестьянъ выдать по сто руб. сер. каждому.

„Изъ произведеннаго дознанія оказалось, что экономъ мызы Гранополь, помѣщикъ Северина Ремера, Флоріанъ Вонсовичъ, и ловчій съ той же мызы, Адамъ Липинскій, по ихъ собственному признанію, находились въ близкихъ сношеніяхъ съ мятежниками, доставляли послѣднимъ продовольствіе и пріютъ, а по показанію многихъ крестьянъ подозрѣваются, кромѣ того, и въ участіи въ совершенномъ мятежниками злодѣяннѣ. Самъ же владелецъ сказанной мызы, помѣщикъ Ремеръ, зналъ о сношеніи съ мятежниками служащихъ у него лицъ, тѣмъ болѣе, что мятежническія шайки весьма часто заходили въ его имѣніе.

„Вслѣдствіе сего и на основаніи вышеизложеннаго распоряженія г. генералъ-губернатора, Вонсовичъ и Липинскій арестованы и передавы въ распоряженіе виленской слѣдст-

всеной комиссіи, на имѣніи помѣщика Северна Ромера наложенъ секвестръ, а мыза Гранополе уничтожена до основанія. Помѣщикъ Ромеръ за отсутствіемъ еще не взятъ. Семействамъ пострадавшихъ крестьянъ выдано триста рублей.“

— Предложеніе тогожь генераль-губернатора начальникамъ губерній, объ арестованіи, по приговору сельскихъ обществъ, поселянъ заподозрѣнныхъ въ участіи въ мятежъ и неблагодежныхъ. — Вильно. — Въ № 69 „Виленскаго Вѣстника“, напечатано слѣдующее предложеніе господина генераль-губернатора начальникамъ: виленской, ковненкой, гродненской, мианской, витебской и могилевской губерній, отъ 21-го іюня 1863 г.:

«Принимая мѣры къ прекращенію мятежа во вѣренномъ моему управленію краѣ, я, между прочимъ, 11-го іюня, предложилъ циркулярно начальникамъ губерній объявить сельскимъ обществамъ, какъ казенныхъ, такъ и временно-обязанныхъ крестьянъ, чтобы они удерживали проживающую на ихъ землѣ шляхту, однодворцевъ и прочихъ разночиновцевъ, а также и офіціалистовъ, помѣщичью прислугу и дворовую челядь, отъ участія въ мятежъ и содѣйствія оному, поручивъ этимъ обществамъ задерживать виновныхъ или заподозрѣнныхъ въ сношеніяхъ съ мятежниками, безъ различія званія и состоянія, и передавать ихъ ближайшимъ военнымъ командамъ, а земельные участки этихъ лицъ, съ усадьбами и находящимся на оныхъ хозяйствомъ, отдать, по мірскому приговору, въ пользованіе крестьянамъ тѣхъ обществъ, неизмѣняющимъ полевыхъ надѣловъ и отличающимся при томъ порядочною жизнію и преданностью Государю и правительству.

„Между тѣмъ, до свѣдѣнія моего доходить, что многія изъ поименованныхъ выше лицъ, а также арендаторы имѣній, управители, экононы и пр., состоя въ сношеніяхъ съ мятежниками и готовы во всякое время принять участіе въ мятежъ, при появленіи шайкъ въ окрестностяхъ и при проходѣ оныхъ черезъ сѣла присоединяются къ этимъ шайкамъ и дѣйствуютъ съ оными противъ нашихъ войскъ, а по разбитіи и разсыпаніи шайки снова возвращаются на мѣста своего жительства и, наравнѣ съ другими, вѣрными своему долгу поселянами, остаются среди обществъ, въ своихъ домахъ и на своемъ хозяйствѣ, до перваго удобнаго случая, или до повзвенія въ той мѣстности мятежниковъ.

«Такія лица въ средѣ общества не могутъ быть терпи-

мы, тѣмъ болѣе, что они къ измѣнѣ вѣрноподданническому долгу присоединяютъ еще и лицемеріе передъ правительствомъ и мѣстными властями, выказывая себя передъ ними за мирныхъ, честныхъ и вѣрныхъ присягъ поселянъ.

«Для предупрежденія столь гнуснаго обмана и для пресѣченія подобнымъ лицамъ, на дальнѣйшее время, средствъ вводить въ заблужденіе мѣстныя военныя и гражданскія власти, касательно своихъ поступковъ, и такимъ образомъ отклонить отъ себя заслуженное наказаніе, я предлагаю вашему превосходительству предписать уѣзднымъ военнымъ начальникамъ, чтобы они, лично и чрезъ подвѣдомственныхъ имъ уѣздныхъ исправниковъ, объявили всѣмъ сельскимъ обществамъ, какъ казенныхъ, такъ и временно-обязанныхъ крестьянъ, что какъ обществамъ этимъ должны быть извѣсты образъ жизни и поступки живущихъ въ средѣ оныхъ оффиціалитовъ, экономовъ, арендаторовъ и прочей шляхты и разночинцевъ, а равно и помѣщицѣй дворни, то посему каждое общество должно немедленно по всей справедливости указать, кого изъ поименованныхъ выше лицъ почитаетъ оно неблагонадежнымъ, по сношенію съ мятежниками, снабженію ихъ припасами, укрывательству, вербовкѣ и по личному участию въ мятежъ, а также по подозрительнымъ отлучкамъ съ мѣста жительства; причемъ поручить особенному наблюденію военныхъ начальниковъ и уѣздныхъ исправниковъ, чтобы, при составленіи мірскихъ приговоровъ по сему предмету, общество соблюдало совершенную справедливость, безъ всякаго лицепріятія и потворства, а также ненависти и недоброжелательства.

«По собраніи такихъ указаній, военные начальники обязаны повѣрить, по возможности, справедливость оныхъ, а затѣмъ, подвергнувъ аресту тѣхъ лицъ, которыя дѣйствительно окажутся виновными въ участіи въ мятежъ или содѣйствіи мятежникамъ, доставленіемъ припасовъ и пристанища на мызахъ, въ лѣсахъ и вообще на землѣ, имъ принадлежащей, сдѣлать распоряженіе о вложеніи секвестра на ихъ имѣнія, употребить немедленно, на основаніи 19 § данной мною инструкціи военно гражданскаго управленія, найденный у этихъ лицъ хлѣбъ на продовольствіе войскъ, подвергнуть продажѣ движимое имущество ихъ и удалить семейства ихъ изъ мѣстъ жительства. О приведеніи же въ исполненіе настоящаго распоряженія, а равно и о лицахъ, которыя будутъ подвергнуты аресту, довести начальнику губерніи.

„Генералъ отъ инфантеріи *Муравьевъ 2-й.*„

— Объявленіе отъ виленьскаго военнаго губернатора, гродненскаго, ковненскаго и минскаго генераль-губернатора, командующаго войсками виленьскаго военнаго округа и главнѣйшаго изъ витебской и моголевской губерніяхъ. — Въ виду совершающихся въ Височайше вѣренномъ мѣѣ край политическихъ смутъ и безпорядковъ, я почитаю необходимымъ обратиться ко всемъ сословіямъ, населяющимъ край, для разъясненія настоящихъ обстоятельствъ и для указанія каждому изъ членовъ общества тѣхъ обязанностей, которыя лежатъ на немъ по долгу вѣрноподданнаго.

Настало время, когда мятежники должны убѣдиться, что нравительство, предоставившее имъ донинѣ время и средства образумиться и возвратиться къ своему долгу, рѣшилось съ непреклонною твердостью положить предѣлъ преступнымъ ихъ дѣйствіямъ. Главные дѣятели мятежа и сообщники ихъ, подстрекая всѣ сословія къ бунту, разоряя мирныхъ поселенъ, грабя ихъ общественное имущество и предвѣвая мучительнымъ казнямъ людей, вѣрныхъ своему Государю и честно исполнявшихъ свой долгъ—несутъ на себѣ тяжкую отвѣтственность предъ Богомъ, Государемъ, обществомъ и народомъ—и не избѣгутъ правосудной кары.

Изъ дѣлъ слѣдственныхныхъ комиссій, донесеній военныхъ начальниковъ и показаній плѣнныхъ видно, что, кромѣ мелкой шляхты, горожанъ и другой празднои челяди, неотличавшейся никогда хорошею нравственностью, большая часть лицъ, принимающихъ участіе въ настоящихъ безпорядкахъ и сочувствующихъ имъ, принадлежитъ къ сословію католическаго духовенства, дворянства и помѣщиковъ здѣшняго происхожденія. Дворяне и помѣщики, ослѣпленные безразсудными мечтаніями о господствѣ надъ народомъ, который едва только успѣлъ, волею всемилостивѣйшаго Государя нашего, освободиться изъ-подъ тяжелаго ихъ гнета, тайно и явно раздуваютъ пламя волненій и принимаютъ въ нихъ дѣятельное участіе, которое въ этомъ сословіи сдѣлалось до такой степени всеобщимъ, что предводители дворянства, спрошенные по моему приказанію, не рѣшились указать лицъ, на политическую благонадежность которыхъ можно бы положиться. Мирные посредники и другія лица, служація по мирнымъ учрѣ-

деніямъ, забывъ священныя обязанности, возложенныя на нихъ правительствомъ и обществомъ—быть проводниками въ народъ учреждений, клонящихся къ устройству его благосостоянія—сдѣлались главными проводниками мятежныхъ дѣйствій; вслѣдствіе чего я былъ поставленъ въ необходимость—отрѣшиться ихъ отъ должностей, предать виновныхъ военному суду и закрыть большую часть мировыхъ учреждений. Наконецъ католическое духовенство никогда еще такъ дерзко и незаконно, какъ нынѣ, не заявляло своихъ преступныхъ дѣйствій: призывъ къ мятежу раздается съ высоты костельныхъ каедръ; рѣчи, пропитанныя духомъ ненависти и разрушенія, оглашаютъ своды католическихъ святинь, и даже нѣкоторые изступленные проповѣдники сами берутся за оружіе, присоединяются къ шайкамъ бунтовщиковъ и предводительствуютъ нѣкоторыми изъ нихъ. Высшее же духовенство, владыка главнымъ и вѣрнѣйшимъ средствомъ къ умиротворенію края—призывомъ, во имя Божіе, къ порядку и законному долгу—умышленно бездѣйствуетъ, потворствуя, такимъ образомъ, кровавымъ смутамъ и беспорядкамъ. Между тѣмъ, народъ, свято повинующійся законнымъ властямъ, благодарный и безпредѣльно преданный своему Царю-освободителю, страдаетъ и страдаетъ еще отъ этихъ смутъ и беспорядковъ.

Такое положеніе дѣлъ долѣе терпимо быть не можетъ.

Я призываю всѣ сословія къ исполненію своего долга.

Каждый членъ общества обязанъ нынѣ здравомысленно и честно обратиться къ своему вѣрнопопуданническому долгу и, въ виду совершающихся событій, угрожающихъ нечисленными бѣдствіями для цѣлой страны, и въ особенности для землевладельцевъ, содѣйствовать правительству къ возстановленію въ краѣ спокойствія и порядка.

Служителямъ алтара вѣщается въ непремѣнную обязанность повсемѣстно возвѣстити миръ и повинновеніе законной власти, удержать легкомысленныхъ отъ преступнаго увлеченія въ мятежъ, а увлеченныхъ возвратити къ долгу, силою слова Госія и именемъ святой Его церкви. Отцы и матери, руководимые разумною любовью къ своимъ дѣтямъ, обязаны охранять ихъ отъ пагубнаго вліянія злонамѣренныхъ людей.

Дворяне и помѣщики, оставивъ несбыточныя свои надежды, должны немедленно смириться и, отвѣтствуя за свои семейства и за лицъ, поставленныхъ ими для управленія своими имѣніями, подчиниться законной власти, прекратить всякое участіе въ бунтѣ и содѣйствіи мятежникамъ, какъ деньгами, такъ и припасами, задерживать и предавать въ руки правительства злоумышленниковъ, которые появятся въ ихъ имѣніяхъ, лѣсахъ и вообще на ихъ территоріи; въ противномъ случаѣ, виновныхъ приказано брать подъ стражу и предавать военному суду, а на имѣнія ихъ налагать секвестръ, и доходы съ оныхъ, а также съ проданнаго движимаго имущества, употреблять на покрѣтіе расходовъ по усмиренію мятежа и на вспомошествованіе тѣмъ несчастнымъ семействамъ, которыя пострадали отъ неистовства мятежниковъ. Такимъ образомъ, крамольные поступки помѣщиковъ ведутъ ихъ къ совершенному разоренію, а семейства ихъ къ нищетѣ, со всѣми ея губельными послѣдствіями.

Наконецъ, всѣ вообще граждане и жители призываются содѣйствовать правительству, всѣми зависящими отъ каждаго изъ нихъ средствами, къ потушенію мятежа и возстановленію полного спокойствія въ краѣ, помня, что, подчиняясь вліянію мятежной партіи, они только губятъ себя и свои семейства, вызывая кровопролитіе и безплодныя жертвы.

Со стороны моея приняты уже и приводятся въ исполненіе всѣ необходимыя мѣры къ прекращенію и предупрежденію мятежническихъ покушеній.

Снабдивъ военныхъ начальниковъ полномочіями для рѣшительныхъ дѣйствій, сообразно опубликованной уже въ краѣ инструкціи для устройства военно-гражданскаго управленія, я поручилъ имъ принять подъ свое покровительство всѣхъ вѣрныхъ и преданныхъ Государю и правительству жителей, въ особенности крестьянское населеніе, оградивъ его, чрезъ содѣйствіе военной силы, отъ покушенія мятежниковъ; призвалъ крестьянъ, какъ казенныхъ, такъ и временно-обязанныхъ, къ учрежденію вооруженной сельской стражи, для огражденія селеній отъ грабежа и неистовства мятежническихъ шаекъ; на крестьянъ казенныхъ и временно-обязанныхъ возложилъ не допускать въ чертѣ ихъ сель-

скихъ обществъ и въ фольваркахъ мятежныхъ съѣздовъ, вооруженія и вообще приготовленія къ мятежу; забирать подъ стражу всѣхъ, какъ участвующихъ, такъ и содѣйствующихъ оному лицу, какого бы они званія ни были, и передавать ихъ ближайшимъ военнымъ командамъ.

Правительство, не колеблясь, выполнить свою обязанность, для предохраненія края отъ бѣдствій, въ которыя ввергаетъ оный мятежная партія; оно не оставитъ безнаказанно участниковъ и руководителей мятежа, почитая справедливымъ лучше сдѣлать строгій примѣръ надъ нѣкоторыми, чѣмъ допустить кровопролитія и бесполезныя жертвы; многіе изъ виновныхъ, по приговору военного суда, уже понесли заслуженное ими наказаніе; сотни лицъ, и между ними значительное число ксендзовъ и помѣщиковъ, содержатся по крѣпостямъ и острогамъ, и по окончаніи надъ ними слѣдствія и суда будутъ наказаны по мѣрѣ своихъ преступленій.

Принимая всѣ средства къ восстановленію порядка и идя законнымъ путемъ къ охраненію цѣлости и единства государства, правительство не остановится въ дѣйствіяхъ своихъ ни предъ какими препятствіями; опираясь на войско и народъ, оно сильно и необоримо, а сознаніе правоты дѣла и патріотическое къ нему сочувствіе всей обширной Россіи множить и крѣпить эти силы. Западный край, и по большинству кореннаго населенія, и по историческому праву, есть русская земля, исконное достояніе русскихъ государей, и только въ неразрывномъ составѣ съ русскимъ народомъ дворянство здѣшняго края, называющее себя польскимъ, можетъ ожидать отъ милости Монарха улучшенія своего общественнаго быта, осуществленію котораго оно само же ставитъ нынѣ преграду своими противозаконными дѣйствіями.

Обращаясь къ духовенству, дворянству, шляхтѣ и всѣмъ прочимъ сословіямъ и къ лицамъ всѣхъ званій и возрастовъ обоего пола. Призываю ихъ еще разъ къ исполненію вѣрноподданническаго долга, въ томъ убѣжденіи, что каждый, дорожащій спокойствіемъ своего семейства и благосостояніемъ края не замедлитъ поспѣшить содѣйствіемъ своимъ правительству къ прекращенію мятежа и восстановленію порядка. Предупреждаю, что всякое покушеніе, съ чьей бы то ни было стороны, къ дальнѣй-

шему поддержанію мятежа какими-либо средствами, будетъ преслѣдуемо строго и съ неизмѣнною справедливостію; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, объявляю, что призванный волею царскою для умиротворенія края, я готовъ подать руку помощи и ходатайствовать у подножія престола милосерднаго нашего Государя о тѣхъ несчастныхъ жертвахъ безумнаго подстрекательства и вѣроломнаго обмана, которыя, будучи вовлечены въ вѣдѣнныя преступныя дѣянія, изъявятъ полное и чистосердечное раскаяніе и, возвратясь къ своему вѣроподданническому долгу, докажутъ это не на словахъ, а на самомъ дѣлѣ.

Подписалъ: Генералъ отъ инфантеріи *Мурасьевъ*. 2-й.

Вильно, 23-го іюня 1863 года.

—Предложеніе господина генералъ-губернатора начальникамъ виленьской, ковненской, гродненской и мицкой губерціи.—Отъ 29-го апрѣля сего года генералъ-адъютантъ Назимовъ сдѣлалъ распоряженіе о немедленномъ обязаніи дворовыхъ управленій во всѣхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, гдѣ хлѣбъ изъ запасныхъ сельскихъ магазиновъ былъ выданъ безъ разрѣшенія продовольственной комисіи въ установленной формѣ—внести непременно къ 1-му іюня сего года все количество хлѣба, недостававшее въ магазинахъ въ день передачи сего послѣдняго въ вѣдѣніе сельскаго общества.

Исполнительнаго донесенія по этому предмету до настоящаго времени мною не получено; между тѣмъ я получаю увѣдомленія, что многіе помѣщики, вмѣсто заботливости о пополненіи сельскихъ магазиновъ, довольствуются находящимися у нихъ запасами хлѣба мятежническія шайки, и что въ нѣкоторыхъ казенныхъ имѣніяхъ магазины разграблены и истреблены мятежниками.

Вслѣдствіе сего я предлагаю вашему превосходительству, немедленно, съ полученія сего, донести мнѣ, приведено ли во вѣрной вамъ губерціи въ исполненіе на самомъ дѣлѣ вышеизложеннаго распоряженія моего предшественника, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предписать уѣзднымъ военнымъ начальникамъ, чтобы они въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ магазины еще непополнены, немедленно распорядились о пополненіи недостающаго количества хлѣба изъ налич-

ныхъ запасовъ, находящихся у помѣщика, и если затѣмъ еще будетъ недоставать до надлежащаго пополненія магазина, произвести оное изъ зерна, которое будетъ собрано въ настоящемъ году съ засѣянныхъ помѣщичьихъ полей; о семъ объявить для свѣдѣнія, какъ помѣщикамъ, такъ и крестьянамъ, поручивъ волостнымъ правленіямъ имѣть неослабное наблюденіе за непремѣннымъ пополненіемъ магазина.

Что же касается тѣхъ имѣній, какъ казенныхъ, такъ и владѣльческихъ, гдѣ магазины разграблены и уничтожены мятежниками, то какъ настоящей мятежъ, со всеми послѣдствіями онаго, разорительными для края и его сельскаго населенія, произошедъ съ вѣдома и участія здѣшнихъ помѣщиковъ польскаго происхожденія, которые, вмѣсто содѣйствія правительству къ предупрежденію и прекращенію онаго, сдѣлались сообщниками мятежниковъ, сочувствіемъ своимъ, поощреніемъ, складами въ пользу революціонныхъ комитетовъ, снабженіемъ мятежныхъ шаекъ припасами и личнымъ участіемъ въ мятежъ—посему, почитая справедливымъ, чтобы всѣ причененныя мятежниками общественныя убытки были возмѣщены на счетъ землевладѣльцевъ, я предлагаю вашему превосходительству поручить военнымъ начальникамъ и уѣзднымъ исправникамъ тѣхъ уѣздовъ, въ которыхъ были случаи разграбленія и истребленія сельскихъ магазиновъ, сдѣлать раскладку недостающаго количества хлѣба на всѣхъ помѣщиковъ того уѣзда, и безотлагательно пополнить разграбленные и истребленные сельскіе магазины на ихъ счетъ; въ случаѣ же невнесенія ими, по раскладкѣ, слѣдующей части—продавать движимое ихъ имущество и за вырученныя деньги произвести пополненіе. Причемъ поставляется въ обязанность военнымъ начальникамъ и уѣзднымъ исправникамъ объявить всѣмъ помѣщикамъ въ уѣздѣ, что какъ симъ послѣднимъ всегда заблаговременно извѣстно о прибытіи въ ихъ имѣнія мятежническихъ шаекъ, и они могли бы, еслибы оставались вѣрными долгу и присягѣ, предупредить посяженіе мятежниковъ, увѣдомляя о томъ своевременно мѣстныя военныя власти, то посему отнынѣ за разграбленіе и истребленіе магазиновъ прямая отвѣтственность будетъ падать на помѣщиковъ того уѣзда, преимущественно на

ближайшихъ къ разграбленному или уничтоженному магазину, и что на пополненіе убытка будутъ немедленно обращены всѣ принадлежащіе этимъ помѣщикамъ запасы хлѣба, сборъ съ полей, а также и движимое ихъ имущество.

Поручая особенной заботливости вашего превосходительства наблюденіе за точнымъ исполненіемъ всѣхъ вышеназванныхъ распоряженій, я прошу васъ, милостивый государь, предписать военнымъ начальникамъ и уѣзднымъ исправникамъ, чтобы они, съ своей стороны, безъ всякаго послабленія приступили немедленно къ приведенію въ дѣйствіе предписанныхъ выше мѣръ, имѣя въ виду, что успѣхъ оныхъ возлагается на ихъ прямую отвѣтственность.

О послѣдующемъ по сему я буду ожидать отъ вашего превосходительства исполнительнаго донесенія.

Генералъ отъ инфантеріи *Муравьевъ 2-й*.

Предложеніе г. генералъ-губернатора начальникамъ виленьской, ковенской, гродненской, минской, витебской и моголевской губерній отъ 1-го іюля 1863 г. Большая часть казенныхъ фермъ и другихъ оброчныхъ статей, состоящихъ въ вѣдѣніи палаты государственныхъ имуществъ, находится въ арендномъ содержаніи мѣстныхъ дворянъ и помѣщиковъ польскаго происхожденія, изъ коихъ многіе, не смотря на значительныя выгоды, которыми они пользуются отъ владѣнія государственнымъ достояніемъ, приняли дѣятельное участіе въ мятежъ и обращаютъ значительную часть доходовъ отъ арендуемыхъ ими имѣній для поддержанія революціоннаго движенія въ край и содѣйствія мятежникамъ.

Признавая, что для восстановленія спокойствія и порядка необходимо лишить злоумышленниковъ всякихъ средствъ къ дальнѣйшему продолженію ихъ преступныхъ дѣйствій, я покорнѣйше прошу ваше превосходительство предписать всѣмъ уѣзднымъ военнымъ начальникамъ и уѣзднымъ исправникамъ по вѣренной вамъ губерніи, чтобы они строго наблюдали за арендными владѣльцами казенныхъ фермъ и другихъ оброчныхъ статей, и если бы оказалось, что который нибудь изъ самихъ арендаторовъ,

или постановленныхъ отъ нихъ управителей или администраторовъ, принимаетъ участіе въ мятежѣ доставленіемъ шайкамъ денегъ, оружія, продовольственныхъ припасовъ, укрывательствомъ отъ мѣстныхъ властей и военныхъ командъ—бунтовщиковъ и мѣсть, гдѣ они имѣютъ пристанище, а равно и личнымъ участіемъ въ мятежныхъ дѣйствіяхъ—подущеніемъ крестьянъ, вербовкой, распространіемъ мятежныхъ воззваній и вообще подозрительными поступками и отлучками съ мѣста жительства,—то, за полученіемъ о томъ свѣдѣній, военные начальники и уѣздные исправники, поступая съ виновными на точномъ основаніи § 9 и 13, данной мною инструкціи для военно-гражданскаго полицейскаго управленія, и удаливъ семейства ихъ съ мѣсть жительства, обязаны, по смыслу § 14 и 19 той же инструкціи, немедленно взять всё сельскіе продукты и другаго рода имущество и хозяйство, составляющее собственность арендныхъ содержателей, продать оныя и вырученныя деньги представить въ мѣстную казенную палату, увѣдомивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, палату государственныхъ имуществъ, для принятія оною въ свое вѣдѣніе фермъ и оброчныхъ статей и отдачи ихъ другимъ болѣе надежнымъ арендаторамъ.

Поручая вашему превосходительству наблюденіе за точнымъ исполненіемъ настоящаго распоряженія, я прошу васъ, милостивый государь, сообщить объ ономъ мѣстной палатѣ государственныхъ имуществъ для зависящаго со стороны оной исполненія.

Подлинное подписалъ: генераль отъ инфантеріи *Муравьевъ*.

(Виш. Вѣст.)

— Вилено.—Въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“ напечатано слѣдующее предложеніе господина генераль-губернатора начальникамъ: виленской, ковенской, гродненской и минской губерній, отъ 25-го іюня 1863 г.:

„Шайки мятежниковъ, безчинствуя по деревнямъ и мѣстечкамъ, во многихъ мѣстахъ разграбили волостныя управленія, похитивъ хранящіяся въ оныхъ деньги, равнымъ образомъ отобрали отъ сборщиковъ податей общественныя суммы, внесенныя, какъ казенными, такъ и временно-обязанными крестьянами, на уплату повинностей.

„Такъ какъ настоящій мятежъ поддерживается главнѣйше помѣщиками польскаго происхожденія, посредствомъ складовъ на содержаніе революціонныхъ комитетовъ, снабженіе мятежниковъ припасами и деньгами, пристанодержательствомъ, укрытіемъ ихъ отъ преслѣдованія нашими войсками, а также и личнымъ участіемъ въ мятежѣ; то посему, считая справедливымъ оградить какъ казну, такъ и сельскія общества отъ убытковъ, по поводу грабежа и безчинства мятежниковъ, возмѣщеніемъ расхищенныхъ ими капиталовъ съ виновнаго въ мятежѣ сословія помѣщиковъ-подьяковъ — я предлагаю вашему превосходительству сдѣлать немедленно распоряженіе о приведеніи въ положительную извѣстность, сколько по каждому уѣзду ввѣренной вамъ губерніи расхищено мятежническими шайками мирскихъ капиталовъ и податей, которыя были собраны крестьянами для взноса въ казну и отняты мятежниками, съ выдачею квитанцій отъ имени польскаго революціоннаго правительства, и по полученіи о томъ полныхъ и точныхъ свѣдѣній, произвести раскладку расхищенныхъ по каждому уѣзду денегъ на имѣнія того же уѣзда, принадлежащія помѣщикамъ польскаго происхожденія, и возложить на уѣздныхъ военныхъ начальниковъ и уѣздныхъ исправниковъ взисканіе сбора по раскладкѣ, безъ всякаго послабленія, въ теченіи 10-ти дней со дня объявленія о семъ сборѣ дворовымъ управленіямъ; въ случаѣ же невенесенія которымъ-либо изъ помѣщиковъ къ означенному сроку опредѣленной по раскладкѣ суммы, подвергнуть продажѣ движимое имущество ослушника, на выручку положеннаго взноса. Затѣмъ всю собранную по раскладкѣ сумму передать въ уѣздное казначейство, для храненія впредь до оссбаго распоряженія.

„Поручая точное исполненіе всего вышензложеннаго особому наблюденію вашего превосходительства, я прошу васъ, милостивый государь, объ исполненіи мнѣ донести.

Генералъ отъ инфантеріи *Муравьевъ 2-й*“.

Всѣ эти и имъ подобныя мѣры возымѣли свое дѣйствіе, онѣ не остались мертвою буйвою, а, благодаря энергичности и непреклонной волѣ Михаила Николаевича Муравьева, по большей

части раньше срока приведены были въ исполненіе на всемъ пространствѣ Литвы и Бѣлоруссіи, и законная власть, ослабленная и парализованная въ тѣхъ странахъ могуществомъ тайнаго революціоннаго правительства, вполне возстановлена; потому что каждый знаетъ, что всякое слово Михаила Николаевича, хотѣ бы то случайно и мимолетно произнесенное или написанное, будетъ исполнено непременно. Такъ, помѣщики перестали участвовать въ мятежѣ и давать притонъ шайбамъ, они убѣдились de facto что съ русскимъ правительствомъ шутить неловко, когда за всякое открытое участіе въ мятежѣ, однихъ вѣшаютъ и разстрѣливаютъ въ Вильнѣ и другихъ мѣстахъ, среди бѣлаго дня и многочисленнаго народа, собираемаго на мѣсто казни барабаннымъ боемъ, когда имѣнія и имущество ихъ немедленно секвеструютъ, когда въ пополненіе похищенныхъ шайбами казенныхъ и частныхъ денегъ, а также для вознагражденія разоренныхъ мятежниками семействъ неуклонно взимаютъ со всѣхъ р. католиковъ контрибуціи, когда мызы, въ окрестностяхъ которыхъ мятежники умертвили кого нибудь изъ мирныхъ жителей, тотъ часъ же разрушаются до тла, когда земли безпокойной и враждебной Россіи чиншовой и застѣнковой шляхты отдають во владѣніе бѣдныхъ и ополчившихся въ подавленіи бунта крестьянъ, когда съ мятежниками перестали нѣжничать въ мѣстахъ ихъ заключенія, и тотчасъ, послѣ поимки, передають военному суду и немедленно однихъ казнятъ смертью, другихъ ссылають въ каторгу, иныхъ въ Сибирь на поселеніе, а иныхъ въ дальніе русскіе города, или въ арестантскія роты. Перестали проповѣдывать мятежъ и имъ предводительствовать и ксендзы—когда увидѣли, что за измѣну долгу присяги и званію не церемонятся даже съ ихъ бискупами а ссылають въ ссылку, простыхъ же ксендзовъ—мятежниковъ вѣшаютъ и разстрѣливаютъ; даже женщины перестали тамъ носить трауръ, эту наружную вывѣску ихъ измѣны законному правительству, такъ глубоко оскорбляющую національное чувство большинства страны,—законныхъ ея жителей русскихъ, когда пришлось платить большія штрафныя деньги въ пользу солдатъ раненныхъ въ стычкахъ съ мятежниками и разоренныхъ русскихъ семействъ, и, въ добавокъ, подвергаться разнымъ неприятностямъ

отъ полиціи. Даже на улицахъ Вильно и другихъ городовъ тамошняго генераль-губернаторства уже не заявляютъ своей враждебности Россіи митежники отвратительными чамарками, конфедератками и другими эмблемами митежнаго характера, потому что за этотъ маскарадъ стали ихъ ловить и сажать въ тюрьму.

Но, зная, что повсемѣстное исполненіе всѣхъ вышеназванныхъ мѣръ, а слѣдовательно и достиженіе нужныхъ результатовъ, зависятъ отъ благонадежности мѣстныхъ чиновниковъ, Михайлъ Николаевичъ началъ свое управленіе съ удаленія отъ должностей поляковъ, особенно мировыхъ посредниковъ, повсемѣстно заявившихъ себя врагами Россіи и русскаго правительства—и опредѣленіемъ на мѣсто ихъ чиновниковъ русскихъ, вызванныхъ имъ изъ Великороссіи. Онъ не пощадилъ даже и природныхъ русскихъ чиновниковъ — отъ губернатора до канцелярскаго писца, если замѣтилъ въ нихъ полонофильство и неразумную гуманность, весьма коварно и ловко внушенную многимъ даже передовымъ русскимъ исповѣдникамъ польскаго катихизиса, подготовлявшими въ Россіи за нѣсколько лѣтъ друзей настоящей революціи—или даже недостатокъ энергіи, неговоримъ уже о неблагонадежности. Все это предвѣщаетъ близкое возстановленіе спокойствія и порядка въ западномъ краѣ Россіи. Грозная сокрушающая крамолу десница незабвеннаго патріота Михайла Николаевича дѣйствуетъ, конечно, успѣшнѣе, нежели любезныя слова и назидательныя рѣчи гуманистовъ. Михайло Николаевичъ вполне изучилъ шляхетскую натуру, которая подчиняется только силѣ и прессу, а пьетъ на дружеское, логику, законы правды и глумится надъ христіанскимъ происхожденіемъ. Кстати замѣтимъ (мы это узнали изъ вѣрнаго источника), что энергическое подавленіе въ западномъ краѣ Россіи Михайломъ Николаевичемъ мятежа, причинившаго столько бѣдъ краю и обогрившаго его потоками славянской крови, снискало ему расположенность даже многихъ благоразумныхъ помѣщиковъ изъ р. католиковъ, намѣревающихся повергнуть къ стопамъ законнаго своего Государя всеподданнѣйшій адресъ. Они ясно сознали благотѣльность порядка и усладу покоя, когда поставили ихъ рядомъ съ омерзительными явленіями терроризма мятежнаго и самозваннаго революціоннаго правительства, убившаго

въ себѣ всякое чувство чести, совѣсти и челоуѣчества, возведшаго самня разбойническія злодѣянія въ значеніе патріотическихъ подвиговъ, зацятывшаго исторію славянъ неслыханными у дикихъ азиачниковъ варварствами; они наглядно убѣдились въ той истинѣ, что всякій другъ настоящей польской революціи есть врагъ не Россіи только, а всего христіанства и челоуѣчества.

Здѣсь позволимъ себѣ заявить только желаніе нѣсколькихъ жителей западнаго края Россіи, чтобы сельская стража была организована нѣсколько шире и вооружена надежнѣе. Если эта мѣра оказывается по мѣстамъ излишею въ настоящей время, то нельзя отвергать ея важности и огромнаго вліянія на спокойствіе и безопасность края въ будущемъ.

Примѣчаніе. Сборникъ полезныхъ мѣръ для усмиренія мятежа, благоразумно приспособленныхъ къ его характеру и особеннымъ обстоятельствамъ здѣшняго генералъ-губернаторства, постараемся помѣстить въ слѣдующей книжкѣ.

15 іюля 1863 г.

Кіевъ.

СОДЕРЖАНІЕ XI КН. ВѢСТНИКА.

ОТДѢЛЪ I.

- № 31 МАТЕРІАЛЫ для исторіи православія въ Галиціи.—Реляція о приходской церкви Вировской, олатинившейся. Стр. 29.
- № 32 МАТЕРІАЛЫ для исторіи гоненія диссидентовъ въ 6. Польской Рѣчи—Посполитой.—Замѣчанія на статью о диссидентахъ, вносившуюся обыкновенно въ генеральныя конфедераціи (переводъ съ польскаго).—Стр. 36.

ОТДѢЛЪ II.

- ЖИЗНЬ преподобной княжны полоцкой, св. Евфросиніи.—1) Жизнь св. Евфросиніи; 2) Опроверженіе мнѣнія папистовъ, будто бы св. Евфросинія и другіе древніе, св. угодники русской церкви были уніаты. *М. Гомерскаго.* Стр. 36.
- ИНОВѢРЦЫ въ волынской губерніи. 1. *Р. Жатолики О. Китченко*—Стр. 43.
- ОТНОШЕНІЕ древне русскаго общества къ церкви въ періодъ до-монгольскій. *Лылова.* Стр. 87.

ОТДѢЛЪ III.

- ЕЩЕ О НАРОДНЫХЪ школахъ кіевской губерніи, съ приложениями. *Е. Кр—скаго.* Стр. 37.
- ОТКЛИКЪ «Вѣстника Голосу». Редакціи «Вѣстника». Стр. 72.

ОТДѢЛЪ IV.

- ВОЕВОДА Волгій Хвостъ. Новѣсть красная, время великихъ князей Святослава и сына его Володимира (продолженіе). *Николая Семеновскаго.* Стр. 1.
- СОВРЕМЕННОЕ положеніе болгаръ въ религіозномъ отношеніи. *М. Горчакова.* Стр. 20.
- СТИХОТВОРЕНІЯ. 1. Медвѣди туристы (басня). 2. Улей (басня) *М. Ж.* Стр. 28.
- О ПРАВОСЛАВНОЙ церкви у австрійскихъ сербовъ (окончаніе). Стр. 30.
- ПИСЬМО въ редакцію Вѣстника изъ Нѣжина. Стр. 36.
- ШЛЯХТО-КСЕНДЗОВСКІЙ мятежъ. (Извлеченія изъ русскихъ газетъ и журналовъ. Изъ Новоградъ-Волынскаго. — Письмо изъ Кіева въ редакцію Свѣ. Пчелы. — Изъ «Наше Время» о польскомъ мятежѣ — Размышленіе газеты «Московскія Вѣдомости» по поводу слуховъ о притязаніи папы имѣть въ С. Петербургѣ своего нунція.—Мнѣніе «Виленскаго Вѣстника» о характеристическихъ чертахъ польскаго мятежа.—Продолженіе поречія злодѣйствъ, совершенныхъ польскими гѣсными бродягами.—Мученичество православныхъ священниковъ о. *Проконевича* и о. *Жономасевича* Стр. 39.
- МУДРЫЯ мѣры виленскаго генераль-губернатора Михаила Николаевича Муравьева 2, для скорѣйшаго усмиренія шляхто-ксендзовскаго мятежа въ западныхъ губерніяхъ Россіи стр. 64
- ОБЪЯВЛЕНІЕ о продолженіи изданія Вѣстника юго-зап. и зап. Россіи. (приложеніе).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Вѣстникъ Юго-западной и Западной Россіи выходитъ съ 1-го іюля настоящаго 1862 года по 1-е іюля 1863 года, **ежемѣсячно**, книжками отъ 12 до 14 листовъ обыкновенной печати. (По настоящее время редакція давала публикѣ отъ 16 до 17 листовъ и болѣе сжатой печати).

Подписка принимается:

Въ **Кіевѣ**, въ редакціи журнала, на Подолѣ, и въ конторѣ его при книжномъ магазинѣ г. **Литова**, на Крещатику; въ **С.-Петербургѣ**, въ конторѣ журнала, при книжномъ магазинѣ **А. Ф. Базунова**, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Ольхиной противъ Миллютиныхъ ладокъ, въ книжномъ магазинѣ гг. книгопродавцевъ **Кораблева** и **Сирякова**, на Садовой улицѣ, противъ Гостиннаго двора, въ домѣ Балабина, и въ книжномъ магазинѣ **С. И. Литова**, на углу Невскаго проспекта и Малой Садовой; въ **Москвѣ**, въ конторѣ журнала, при книжномъ магазинѣ **И. В. Базунова**, и комиссіонера «Вѣстника» купца **Г. В. Барскаго**, на Садовой у гостиницы Полтава, въ домѣ Быхова; въ **Варшавѣ**, у книгопродавца **И. В. Дутова**; въ **Одессѣ**, въ книжномъ магазинѣ **А. С. Великанова**.

ЦѢНА ВѢСТНИКА ЗА ГОДЪ:

Для жителей Кіева, безъ доставки 6 руб. 50 коп., съ доставкою на домъ 7 руб. 50 коп., а съ пересылкою во всѣ города имперіи 8 руб.

Гг. иногородные благоволятъ относиться съ своими требованіями исключительно въ редакцію журнала Вѣстникъ Югозападной и Западной Россіи въ Кіевѣ.

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать редактору «Вѣстника» Ксенофонту Антоновичу **Говорскому**, въ Кіевѣ.

СОДЕРЖАНІЕ XI КН. ВѢСТНИКА.

ОТДѢЛЪ I.

№ 31 МАТЕРІАЛЫ для исторіи православія въ Галиціи.—Релиція о приходской церкви Вировской, олатинившейся. Стр. 29.

№ 32 МАТЕРІАЛЫ для исторіи гоненія диссидентовъ въ б. Польской Рѣчн—Поспалитой.—Замѣчанія на статью о диссидентахъ, вносившуюся обыкновенно въ генеральныя конфедераціи (переводъ съ польскаго).—Стр. 36.

ОТДѢЛЪ II.

ЖИЗНЬ преподобной княжны полоцкой, св. Евфросиніи.—1) Жизнь св. Евфросиніи; 2) Опроверженіе мнѣнія папистовъ, будто бы св. Евфросинія и другіе древніе, св. угодники русской церкви были уніаты. **Б. Говорскаго.** Стр. 36.

ИНОВАЦІИ въ волынской губерніи. 1. **Р. Батолики О. Китченко**—Стр. 43.

ОТНОШЕНІЕ древне русскаго общества къ церкви въ періодъ до-монгольскій. **Лылова.** Стр. 87.

ОТДѢЛЪ III.

ЕЩЕ О НАРОДНЫХЪ школахъ кievской губерніи, съ приложеніями. **Е. Кр—скаго.** Стр. 37.

ОТКЛИКЪ «Вѣстника Голосу». Редакціи **Вѣстника.** Стр. 72.

ОТДѢЛЪ IV.

ВОЕВОДА Волчій Хвостъ. Повѣсть красная, времяя великихъ князей Святослава и сына его Володимира (продолженіе). **Николай Семеновскаго.** Стр. 1.

СОВРЕМЕННОЕ положеніе болгаръ въ религиозномъ отношеніи. **М. Горчакова.** Стр. 20.

СТИХОТВОРЕНІЯ. 1. Медвѣди туристы (басня). 2. Улей (басня) **Ш. Ш.** Стр. 28.

О ПРАВ СЛАВНОЙ церкви у австрійскихъ сербовъ (окончаніе). Стр. 30.

ПИСЬМО въ редакцію Вѣстника изъ Нѣжина. Стр. 36.

ПЛЯХТО-КСЕНДЗОВСКІЙ мятежъ. (Извлеченія изъ русскихъ газетъ и журналовъ. Изъ Новогорады-Волынскаго. — Письмо изъ Кіева въ редакцію Свѣ. Пчелы. — Изъ «Наше Время» о польскомъ мятежѣ — Размышленіе газеты «Московскія Вѣдомости» по поводу слуховъ о притязаніи папы имѣть въ С. Петербургѣ своего нунція.—Мнѣніе «Вилнскаго Вѣстника» о характеристическихъ чертахъ польскаго мятежа.—Продолженіе перечня злодѣйствъ, совершенныхъ польскими лѣсными бродягами.—Мученичество православныхъ священниковъ о **Прокопича и о Ксеновасевича** Стр. 39.

МУДРЫЯ мѣры вилнскаго генераль-губернатора Михаила Николаевича Муравьева 2. для скорѣйшаго усмиренія пляхто-ксендзовскаго мятежа въ западныхъ губерніяхъ Россіи стр. 64

ОБЪЯВЛЕНІЕ о продолженіи изданія Вѣстника юго-зап. и зап. Россіи. (приложеніе).

